

"Беглянка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Вера Чиркова

СТАРЫЙ ЗАМОК. БЕГЛЯНКА

ГЛАВА 1

— Вон он! Приехали! — Парнишка-проводник ткнул пальцем в сторону возвышающегося посреди озера каменистого островка и уставился на меня ожидающим взглядом.

— Мы же договорились — до самых стен, — сухо отрезала я, направляя коня к поросшей подсохшим пыреем довольно высокой песчаной насыпной дороге, соединяющей берег с местом, до которого добиралась почти полторы декады.

Последние три дня — в сопровождении этого нахального и болтливого недоросля, и за это

время он намозолил мне глаза хуже овода. Я уже с удовольствием отправила бы его назад, да владелец придорожного трактира, сдавший отпрыска внаем, вместе с противным мальчишкой предоставил и вьючную лошадку, без которой Кышу просто не под силу было увезти весь мой багаж. А взять меньше никак не получалось, и так отбирала лишь самое необходимое. Мне еще повезло, до того самого трактира мы добирались с попутным торговым обозом, и пока я тряслась в телеге, Кыш немного отдохнул.

Проводник злобно ругнулся себе под нос, но я сделала вид, будто ничего не расслышала, увлеченная изучением своего нового владения. Хотя это зрелище ожидаемо особой радости не доставило. Даже отсюда были видны редкие, осыпавшиеся зубцы полускрытой кустами ограды и провалившаяся крыша донжона, густо оплетенного какой-то вьющейся зеленью.

Впрочем, буйная растительность была пока единственным, чем мог бы похвалиться островок, но я справедливо подозревала, что это кажущееся достоинство замка Глоэн станет самым первым и самым непобедимым изъяном, едва мне придется браться за наведение порядка во дворе и в саду.

— Дальше не поеду! — категорично объявил парнишка, едва мы добрались до первых густых кустов, и на этот раз не поддался ни на какие уговоры и посулы.

Решительно спрыгнул с коня, привязал к своему седлу повод флегматичной кобылки и принялся отвязывать тюки с моим имуществом. День клонился к вечеру, и паршивец явно мечтал к ночи налегке добраться до места нашей последней ночевки — небольшой рыбацкой деревушки, каких много в этом озерном краю.

Пришлось смириться с его упорным нежеланием ехать дальше, слезать с Кыша и помогать. Едва получив расчет, парень вскочил на коня и торопливо помчался прочь, забыв даже сказать хоть пару слов на прощание.

— Храните его светлые боги, — хмуро глянула я вслед уводимой проводником кобылке, приказала Кышу лечь и принялась привязывать багаж к седлу.

Самой мне теперь придется идти пешком, и вряд ли этот путь покажется легким, хотя до ворот не более сотни шагов. Однако вовсе не по присыпанной песочком дорожке, а по зарослям крапивы, сныти и чертополоха, вымахавшим почти в человеческий рост.

— Кыш, тебе выпала честь первому ступить в наши владения, — невесело сообщила я животному и указала на кусты, — вперед!

Верный питомец покорно вломился в заросли сорняков, и мне пришлось, покрепче стянув завязки дорожной шляпы, продираться следом, мысленно заклиная мохнатого друга потерпеть и не метить тропу. Хотя и не в привычках Кыша уподобляться в этом вопросе обычным лошадям, зато он довольно мстителен. И едва заподозрив малейшую обиду или несправедливость, немедленно выразит свое недовольство. Таким способом, какой сочтет подходящим случаю.

Ворота, собранные под кованые пластины из добротных плах мореного дуба, оказались целыми и даже накрепко запертыми, но меня это не огорчило. Рядом, вдоль каменной ограды, вилась еле заметная стежка, протоптанная невесть какими существами в зарослях лопухов и борщевика. Она-то и привела нас к узкому пролому в стене, на первый взгляд не очень подходящему для прохода лошади с грузом. Однако Кыш вовсе не был чистокровным представителем своего рода и потому обладал редчайшими способностями, позволяющими ему не только пробираться по кручам и узким тропкам с грациозностью газели, но и многое другое.

Вот и теперь он спокойно взобрался вслед за мной по обломкам стены к самой широкой части пролома, проследил желтовато-зеленым глазом, как осторожно его хозяйка проверяет тропу, и, обгоняя меня, в три огромных прыжка оказался во дворе.

Тут травы было меньше, и хотя она умудрялась пробиваться даже через щели плотно подогнанных плит песчаника, зато выросла чахлой и мелкой. Роскошные заросли сорняков рвались в основном из углов, куда осенние ветра из года в год наметали мусора и палой листвы.

Мы шествовали по двору неторопливо, как строгий капитан, принимающий под свое командование новую шхуну, попутно изучая все, на чем останавливался взор. Кыша в основном интересовали трава и росшие под окнами одичалые кусты смородины, так как ячмень, взятый на последнем постоялом дворе вместе с проводником, закончился еще вчера вечером, и другого взять было неоткуда. Впрочем, потомка дикого урга и горной пастушьей лошадки это обстоятельство не особо беспокоило. В наследство от папаши ему достались всеядность и почти лисья добычливость. Ну а от матери — обманчиво кроткая внешность и выносливость.

Меня же больше беспокоило, в каком состоянии колодец, — ходить за водой на берег совершенно не хотелось. Еще я упорно искала взглядом дрова, о которых говорилось в описании, сделанном прежним владельцем. Хотя он вполне мог и приврать, ведь точно знал, что ни один дурак не станет тратить уйму сил и серебрушек, чтобы вернуться в Тагервелл и потребовать неустойку.

Разномастные хозяйственные строения, окружавшие двор со всех сторон, безмолвно свидетельствовали о прошлом процветании хозяев Глоэна, но я, не обращая на них внимания, упорно продвигалась к центральному дому, который стряпчий, продававший замок по доверенности, важно именовал дворцом. Но еще в тот момент, когда я бдительно изучала план замка, было предельно ясно, что никак не может претендовать на это громкое звание двухэтажный дом с двумя угловыми башенками по фасаду и донжоном, прилепленным с тыльной стороны. Зато вполне достоин стать моим новым жилищем, особенно если там и в самом деле есть двери, стекла и работают печи.

Добравшись до высокого парадного крыльца, я покопалась в карманах и извлекла почерневший от старости ключ, но торжественное открытие не состоялось. Кыш вдруг напрягся, зашипел вовсе не по-лошадиному и плавно, как кошка, скользнул вдоль стены к углу, за которым, как мне помнилось, был еще один, черный вход, ведущий на кухню и в помещения для прислуги.

Я двинулась за мохнатым другом, сразу позабыв про усталость и хозяйственные заботы, на ходу доставая из висевшего на плече чехла тонкий, как спица, дротик. Не очень надежное и не совсем женское оружие, но другого у меня, к сожалению, не было, если не считать упакованного в один из тюков топорика да умений, отточенных в тренировочном зале Леброта.

Картина, представшая передо мной, едва мы заглянули за угол, насторожила и возмутила до глубины души неожиданным открытием. Судя по всему, в моем новом владении уже кто-то жил. Возле заднего крылечка сохли багры и весла, а на колышках, вбитых в трещины стены, висели сети. На усыпанных чешуей каменных ступеньках стояло деревянное корытце, накрытое рогожкой, и все это было пропитано ядреным рыбным духом. То ли уже солилась рыба, то ли потроха забыли выбросить. Но запах довольно свеж, значит, рыба поймана совсем недавно, не ранее вчерашнего дня. А судя по еще не просохшим веслам, неизвестный рыболов или рыболовы сейчас находятся в доме.

В моем доме.

Да и где им еще быть, расстроено вздохнула я, если солнце уже склонилось к заросшим лесом холмам на горизонте, а небо уверенно и неуклонно затягивает темной тучей? Все нормальные люди к этому времени стараются доделать дела и устроиться поуютнее с книгой в руках или заняться чем-нибудь интересным.

И мне тоже пора располагаться на ночлег, только теперь придется вначале решать, как поступить с незваными квартирантами. Вызвать нахальных гостей во двор и предложить убраться или войти с главного входа и попробовать выгнать их изнутри?

Как водится, у каждого плана имелся не один недостаток, и сейчас было бесполезно даже пытаться понять, какой путь окажется надежнее. Или ни о какой безопасности тут вообще не может быть и речи?

Но во всех случаях — не стоять же мне за углом до тех пор, пока рыбакам не приспичит прогуляться?

Мы с Кышем порядком устали и просто мечтали плотно перекусить и свалиться на собственную постель, где можно отоспаться за все прошедшие дни. Выходит, придется рискнуть... и, наверное, мне все-таки лучше войти через парадный вход, а не мяться у черного, подобно бедной родственнице.

Я даже руку уже положила на шею Кыша, намереваясь тихо развернуть его назад, как вдруг он уверенно шагнул в сторону заднего крыльца, и не сразу, но до меня все же дошло, какой довод стал главным в выборе питомца. Конечно же рыба, урги ее просто обожают и даже умеют ловить. Но никогда не откажутся обчистить чужие низки и бочонки с заломом.

— Кыш! — взмутилась я, едва осознав, в какое неприглядное положение поставит меня животное, если сейчас украдет чужое. — Нельзя! Назад!

Но он, словно ничего не слыша, упорно двигался вперед, и мне поневоле пришлось уступить. Ну не драться же с собственным конем на потеху наглым захватчикам?

Я сумела задержать его лишь возле нижней ступени крыльца и красноречиво показала кулак, отчетливо понимая, что самой мне медлить теперь нельзя. Возможно, кто-то как раз смотрит на нас через окно или еще откуда-нибудь, и эти минуты моего сомнения станут тем самым пресловутым первым впечатлением. Хотя и лезть напрямик к двери тоже было довольно безрассудно.

Оглядевшись по сторонам, я наткнулась взглядом на багор и поняла, что нашла самый лучший выход. Сдвинув на спину пенал с оружием, подхватила длинную жердину и несколько раз сильно ударила в дверь. Прислушалась и ударила еще пару раз. И когда совсем уже собралась стукнуть еще, дверь тихо, без скрипа и лязга засовов, отворилась. Я отступила на шаг и впиалась в захватчика изучающим взглядом, удобнее перехватывая багор. Хотя это совсем не мое оружие, но для первого удара сойдет.

Незнакомец был выше среднего роста, крепок и жилист, насколько позволяла судить свободно болтающаяся на его плечах простая серая рубаша. Мускулистые руки, шея и босые ноги, выглядывающие из обтрепанных полотняных штанов, были загорелы почти до цвета чая. А вот обрамленное русыми волосами и более темной бородкой довольно молодое худощавое лицо оказалось намного светлее, стало быть, на рыбалку он ходит в шляпе.

— Ну чего тебе? — Недовольно хмурясь, захватчик пристально оглядел нас с Кышем, и его

губы сложились в пренебрежительную ухмылку.

С этого мгновения он стал для меня врагом, и ни о каких мирных переговорах я больше даже не помышляла.

— Это мой замок, — сообщила я холодно и высокомерно и категорично заключила: — И постояльцев я не пускаю.

— А документы в порядке? — язвительно осведомился незнакомец, но трудно было не заметить мрачно сдвинувшиеся брови и не сделать верные выводы.

Он и сам знал, что ни одна молодая особа не решится на такой трудный путь ради того, чтобы занять не принадлежащее ей имение.

— Разумеется, — еще более ледяным тоном процедила я, и не думая лезть за купчей. — Поэтому убраться вам надлежит немедленно.

— Не очень-то благородный поступок — выгонять человека на ночь глядя, — едко усмехнулся он, но даже не сдвинулся с места.

— Гораздо благороднее на ночь глядя выгнать женщину из ее собственного дома, — немедля не менее ехидно парировала я, непримиримо глядя в лицо мужчины, и тут же ощутила острый укол досады, рассмотрев мелькнувшую на узких выразительных губах самодовольную усмешку.

Он обыграл меня, как селянку, обошел, не сделав ни малейшего усилия, с первого взгляда определив мой характер и воспитание. И мгновенно выстроил диалог таким образом, чтобы в три хода прийти к нужным результатам.

— Но я же вас не выгоняю, — с преувеличенным огорчением тяжело вздохнул наглец, — и готов компенсировать исключительно по неведению нанесенный вашему дому ущерб. В силу моих возможностей — рыбой и помощью с багажом. Если вы откроете парадный вход, то найдете на втором этаже довольно удобные комнаты. Я готов доставить туда ваши тюки. А завтра начну подыскивать себе новое место.

Ну разумеется, после этого мне ничего не оставалось, кроме как мрачно кивнуть и решительно дернуть Кыша за повод, тем самым показывая ему, что не стоит облизываться на чужую рыбу. Вот расплатятся с нами за постой — сама выдам другу его долю. Кыш возмущенно фыркнул, нехотя развернулся и тотчас отомстил нахальному захватчику чужой территории за недогадливость и негостеприимство, оставив возле крылечка духовитую кучку.

Пришлось сделать вид, будто я не заметила брезгливо сморщенного носа незваного постояльца и не нахожу ничего предосудительного в подобном деянии животного. Никому до сих пор не удалось приучить чистопородных лошадей ходить в песочек.

А о том, что Кыш к таким животным не относится, наглому захватчику чужих замков знать вовсе не обязательно.

Вернувшись к парадному крыльцу, я привязала Кыша к столбику перил и отправилась отпирать дверь. Замок открылся на удивление легко, видимо, последний владелец был человеком заботливым. Непонятно только, почему продал Глоэн, прожив тут всего полгода. Стряпчий как-то вскользь упомянул, будто климат ему не подошел, и поспешил перевести разговор на другое, а я не стала настаивать. И сама прекрасно знала, если бы здесь все было так прекрасно, как расписывал посредник, проевший на таких делах зубы, то не видать бы мне

Глоэна как своих ушей. В других местах за ту же цену предлагали от силы заброшенный постоялый двор.

Распахнув дверь, я с минуту стояла молча, внимательно оглядывая весьма просторное сумрачное помещение, которое горожане гордо называют прихожей, а селяне — сенями. По обе стороны этой комнаты имелись закрытые двери, а в центре начинались ступени ведущей на второй этаж довольно широкой деревянной лестницы. И по мере того как мой взгляд постепенно привыкал к сумраку, я осознавала все отчетливее, как сильно поспешила похвалить бывшего владельца. Если, покидая Глоэн полгода назад, он и удосужился смазать запоры, то смести пыль с пола и подоконников никак не мог. И значит, незванный квартирант живет тут уже не первый день, раз успел заняться уборкой помещений. Впрочем, он ведь ясно дал понять, насколько хорошо знаком с расположением комнат и даже успел изучить их и выбрать самые удобные. Следовательно, побывал здесь далеко не один раз, а не довольствовался только лишь кухней.

До этого момента я даже не задумывалась о том, стоит ли позволять самозваному постояльцу таскать в дом багаж. Но после сделанного мной маленького открытия вопрос решился сам собой.

Разумеется, нет.

Если следовать советам Леброта, то мне этого жулика и в дом пускать не следует, не то что доверять ему свои вещи. Незванный квартирант вполне может устроить неожиданно появившейся хозяйке, сломавшей все его планы, какую-нибудь пакость, ведь проследить за добровольным помощником мне просто не под силу. Для этого пришлось бы самое малое бегать за ним следом вверх-вниз.

Я уже ясно осознавала, что первым делом нужно пойти взглянуть, открыт ли отсюда проход на заднюю половину. И если да, то как можно скорее запереть его и парадную дверь. Ну а если замки окажутся слабоватыми, то и забаррикадировать чем-нибудь тяжелым. Затем обойти весь дом, проверить все окна и выходы в пристроенный к северной стене донжон и угловые башни.

Вот только после всего этого вряд ли у меня останутся силы доползти хотя бы до умывальни. Впрочем, зачем мне идти в умывальню, если там не может быть воды?

Стало быть, придется притвориться рассеянной неумехой из той непонятной мне породы девиц, которая без помощи служанки не может заплести собственные волосы и не знает, сколько времени варится яйцо. А потом положиться на собственные умения да слух потомка урга. Вдвоем с Кышем с одним наглецом мы как-нибудь справимся.

Внезапно снаружи донеслись яростная ругань рыбака и недовольное шипение полуурга, и я поспешила вернуться на крыльцо. Долго гадать, какие события тут произошли, мне не пришлось. По-видимому, очень не любивший стоять на привязи Кыш снова решил поступить по-своему. Перекусил повод и направился следом за мной, а подоспевший постоялец, судя по возмущенной морде животного, попытался его остановить. Ну и, само собой, получил еще один запашистый подарок, прямо на сапоги.

— Я сама занесу багаж, — притворно смутилась я. — Достаточно будет, если вы дадите мне рыбы.

Выждав, пока стиснувший от негодования зубы рыболлов кое-как оботрет травой сапоги и, преувеличенно прямо держа спину, удалится за угол, я укоризненно взглянула на невозмутимо

жующего обрывок поводка Кыша и пригрозила:

— Еще раз напачкаешь во дворе — привяжу на цепь и поставлю в стойло.

Отпрыск урга наклонил голову и попытался виновато лизнуть мою руку.

— Не пользуйся моей добротой! Кто теперь будет чистить нам перед крыльцом?

Кыш поднял на меня зеленые глаза, покосился на тучу, уже накрывшую большую часть неба, и шумно, как лошадь, вздохнул. Мол, дождь помоеет, не понимаешь, что ли?

— Тащи теперь багаж сам, дверь тут широкая, — решила я воспользоваться его провинностью и легонько подтолкнула мохнатого жулика к входу.

Упрямитесь знавший свою вину Кыш не стал: протиснулся в проем и побрел вперед, принюхиваясь, как собака, взявшая след.

— Сама знаю, что он чувствовал себя здесь полным хозяином, — буркнула я мрачно и направила зверя к лестнице: — Наверх. Отрабатывай свою невоспитанность.

Кыш снова презрительно фыркнул, легко взбежал по лестнице до арки, ведущей в темный коридор второго этажа, и замер, всем своим видом давая понять, что отказывается идти дальше.

— И на том спасибо, — бурчала я, отвязывая мешки и сундучки и снимая упряжь, только с виду похожую на обычную. — А теперь иди погуляй, да не вздумай трогать чужую рыбу. Завтра своей наловим.

ГЛАВА 2

Потомок урга легко и почти бесшумно скользнул вниз, мохнатые лапы у него заканчивались не копытами, а жесткими подушечками, под которыми таились здоровенные когти. Обычно Кыш их прятал и ходил на подушечках, издали слегка походивших на копытца. Но при необходимости, желая полакомиться птичьими яйцами или перейти пропасть по бревну, выпускал когтищи и карабкался по скалам и стенам, словно огромный кот.

Темно-серая кисть хвоста махнула в проеме распахнутой двери и исчезла, а я взялась было за ручку сундука, постояла... и раздумала прямо сейчас тащить его в комнату. Дверь, ведущая из сеней в ту сторону, где были расположены кухня, столовая и комнаты для прислуги, влекла меня ароматом опасности и тайн.

Но прежде чем туда направиться, мне пришлось присесть прямо на ступени и стянуть сапоги, надоевшие почти до тошноты. Никогда раньше мне не приходилось столько дней подряд почти не снимая носить эту хоть и удобную в путешествии, но весьма непривычную обувь. По заведению, которое про себя я называла конторой, а для клиентов — салоном, удобнее всего было ходить в мягких вышитых туфельках на низком каблучке. Ну а на прогулку надевала ботиночки, фасон и высота которых менялись в зависимости от погоды и платья.

— А вот здесь придется ходить босиком, — сердито прошипела я, рассматривая покрасневшую, припухшую кожу на пятках.

Достав из багажа вязаные носки, в которых спала во время путешествия, я со вздохом облегчения торопливо натянула их на ноги и почти бегом помчалась вниз. И первым делом,

добравшись до входной двери, задвинула внушительный кованый засов. А лишь после того, облегченно вздохнув, принялась за изучение своего нового дома.

В правую от входа, более широкую, двустворчатую дверь я заглянула лишь затем, чтобы убедиться — это большая парадная гостиная, весьма скудно обставленная обшарпанной старинной мебелью. В глубине комнаты виднелись еще двери, но выяснение, куда они ведут, я оставила на завтра. Сначала с невольным трепетом приоткрыла ведущую влево от входа дверь. За ней оказался довольно широкий коридор, вдоль которого виднелось несколько дверей. Первая, торцевая, вела в полутемную дворецкую, совмещенную с гардеробной, и входить в нее я не стала. Судя по пыли на столе и закрытых ставнях, этой комнатой незаконные квартиранты не пользовались. А вот следующая дверь, с широкими створками, наполовину застекленными старинным, мутноватым стеклом, предсказуемо оказалась столовой, и несколько секунд я стояла, прижавшись к ней ухом и пытаюсь понять, не столкнусь ли с захватчиком, если попытаюсь ее открыть.

Хотя... а если даже и столкнусь, я ведь в своем собственном доме? И значит, имею полное право его осмотреть. Да и что может быть сильнее женского любопытства, не мне ли этого не знать?

Осторожно толкнув дверцу, я очутилась в просторной столовой, обставленной старинной мебелью по моде прошлого века. Посредине, под кованой люстрой, на одном рожке которой висел вполне современный масляный светильник, стоял длинный и широкий обеденный стол, окруженный редкой толпой явно собранных из других комнат стульев. А возле огромного и, несомненно, прожорливого камина в окружении столь же разномастных кресел приютился еще один столик, на этот раз овальный и невысокий. Едва разглядев эти тесно сдвинутые сиденья, несколько расставленных по столешнице тарелок и бокалов, а главное — еще не засохшие остатки еды, я почувствовала, как по спине пополз ледяной сквознячок. Человек, живущий в одиночку, не может пить одновременно из четырех бокалов и есть четырьмя вилками. И значит, я в намного большей опасности, чем представляла еще пять минут назад.

Как вылетела из столовой, как домчалась до передней и трясущимися руками заперла дверь в коридор на огромный старинный засов, я не помнила. Немного пришла в себя лишь после того, как жарко поблагодарила строителей замка за модную в прежние времена предосторожность: запирают на ночь хозяйскую, чистую часть дома от той, где жили и работали кухарки и домашние слуги. Иначе мне прямо сейчас пришлось бы срочно решать, каким из немногих предметов, припасенных для защиты, стоит пожертвовать, чтобы пережить эту ночь.

Немного успокоившись, я пробежалась по первому этажу, проверяя запоры ставень и примыкающие к гостиной комнаты, дальняя из которых оказалась кабинетом, а ближняя, более просторная, по-видимому, когда-то служила библиотекой. Никаких книг в ней давно не было, лишь валялось на полках несколько проеденных мышами растрепанных ученических тетрадей да пара пыльных рукописей. Но я все же прошла вдоль стен, внимательно изучая деревянные панели. Лорд Глоэн, выстроивший когда-то этот дом, вполне мог именно отсюда устроить вход в потайные коридоры, хотя стряпчий клятвенно уверял, будто никаких ходов под замком нет.

Не найдя ничего подозрительного, я торопливо поднялась на второй этаж, проверила все комнаты и вскоре обнаружила те покои, о которых упомянул главарь обосновавшейся тут банды.

Видимо, раньше в них жили хозяева Глоэна, так как комнаты оказались просторнее других и размещались в центральной части, а кроме того, выходили окнами на насыпь, соединяющую

остров с берегом. Покои состояли из двух помещений, первое — кабинет или гостиная, и спальня. Как я и подозревала, здесь было довольно чисто, на кровати лежали почти новые тюфяки и одеяла, а в углу нашлась невероятная роскошь для такого старого дома — дверка в небольшую умывальню.

Вот теперь я окончательно убедилась в правоте собственных подозрений. Вовсе не ютился главварь незваных гостей Глоэна в тесных комнатках для прислуги и, судя по виду из окна, вполне мог издали заметить наше появление. И раз успел унести отсюда свои вещи, значит, имел достаточно времени, чтобы заранее придумать, как вести себя с хозяйкой имения, свалившейся как снег на голову.

Мне отчетливо припомнилось, в каком виде этот интриган вышел навстречу, и язвительный смешок сам сорвался с губ. Вот уж кем-кем, но глупенькой, сластолюбивой девицей, пускающей слюни при виде загорелой мужской шеи, я никогда не была, несмотря на все совершенные за последние полгода промахи.

В последний раз осмотрев бесполезную умывальню, я едва не зарычала от ярости на саму себя за вопиющее невнимание. К стоящей на каменном постаменте старинной медной ванне были снизу подведены медные же трубки, заканчивающиеся новым краником, и на его блестящем носике медленно росла прозрачная капля. Посредник, продавший мне Глоэн, абсолютно ничего не знал про это удобство, иначе никогда бы о нем не забыл и не смолчал.

И вот это новшество резко меняло все мои прежние представления о незваных гостях.

Никто и никогда не привезет в расположенный в глуши заброшенный дом, где собирается прожить лишь одно лето, чтобы вдоволь насладиться рыбной ловлей и покоем, дорогостоящие медные трубы. И прилагающийся к ним еще более ценный насос, работающий на магических камнях. Пару-тройку лун несколько здоровых мужчин вполне обошлись бы без купальни и насосов, достать десяток ведер воды из колодца — для них просто развлечение. Кроме того, летом можно купаться и в озере, вода здесь самая чистая в империи и даже имеет целебные свойства.

А поскольку захватчики начали проводить в покои воду и ставить котел для ее нагрева, то, скорее всего, надеются однажды завладеть этим замком. Вот теперь мне стало понятно, почему так быстро сбежал прежний владелец и отчего все падает цена Глоэна. И становится зловещим осторожное предупреждение стряпчего о том, что я потеряю не менее пятой части стоимости замка, если решусь его продавать, не прожив тут хотя бы десять лет.

На несколько минут я застыла у окна, глядя невидящим взглядом на гаснущие в потемневшем предгрозовом небе отсветы заката и пытаюсь решить неожиданно ставший самым насущным вопрос — как поступить?

Остаться и начать борьбу с подлой бандой или собраться и уехать? Денег, отложенных на жизнь, мне хватит, чтобы купить в захолустном городке неказистый домишко, но ради того, чтобы прокормить себя и Кыша, придется искать работу. А это очень непростая задача, если не имеешь рекомендательных писем или знакомых. Работать же прачкой или простой служанкой нет никакого желания. И вовсе не из-за боязни испачкаться, как раз грязной работы мои руки не боятся.

Просто, едва устроившись на такую работу, я мгновенно стану для всех окружающих человеком второго сорта. Никто не станет считаться с моим мнением, никто не будет церемониться в выражениях, а наглые прыщеватые отпрыски хозяев непременно начнут

зажимать в темных уголках или щипать за мягкие места. И зачем мне тогда Глоэн, купленный лишь ради того, чтобы лет через пять я могла появиться в столичном обществе хоть и небогатой, но знатной наследницей старинного рода? Ведь стряпчий сразу предупредил о главном условии — простолюдинам этот замок не продается, и мне пришлось показать ему собственные документы, не видевшие свет почти десять лет. С тех самых пор, как, став в одночасье бездомной и нищей, я оказалась на пороге широко известного салона Луизьены Бенро «Женские тайны» с зажатой в кулачке серебряной цепочкой, одной из трех последних вещиц, оставшихся у меня от прежней жизни.

— Я могла бы дать тебе за эту подвеску пару советов, — подумав, сообщила строгая, сухощавая старушка с роскошной голубовато-серебряной прической, — но не вижу в тебе достаточной наглости и смелости, чтобы им последовать. И потому поступлю иначе — возьму тебя писарем, зрение в последние годы начало сдавать, а большинство клиенток просят подробно записывать им мои наставления. Так уж устроены у них мозги, из всего сказанного помнят только те слова, какие им понравились, и словно не слышат остального. Но про свой титул тебе придется временно забыть, зато никто не осмелится тебя оскорблять и обижать, а если проявишь усидчивость и сообразительность, то обещаю научить тебя всем своим секретам.

Луизьена не обманула, она вообще никогда не лгала, хотя зачастую просто недоговаривала тех подробностей, о которых говорить было нельзя или абсолютно бесполезно. И когда через восемь лет, после настоятельного совета своего целителя, старушка переехала на юг, то и на самом деле уступила мне свой салон за весьма условную плату.

«А меня хватило только на два года», — горько выдохнула я и тут же больно хлопнула себя по губам. Заслуженное наказание за нарушение данного перед образом светлых богов обета — не вспоминать о совершенных ошибках и оплошностях. Жалобами и сетованиями ничего не вернешь и не изменишь, да и салон я продала очень выгодно, купив взамен вот этот самый несчастный замок.

Значит, нужно попытаться бороться за свою мечту, ведь как-то же прожил тут прежний хозяин целых полгода?

На маленькие квадратики заключенного в свинцовые переплеты толстого старинного стекла упали первые крупные капли дождя, и я невольно заторопилась. Кыш не любит спать в сыром месте, а поскольку сарай и конюшни мы пока осмотреть не успели, придется впустить его в переднюю. Я давно не опасалась, что упрямый смесок испачкает пол, такого он никогда себе не позволял, переняв от ургов почти кошачью чистоплотность в своем логове. А логовом считал любое место, которое подходило для ночлега.

Торопливо спустившись вниз, отодвинула засов, и тотчас мимо меня, наградив укоризненным взглядом, протиснулась мохнатая туша Кыша.

— Ну ты же сам виноват, — бросила я другу наставительно. — Гулял до самого дождя. Мог бы попроситься домой раньше.

И тут же поняла, как несправедливы эти упреки. Кыш старался при незнакомых людях не показывать своей принадлежности к немногочисленному семейству ургов, выведенных, по слухам, в давние времена одним из сумасшедших магистров заброшенных земель.

Зверь по-собачьи отряхнулся, мягко прошел в угол между дверью в кухонный коридор и лестницей и недовольно поскреб дубовый пол, намекая на обязанность хозяйки позаботиться о пучке соломы.

— Сейчас, — вздохнула я и побрела в гостиную, где видела порядком вытоптанную коровью шкуру.

Соломы или просто травы попытаюсь раздобыть завтра, сегодня совсем не осталось сил. Кыш следил за моими действиями с любопытством и отошел от облюбованного места, лишь когда я вернулась, волоча за собой его будущую постель.

А едва шкура кое-как втиснулась в угол, бесцеремонно меня отодвинул и принялся устраиваться, больше походя в этот момент на огромную сороку, чем на коня.

— Кыш, — подозрительно осведомилась я, только теперь учуяв знакомый запах, — а где это ты успел разжиться рыбкой?

Сообразительный зверь этого вопроса словно не услышал, потоптался на своей подстилке и лег, свернувшись в клубок и положив довольную морду на вытянутые лапы.

— Учти, будешь сидеть на цепи, — пригрозила я, точно зная, что никогда не позволю себе так поступить с единственным преданным существом.

Тем более теперь, когда нам угрожает серьезная опасность и, возможно, только от скорости Кыша будет зависеть моя жизнь. Вот только говорить об этом вслух не стоит. Хотя я пока и не заметила слуховых трубок, с помощью которых лорды Глоэна вызывали к себе в покои слуг, это вовсе не значит, что этого несомненно полезного приспособления здесь нет. Ну а про возможность с их помощью незаметно подслушивать чужие разговоры известно всем.

Глянув на невинно-простодушную морду Кыша, я спрятала произвольную улыбку и побрела к лестнице, мечтая только об одном: упасть на постель и не думать ни о чем хотя бы до завтрашнего утра.

Стук в дверь, неподалеку от которой устроился Кыш, ударил мне, казалось, прямо в спину, и я нехотя остановилась, надеясь, что у наглого квартиранта хватит деликатности постучать пару раз и уйти. Но он стучал и стучал, все громче и громче, и невольно пришлось вернуться.

— Кто там? — выкрикнула с недовольством, как только стук на мгновение прекратился.

— Ваш квартирант, леди Глоэн, — сообщил стоящий за дверью незнакомец и с еле заметной насмешкой добавил: — Танрод Хаглен, можно просто Род.

— Чего вы хотите, лорд Хаглен? — утомленно осведомилась я и презрительно скривилась.

Никогда раньше мне не доводилось слышать этого имени, и значит, оно либо вымышленное, либо недостаточно знатное.

— Я принес вам рыбу, пожарил свежей. — Вот теперь он явно смеялся. — Вяленая, к сожалению, пропала.

— Мне очень жаль, — я погрозила кулаком наострившему уши Кышу и притворно зевнула, — но я уже почти уснула, когда вы начали стучать, и теперь мечтаю только досмотреть сон.

— Еще мне хотелось бы обсудить одно выяснившееся обстоятельство, — продолжал настаивать нахальный квартирант. — Я получил письмо из Тагервелла.

— И это обсуждение никак не подождет до утра? — Снова нарочито зевнув, я поспешно

выпустила рубашку из-под ремня и взлохматила волосы.

Нужно выглядеть правдоподобно, если все же придется открыть двери.

— Если мой человек в столице не получит срочного ответа, то начнет действовать, — с суровостью судьи, знавшего обо мне нечто невероятно предосудительное, заявил Танрод.

— Ну и пусть начинает, — вмиг раздумав открывать дверь, обозлилась я и процедила ледяным голосом: — Спокойной ночи. Надеюсь, завтра вас не будет в моем замке.

И решительно направилась прочь.

Поднимаясь по лестнице, я ожидала очередного удара в дверь, предсказуемо рассчитывая на продолжение разговора. Мне давно очень хорошо известно об упорстве мужчин и нелюбви к необходимости оставлять на потом нерешенные проблемы.

Однако самозванный квартирант стучать больше не стал, и это можно понимать как угодно, но мне и в самом деле сейчас не до него. Дождь всегда нагонял на меня непреодолимую сонливость, и иногда я даже отменяла в такую погоду важные встречи с клиентами. Да и к тому же не знала за собой ни одной серьезной провинности, за какую бы императорские дознаватели, а только они имели право допрашивать титулованных особ, могли призвать Вельену ле Морнье к ответу. Да и несерьезной, кстати, тоже.

И за это огромное спасибо мудрой Луизьене, десять лет назад твердо заявившей пятнадцатилетней ученице, что зваться своим родным именем ей не стоит ни в коем случае. Мало ли как повернется в будущем судьба, и чтобы не пришлось однажды кусать локти, лучше всего бедной сиротке графине Вельене ле Морнье пожить в одном из закрытых монастырей.

— А если меня станут искать? — задала я тогда справедливый вопрос и получила в ответ насмешливый взгляд выцветших карих глаз:

— Выяснится, что ты сбежала. Вот только позавчера. А о том, как поступить дальше, будем думать, если такое случится. А пока я подберу тебе изящное имя и неброскую внешность, и не вздумай кому-нибудь показаться ненапудренной или проболтаться. Как только я об этом узнаю, наш договор будет расторгнут.

Белобрысая, кудрявенькая и довольно невзрачная Эвелина Бенро прожила в «Женских тайнах» почти десять лет, и все клиенты были уверены, что это моя настоящая внешность. Луизьена, довольно быстро убедившаяся в честности и сообразительности новой помощницы, а также в правильности своего выбора, через несколько месяцев по всем правилам удочерила «троюродную племянницу», и никому в голову не пришло проверить, есть ли у нее документы, подтверждающие это родство.

Природное обаяние мадам Луизы, подкрепленное тугим кошельком, как я убедилась за эти годы, всегда неотразимо действовало на любых чиновников.

Тем временем воспитанница Вельена ле Морнье с отличием окончила обучение в приюте для знатных сирот при монастыре Святой Матери, расположенном в старинной неприступной крепости Дебруин. Уехала юная послушница оттуда почти четыре года назад по приглашению одинокой знатной дамы, пожелавшей остаться неизвестной.

ГЛАВА 3

В спальне я зажгла масляный светильник, еще раз проверила ставни и легла спать, во всю ширь распахнув двери в коридор. Слух и нюх у Кыша в десятки раз тоньше человеческого, поэтому он никогда не пропустит хоть малейший скрип или чужой запах. И можно не сомневаться, примчится быстрее ветра, если заподозрит, что хозяйку обижают.

Припомнив, как достался мне такой редкий зверь, я не удержалась от довольной улыбки, ведь денег, чтобы заплатить за него полную стоимость, у меня тогда еще не было.

Это случилось пять лет назад в предгорном поместье одного из клиентов Луизьены, богатого господина Н., занимающегося разведением племенных лошадей и редких животных.

Мало кто знал, что кроме полезных советов, наставлений по ведению домашнего хозяйства, обучения дам умению недорого и модно одеваться и экономно тратить деньги мужа, Луизьена занималась и соглядатайством. Разумеется, эта услуга оказывалась лишь проверенным клиентам, тайно и очень недешево. Вот и в тот раз, обиженный неожиданной холодностью жены, господин Н. пожелал узнать, не завела ли его супруга тайного воздыхателя, и ради его спокойствия мне пришлось ехать к ним в поместье, якобы с целью присмотреть домашнего питомца для несуществующей клиентки.

Впрочем, обычно никто не удивлялся таким прихотям клиентов салона, Луизьена умела с самым важным и загадочным видом по секрету сообщать, что у нее инкогнито просит советов даже «Сама!», ну вы же понимаете кто?

В первый же день, отрабатывая легенду, я отправилась прогуляться вдоль вольеров и возле одного из них, не выдержав умильно-просящего взгляда маленького, со среднюю собаку, мохнатого жеребенка, просунула ему сквозь решетку выуженный из сумочки сладкий сухарик. Лакомство с неожиданной скоростью и хрустом исчезло в пасти животного, и, не удержавшись, я дала еще сухарь, потом еще. А когда обнаружила, что сухарики исчезли, в шутку достала из сумочки прихваченную для себя в дорогу недоеденную плитку шоколада. В зеленых с золотинкой глазках зажегся жаркий интерес, заставив меня заподозрить, что кормлю я вовсе не чистокровного жеребенка, но прятать в сумку сладость под этим жаждущим взглядом не хватило решимости.

Первые кусочки зверь пробовал осторожно, но следующие хватал на лету — совать сквозь решетку пальцы я побоялась. Вскоре угощение закончилось, и мне пришлось двинуться дальше, но неожиданно вслед понеслось громкое и обиженное «у-у-у!».

Пришлось признать, что я нечаянно обрела симпатию малыша, но ни денег на милое животное, ни места, где его можно содержать, у меня не было. Огорченно сжав губы, я уходила все дальше, когда вдруг кто-то довольно сильно пнул под коленку. Едва удержавшись на ногах, я оглянулась и остолбенела, обнаружив рядом с собой прикормленного зверя, пытающегося ухватить зубами мою нарядную сумочку.

— Кыш! — поднимая сумку повыше, строго прикрикнула я. — Кыш! Кыш!!!

Но малыш оказался очень упрямым, и расстались мы только после того, как прибежал расстроенный конюх и, надев на жеребенка ошейник с намордником, насильно утащил его прочь. Но несмолкаемое жалобное «у-у-у!» провожало меня до самого дома, и поздней ночью, мучаясь раскаянием, я несколько раз приоткрывала окно, чтобы неизменно слышать непрекращающийся, по-волчьи тягучий горестный вой.

К вечеру второго дня хозяин поместья не выдержал, вызвал меня в кабинет и мрачно предложил забрать животное в уплату за услуги. Вот тогда и выяснилось, что кормят

полукровок ургов любыми объедками, по преданности хозяевам они не уступают собакам, а по чистоплотности — кошкам, и через год зверя можно будет начинать приучать к седлу.

Я везла в столицу Кыша, на другие имена полуург отзываться не пожелал, в коляске, прикрытого пледом, и время от времени давала слизать с ладони кусочек шоколадки, мечтая только об одном — чтобы Луизьена не выставила моего питомца из дома. К тому моменту я уже точно знала: если не удастся уговорить хозяйку салона, то уходить нам придется вдвоем.

К счастью, хитроумная и многоопытная Луизьена была весьма проницательной особой и сразу все поняла. И сообщила кратко, но твердо, что в дом лошадь не пустит никогда. Однако в пустующей конюшне можно устроить для Кыша теплое местечко, и умеющая держать язык за зубами кухарка сегодня же получит приказ собирать для него объедки. Но кормить своего зверя и ухаживать за ним мисс Эвелине придется самой, и никто не должен заподозрить, кого она завела.

С тех пор мне пришлось вставать до рассвета и несколько раз в день бегать в конюшню, стараясь не оставлять питомца в одиночестве надолго. Хотя первым делом я отучила его выть. Едва Кыш пытался вытребовать лакомство упорным воем, ему доставались на обед только овес и овощные очистки, а я сразу становилась глухой и строгой, а уходя, забывала почесать его за ушком. Зато потом, когда стало можно на нем кататься, я старалась почаще находить повод вырваться за город. Уезжала в рощу или к реке, выбирала пустынное местечко и душой отдыхала от упрямых, непонятливых и амбициозных клиенток, от притворной и приторной вежливости и необходимости говорить вовсе не то, о чем думаешь.

Потому-то, когда интуиция и здравый смысл настоятельно посоветовали мне на некоторое время исчезнуть из столицы, я выбирала для себя место, где смогу жить, позволяя Кышу гулять свободно, не опасаясь за его здоровье. Ну и, разумеется, не оглядываясь на чужие взоры и суждения и понемногу готовясь вернуться в прежнюю, знакомую и привычную, жизнь, из которой судьба выбросила меня так грубо.

Тихий рык почему-то оказавшегося в моей спальне Кыша раздался в самый глухой предрассветный час, но я и не подумала сердиться на верного зверя. Знала совершенно точно — по пустякам он никогда бы не стал так рычать. Мигом вскочив с постели, натянула на ноги носки, набросила поверх темной мужской пижамы вязаную шаль и, ежась от утреннего холодка, побрела вслед за устремившимся прочь зверем. Однако Кыш почему-то повел меня не вниз, а к двери одной из спален, выходящей окнами на задний двор, и открывала ее я очень осторожно. Но небольшая спальенка оказалась пустой, и я тотчас вспомнила, что как раз в этой комнате разбито одно стекло и через маленький квадратик можно рассмотреть крылечко черного входа.

Отставив в сторону светильник, я немедленно на цыпочках пробралась к окну и осторожно открутила барашек ставень. Затем, почти не дыша, опасаясь скрипом привлечь внимание, осторожно распахнула створку, по обычаю этих мест открывающуюся внутрь.

Начавшая светлеть ночь плеснулась в комнату струей прохладного воздуха, неожиданно для меня разбавленного запахом Дыма и приглушенными мужскими голосами. Я вмиг прикрыла дыру шалью и приникла к ней, стараясь рассмотреть происходящее сквозь небольшую щель.

Освещенное светом, падающим из распахнутой двери, крыльцо сверху было видно не полностью, зато стоящую возле него нагруженную тюками лошадь удалось рассмотреть превосходно.

— Неужели они так быстро нашли себе новое место? — недоверчиво сопела я, вглядываясь в двух плечистых мужчин, торопливо вышедших на крыльцо, и тут же поняла, как рано начала радоваться.

Незванные квартиранты быстро и ловко сняли со спины животного по тюку и поспешно утащили их в дом. Через пару минут вернулись, забрали остальной багаж, и из темноты тотчас появился еще один незнакомец, ведущий в поводу лошадь с всадником на спине. За короткие мгновения, пока приехавший слезал с лошади, я успела его рассмотреть и сравнить с уже виденными мужчинами. Этот был ниже остальных, худощавого телосложения и больше походил на подростка или переодетую женщину. Его спутник немедленно увел куда-то лошадей, а парень устало поднялся по ступеням, утверждая меня в печальном выводе — число незванных квартирантов в моем замке не уменьшается, а, наоборот, прибывает. Значит, очень правильно я поступила вчера вечером, не открыв дверь господину Танроду Хаглену, еще неизвестно, какие планы он вынашивал на мой счет.

Да и поскольку имя это вряд ли настоящее, верить ему нельзя ни в коем случае. Человек, солгавший один раз, непременно солжет и второй. А он вчера и солгал: обещал подыскать себе другое место, но вместо этого ночью привез сюда новых приятелей, которых теперь правильнее будет называть бандитами. Хотя бы до тех пор, пока они не сумеют доказать неверность этого звания, в возможность чего мне абсолютно не верилось.

Впрочем, какое это имеет значение, если передо мной сейчас стоит самый главный вопрос — как теперь тут жить и нужно ли вообще здесь оставаться? Может быть, пора уже бросать так тщательно подобранные вещи и прямо сейчас бежать куда глаза глядят?!

Как бы то ни было, вначале все-таки необходимо умыться и переодеться, не бежать же в пижаме? И хоть немного перекусить, вечером мне едва хватило сил сжевать немного вяленого мяса с куском хлеба, купленного у рыбаков. Кыша тоже нужно перед дорогой накормить, но прежде отпустить погулять. Если он и в самом деле сожрал вчера соленую рыбу, то сейчас наверняка мучается жаждой, а в узкую дверцу, ведущую в умывальню, определенно не пролезет. Ну а распаковывать тюки и искать для него миску нет ни времени, ни смысла.

Первым делом я торопливо, как солдат по тревоге, привела себя в порядок, и Кыш, спустившийся в прихожую, терпеливо ждал, красноречиво поглядывая на дверь. Но не рычал и никаких признаков беспокойства не проявлял, значит, никого из чужаков рядом не было, потому-то я так бесстрашно отперла и приоткрыла входную дверь.

И тут же сообразила, как сильно недооценила изобретательность бандитов. Едва створка сдвинулась, где-то неподалеку раздался грохот падающих кастрюль и ведер, и новоявленная леди Глоэн мысленно едко сообщила себе, как нужно называть такую наивность. Ведь сама отлично знала и не раз использовала этот простой сигнал, используемый в тех случаях, когда не нужно таить свои намерения от объекта слежки.

Я потянула ручку назад, но Кыш, уже почувывший свободу, нахально меня оттеснил и, одним прыжком преодолев крыльцо, вмиг скрылся в рассветном тумане. Я поспешила захлопнуть за ним дверь и задвинуть засов, прекрасно понимая, насколько ненадежна эта защита. И как непросто теперь будет сбежать из дома, который должен был стать для меня мирным причалом, где невзрачная простолюдинка превратится в утонченную знатную даму. А стал смертельной ловушкой, выхода из которой мне больше не видится.

Снаружи в дверь вежливо постучали, и сразу же раздался знакомый голос вчерашнего рыбака.

— Леди Глоэн! — мягко и с еле заметной укоризной позвал он. — Я знаю, что вы здесь. Откройте, пожалуйста, нам нужно поговорить.

— Мне — не нужно, — непримиримо отозвалась я, торопливо шагнув в сторону, под прикрытие каменной стены.

— Именно вам и нужнее всего, — терпеливо сообщил он, — иначе вы напридумываете себе каких-нибудь глупостей.

— Значит, я дурочка, — согласилась я с притворной невозмутимостью, доставая из ножен узкий, как шило, стилет.

Сунула его в рукав так, чтобы можно было вытряхнуть одним движением, и подавила огорченный вздох. Если придется бросать любимое оружие, оно, скорее всего, будет потеряно навсегда, а все сидящие на черной половине бандиты начнут за мной жесточайшую охоту.

— Всего на несколько слов, я хочу показать вам один предмет, — продолжал настаивать бандит, но я лишь презрительно усмехнулась.

Жизнь давно отучила меня верить людям с первой встречи. Да и после второй и третьей — тоже, особенно мужчинам. Как выяснилось, большинство представителей сильного пола намного лживее и коварнее женщин, хотя обычно рьяно обвиняют в этих пороках именно своих подруг и невест.

«Так всяк ведь по себе судит, — пожимала обычно плечами Луизьена. — Так уж повелось — воры, лжецы и подлецы не верят в существование честных и добрых людей. Ну а глупцы считают себя умнее других».

— Не нужны мне ваши предметы, — отказалось я и нехотя солгала: — Я еще сплю.

— А обманывать некрасиво, — наставительно заметил Хаглен. — Спящие люди не открывают дверей, а вы открыли, я нарочно сделал сторожку. И раз вы уже проснулись, будьте так добры, уделите мне минутку внимания.

— Вы уже несколько минут рветесь в мой дом, хотя и так заняли без разрешения почти половину, — немедленно огрызнулась я. На дух не переношу поучения незнакомых людей. — И за это время могли бы уже раз пять сообщить, почему мешаєте мне отдохнуть с дороги.

— Леди Глоэн, — с легким раздражением процедил квартирант, — я тоже устал и не менее вашего хочу отдохнуть. И никогда не стал бы вас тревожить, если бы не подозревал, как неверно вы можете истолковать некоторые вещи. Видите ли, я нахожусь тут не в одиночку. Мне было точно известно, что этот замок пустует не первый год, и мы с друзьями намеревались пожить здесь некоторое время, отдохнуть, половить рыбу. Даже воду провели от колодца с помощью магического насоса. И как раз сегодня приехало еще двое моих друзей. Они несколько дней в пути, устали, промокли и простыли, поэтому пока освободить ваши комнаты мы не сможем. Но предлагаем хорошо заплатить за постой и за молчание, некоторые из нас тут инкогнито.

— Сколько дней вы собираетесь здесь жить? — тотчас выпалила я, начиная сомневаться в первоначальных выводах.

Настоящим бандитам и контрабандистам несвойственно выражаться таким языком, и

выдумывать такие причины — тоже. Хотя и этот явно не говорит всей правды: у знатных и богатых лордов хватает мест, где можно за небольшую плату отдохнуть со всеми удобствами.

— Если вы сдадите нам пустующие спальни на втором этаже, то до осени. Золото вы получите сразу, через гномий банк, больше, чем обошелся вам этот замок.

— Я и в самом деле настоящая дурочка, — холодно фыркнула я, — раз трачу время, выслушивая ваши байки.

— Это не байки, — сердито огрызнулся Хаглен, — а деловое предложение. Судя по количеству вашего багажа и отсутствию слуг, лишними эти деньги для вас не будут, и значит, сейчас вы просто боитесь обмана. Но это можно легко разрешить, у меня есть почтовая шкатулка, и прямо сегодня, как только откроется гномий банк, я переведу деньги на ваше имя и отдам вам присланный отчет. Взамен вы подпишете договор. Решайтесь, а то тут ваш конь уже стоит у крыльца. Кстати, возле колодца бадья с водой, это как раз для лошадей.

Я не поверила ни единому слову, жизненный опыт давно убедил, что такие сказочно щедрые условия бывают лишь в ловушках, и клюют на них только жадные глупцы, готовые поверить в любую сказку, если у них над ухом позвенеть золотыми монетами.

Раз он так мечтал ловить свою рыбу именно здесь и знал, что Глоэн пустует, то мог бы его просто купить. И никакого значения не имеет условие продажи, в столице достаточно людей, не имеющих ничего, кроме титула. Имея такие деньги, он вполне мог приобрести этот остров на подставное лицо и точно так же потом продать, затратив гораздо меньше, зато имея право делать все, что ни пожелается, не оглядываясь ни на какого законного хозяина. А сейчас ничто не мешает этим аферистам просто прибить меня или захватить в плен, пока я буду читать якобы гномий отчет. Ведь никто меня не хватится, и никто не свяжет исчезновение с этими людьми, особенно после того, как они покинут Глоэн. Тем более если бандиты додумаются на некоторое время поселить тут под моим именем любую женщину.

Выходит, никакого выбора у меня нет, и единственное спасение — бежать. Бежать изо всех сил, так, как убегают от лесного пожара, не останавливаясь и не отдыхая. В том, что «рыбаки» устроят погоню, после их настойчивости я даже не сомневалась и теперь пыталась лишь сообразить, как бы вырвать у судьбы пару-тройку часов форы.

Замысел, как можно одурачить бандита, родился почти мгновенно, за десять лет работы на Луизьену мисс Эвелина Бенро научилась принимать решения не раздумывая, клиенты не верят медлительным и неуверенным. И едва план сложился окончательно, я начала действовать. Без предупреждения щелкнула засовом, стремительно отскочила к лестнице и громко крикнула:

— Входи.

Квартирант вошел в дом не сразу, немного посомневался, помедлил и наконец все же распахнул дверь. Недоверчиво огляделся, заметил стоящую на нижней ступеньке лестницы напряженную женскую фигурку и едко усмехнулся, рассмотрев, как я одета. Однако смолчал и шагнул внутрь, ожидая дальнейших указаний. Но я упорно молчала, и рыбак успел сделать в мою сторону несколько шагов, прежде чем что-то почувствовал и догадался оглянуться.

Мохнатый конь стоял у него за спиной, загородив собой выход.

— Странная у вас лошадь, — успел сказать бандит, прежде чем Кыш, подчиняясь неслышному щелчку моих пальцев, прыгнул на него, сбил с ног и придавил к полу тяжелой лапой с прорезавшимися стальными когтями. — Вы... — прохрипел мужчина, пытаясь вытащить

зажатую телом зверя руку, но Кыш, почувствовав сопротивление, придавил еще сильнее и свирепо оскалил вовсе не лошадиные клыки.

— Сейчас я вас освобожу, — пообещала я, поспешно убегая наверх. — Только не двигайтесь. И не злите его, иначе перекусит вам горло.

Разумеется, я солгала, такому Кыша никогда не обучали. Но вот защищать хозяйку его пришлось натаскать, после того как однажды на меня напали в портовом районе. Неизвестно, чего хотели трое довольно неприятных личностей, ограбить меня или позабавиться и сдать в ближайший веселый дом. Выяснить детали у меня в тот момент не возникло никакого желания. Поэтому я просто швырнула негодяям под ноги алхимический флакончик с жидким огнем и стремительно помчалась к стоянке извозчиков, точно зная, что занятым тушением своих лохмотьев жуликам в ближайшие полчаса будет не до погони.

Собиралась я так проворно, словно дом уже горел. Утешало только одно — распаковать свои вещи мне вчера не хватило сил, и теперь можно не тратить на сборы драгоценные секунды.

Тот тук, где были самые необходимые в дороге вещи, я выставила в коридор первым. Потом прихватила корзинку с остатками еды, саквояж с самым ценным и куртку — больше Кышу не унести, ведь убегать придется очень быстро. По крайней мере, до той деревни, где дороги расходятся в три стороны.

Сбежав вниз, обнаружила, что рыбак ведет себя очень смирно, только смотрит весьма красноречиво. С мрачным укором, усталостью и толикой презрения. В первый миг я рассмотрела во взгляде мужчины и каплю надежды, но она быстро угасла, едва он разглядел узлы в моих руках.

— Вы делаете ошибку.

— Не думаю. Но разговаривать об этом некогда. Сейчас я вас усыплю и уеду, и не смотрите так безнадежно, я не убийца и чужая жизнь для меня священна. Могу пообещать никому ничего о вас не рассказывать, если вы не станете меня искать.

Он приоткрыл губы, пытаясь возразить, и в этот миг я ловко выплеснула ему в рот приготовленное снотворное.

— Меня зелье не возьмет, — хмуро усмехнулся рыбак, облизывая пролившиеся капли. — На мне защита. Лучше давайте...

Больше ничего сказать он не сумел, обмяк и засопел ровно, как и положено человеку, спящему глубоким сном.

— Может, другое и не взяло бы, — пробурчала я, торопливо седлая Кыша, — а это моей тетушке привозили из Хамдира.

Через несколько минут мы с Кышем уже крались по двору к тому месту, где в стене был пролом, а чуть позже, умело преодолев это препятствие, мчались прочь от старого замка, куда еще вчера я так стремилась в надежде на спокойную жизнь.

ГЛАВА 4

Почти два часа, пока окончательно не рассвело, я неслась не останавливаясь. И лишь добравшись до лежащей в окружении трех крохотных озер обширной каменистой

возвышенности, поросшей редким смешанным лесом, решила передохнуть.

Отъехав шагов на триста от тропы, остановилась в тени огромного валуна, расседлала Кыша и отпустила напиться и поохотиться. Здесь почти из-под каждого куста выскакивали зайцы и взлетали птичьи стайки, и полуургу с его ловкостью ничего не стоило поймать себе пищу. Немного оглядевшись, я сунула свои тюки в расщелину, под защиту густых зарослей боярышника, и направилась к берегу озерца, рассчитывая по дороге набрать малины или птичьих яиц. Если питаться совсем скудно, то оставшейся в корзинке еды хватит мне дня на три, и за это время мы вполне сможем добраться до деревни, где я нанимала мальчишку-проводника.

Но пока я мчалась в никуда из собственного, так давно желанного дома, постепенно пришло понимание, как непросто нам будет спрятаться от преследователей в этом пустынном краю. Намного труднее, чем в столице. Это там я была лишь песчинкой из многих тысяч таких же песчинок, и достаточно было сменить прическу или цвет волос и переодеть платье, чтобы стать невидимкой для самых ловких сыщиков. А тут мне неизбежно придется проезжать через малочисленные деревушки, покупать еду и ночевать у местных жителей, и все эти не избалованные новостями и развлечениями люди с невероятной дотошностью изучат нас с Кышем с головы до ног. И потом так же точно опишут, и что ела, и куда отправилась чересчур смелая дамочка. Если, разумеется, найдется желающий купить эти сведения, а он непременно появится, в этом я почему-то не сомневалась. Следовательно, придется объезжать деревни, и это во много раз легче сказать, чем сделать.

Сидя в обозной телеге по пути в Глоэн, я от нечего делать занималась изучением карты и расспросами словоохотливых попутчиков и выяснила, что вовсе не случайно дорога виляет, как убегающий от лисы заяц. Некоторые озерца просто невозможно объехать вокруг, попадешь либо на замшелые россыпи валунов, либо в коварно заросшее роскошной травкой болото.

И значит, сбежав с таким риском из замка, я пока всего лишь немного усложнила бандитам задачу. Но если они очень пожелают нас поймать, то вполне могут это сделать. Ведь если верить рыбаку, им зачем-то очень нужно сохранить свое пребывание в Глоэне в тайне, а если я буду гулять на свободе, то никакой уверенности в сохранности этой тайны у странных квартирантов не останется. И никто не примет во внимание честное слово, которое я давала Хаглену. Особенно если припомнят, что чуть ранее я пообещала его просто отпустить.

Таким образом, мне остается лишь надеяться, что запертый в прихожей рыбак проспит хотя бы часа три и у нас с Кышем пока еще есть в запасе немного времени. В противном случае по нашим следам уже скажут несколько сильных и хорошо вооруженных мужчин, и от одного лишь предположения, чем грозит встреча с ними Кышу и мне самой, начинали дрожать колени.

Плеснув в лицо воды, я тщательно ополоснула ладони, вдосталь напилась и неожиданно для самой себя горько всхлипнула от обиды. Ну вот откуда берутся люди, которым обязательно нужно влезть в чужой дом, в чужую жизнь и в чужие дела?

И почему я вынуждена снова, как воришка, бежать из собственного жилища, разом теряя все принадлежащее мне по праву, своим трудом заработанное и выстраданное? В чем провинилась перед судьбой, одним мановением могущественного пальца сокрушившей мечты, согревавшие мне душу в последние полторы луны.

Не такие уж нахальные или амбициозные, как у многих моих клиенток из «Женских тайн».

Луизьена, помнится, даже завела книгу внушительных размеров, с обтянутыми сафьяном корочками, а на первой странице красиво вывела крупными буквами:

«Список знатных и богатых дам и девушек, желающих получить совет, как женить на себе принца».

А дальше — сто пятьдесят страниц, пестрящих известными и не очень именами, различными титулами и званиями. Но что занятнее всего, никто из клиенток не отказался от чести быть занесенной в этот нескончаемый список. Многие даже гордо заявляли Луизьене, что их имя станет тут последним, если, разумеется, советы будут надежными.

— Советы самые надежные, — уверенно улыбалась лукавая старушка. — Собраны из подлинных воспоминаний самых великих герцогинь и императриц, вышедших за принцев не по предварительному сговору и не ради политической выгоды. Можете проверить, все книги лежат в библиотеке.

Были и такие, кто проверял, мрачно усмехнулась я, припомнив знатных клиенток. И едва ли не впервые в жизни вдруг выясняли, что императрица Доленси и в самом деле очаровала наследного принца, будучи всего лишь простой помощницей лекаря. Но сначала вытащила его высочество по тайному ходу из осажденного замка и целую луну боролась с судьбой за его жизнь. А императрица Алексения, знавшая девять языков и служившая обычным толмачом, раскрыла заговор послов, намеревавшихся отравить императорскую семью, но женился на ней принц не только за это, Алексения к тому же была редкой красавицей.

А вот у меня никогда не было желания взять в семейный плен принца или герцога.

Избави боги!

Насмотрелась на капризы знатных клиентов, пока была Эвелиной Бенро. Нет уж, пусть лучше они достанутся охотницам за высокими титулами.

Мне пока хотелось всего лишь хоть немного спокойно пожить в собственном доме, где никто не будет будить по утрам и варить на завтрак клейкую и серую, но полезную овсянку. Поэтому и дом я купила хоть и далеко не завидный, зато в такой глуши, куда даже бандиты не забираются. Даже не подозревая, что и тут найдутся какие-то подозрительные жулики. Хотя от себя не скроешь — был момент, когда мне очень хотелось поверить, что они и в самом деле просто рыболовы. И только много позже, уже проскакав с десяток миль, я наконец отчетливо поняла, почему все же не поверила. Обычный рыболов не стал бы хитрить и лукавить, а сразу сообщил бы про свои планы и друзей и попросился на постой.

Стало быть, правильно я поступила, и нечего жалеть о брошенных мешках и сундучках, жизнь и свобода дороже, сделала я вывод, вытерла слезы и торопливо направилась к спрятанным у валуна вещам. Долго отдыхать нам нельзя.

Кыш бродил где-то более получаса и вернулся довольный и благодушный, с чисто вымытой мордой. Видимо, охота была удачной, и можно будет не волноваться хотя бы о нем, вздохнула я облегченно и сразу принялась седлать мохнатого друга. Самой мне хватило десятка маленьких сыроежек и краюшки хлеба, плотно завтракать по утрам я не привыкла.

Привязав к седлу нехитрый багаж, я немного помедлила и решила оглядеть местность, просто так, на всякий случай. Вскочила в седло, приказала полуургу встать возле валуна и, поднявшись на его спине во весь рост, перебралась на камень. Вверху его бока оказались шероховатыми и поросшими пятнами лишайника, зато самая макушка была почти плоской, и

мне удалось встать там во весь рост. Через пару минут я рассмотрела кривую сосенку, мимо которой проехала, направляясь сюда, куртинку бузины за ней, стайку кривоватых вязов, стоящих почти у полузаросшей тропы. Некоторое время внимательно вглядывалась в том направлении, не понимая, почему так беспокойно на душе, но не желая отказываться от предупреждений собственной интуиции. Пусть и не всегда исполнялись ее намеки, но и нескольких случаев хватило, чтобы лишний раз не рисковать.

Однако вокруг было тихо и спокойно, и значит, нам можно продолжать путь. Видимо, на этот раз моя интуиция выдала ложную тревогу. Облегченно выдохнув, совсем уже собралась слезать с валуна, как мое внимание привлекли вьющиеся над тропой точки. Далеко не сразу пришло понимание, кто это там летает, на миг даже подумалось, что бабочки. Но я тут же едко посмеялась над собой: не бывает таких крупных бабочек, которых можно рассмотреть за триста шагов. Следовательно, это могут быть только птицы, здесь их просто немерено. Когда мы мчались по дороге, стайки прыскали почти из-под лап Кыша. Выходит, сюда кто-то едет, осознала я и вмиг шлепнулась на живот. Дорогу видно почти так же, зато саму меня теперь не смог бы заметить даже самый внимательный следопыт.

Птицы взлетали над тропой все ближе, и вскоре я отчетливо рассмотрела троих быстро скачущих всадников. Коротко блеснули на солнце заклепки и кольца упряжи, потом рукоятки висевших за спинами арбалетов. И это открытие ударило по мне оглушающим пониманием, чем грозит нам встреча с негодьями. Рисковать они более не намерены и собираются расстрелять Кыша издали. А вполне возможно, и меня заодно. В этих местах достаточно привязать к телу камень и сбросить его в любое озеро. Никто и никогда тебя больше не найдет.

Вот теперь мне стало предельно ясно, как нужно поступить. Не стоит ехать в столицу, лучше всего пробираться на юг, к побережью, в любой портовый городок. Там я смогу выставить проклятый замок на продажу, оставив доверенность на имя матушки Мелисанты, моей бывшей наставницы из монастыря Святой Матери. Луизьена никогда не лгала там, где можно было просто попросить помощи друзей или заплатить. В моем случае пригодились оба способа. Матушка Мелисанта была старинной и верной подружкой Луизьены, но и от пожертвований монастырю никогда не отказывалась. И записывая девицу Вельену ле Морнье в свои воспитанницы, потребовала только одного — чтобы мы лично привозили эти пожертвования два раза в год и рассказывали ей обо всех изменениях в моей жизни. Особенно о здоровье и всяких, даже незначительных болячках, не говоря о шрамах и переломах. Попасться с поличным хитроумная монахиня не желала ни в коем случае.

Разумеется, в таком случае от продажи Глоэна монастырю достанется часть вырученной суммы, зато никто не сможет добраться до нас с Кышем.

Пробираться на юг я решила напрямик, по бездорожью, пока не наткнусь на какую-нибудь тропу, а там уже буду думать, как поступить дальше. И весь день я упорно выполняла это решение, обходя холмы и болотца, преодолевая каменистые пустоши и клочки леса. Любая лошадь уже свалилась бы от усталости или сломала ногу, а Кыш спокойно прыгал с камня на камень и переплывал озера и речушки, благо стояла середина лета и вода была теплая. Я давно ехала босиком, обувая мягкие ботиночки только перед зарослями колючих кустов. Каждые два-три часа мы устраивали привал, и на третьем привале Кыш приволок к валуну, возле которого я сидела, увесистый хвост от крупной рыбыны, в одиночку слопав сначала все самое вкусное, на его взгляд.

— Молодец, — с чувством похвалила питомца.

Мечта научить мохнатого друга ловить рыбу не только для себя, но и для хозяйки родилась у меня еще в столице.

Сняв с пояса прицепленную на цепочку зажигалку, единственную магическую вещь, которую имела, я разожгла костерок и бережно повесила зажигалку на место. Маги в нашем мире очень редки, и потому сделанные ими предметы и зелья невероятно дороги и доступны только самым богатым людям. Лично мне эту вещицу подарил один из клиентов за выполнение весьма деликатного поручения.

Вскоре над жарко горевшим костерком из собранных по дороге сухих веток и сучков шкворчала жирком нанизанная на палочку рыба, источая аромат на милую округ.

Кыш заинтересованно следил за процессом приготовления еды и, как обычно, получил свою долю, а на следующем привале притащил мне почти целую рыбину, выев только внутренности и голову.

— Умница, — от души похвалила я друга и почесала за ухом, точно зная — теперь чуткий зверь не забудет, за какой поступок получил одобрение.

Отныне угроза голода для меня не существовала, и значит, добираться до деревень я могла не спеша. Тем более что селения здесь, в самых болотистых и пустынных землях империи, встречались реже, чем в других областях, и поэтому местный народ был более нелюдим и недоверчив, а зачастую и слишком воинственен. Оттого всякие лекари, сказители, комедьянты и менестрели появлялись здесь нечасто, предпочитая путешествовать с обозами.

К вечеру я добралась до неизвестно какого по счету озерца и решила встать тут на ночлег, выбрав в стороне от тропы довольно высокий и раскидистый дуб. Отпустив Кыша, быстренько умылась, привязала к багажу веревку, сняла обувь и полезла наверх. Не самое любимое занятие, но Леброт, наставник по боевым искусствам, которого Луизьена наняла для меня после случая в порту, всегда говорил, что научиться метко бросать клинки — это только полдела. Мало кому удастся таким способом убить обидчика с первого удара, и до тех пор, пока не подействует намазанное на клинок зелье, лучше к нему не приближаться. Раненый в ярости может легко поймать и прибить свою жертву, поэтому каждый метатель обязательно должен уметь быстро бегать и лазать по заборам и деревьям.

Вскоре я уже растянула между двумя толстыми ветвями крепкую веревку, привязала к ней полотнище походного одноместного шатра и, замотавшись в одеяло, устроилась в своем сооружении, как в люльке. К этому времени почти стемнело, смолкли дневные птички, зато заухал где-то филин, мяукнул дикий кот и зашуршала под ночным ветерком густая листва, не пропускавшая света даже единой звездочки.

Укладываясь спать, я собиралась немного спокойно поразмыслить над свалившейся на меня новой бедой, но сама не заметила, как пригрелась и уснула.

Разбудили меня утренний прохладный ветерок и тихое похрапывание Кыша, устроившегося немного ниже. Несколько секунд я слушала его, недоумевая, как зверь оказался в моей спальне, потом приоткрыла глаз, рассмотрела нависающий надо мной шатер из листьев и ветвей и заторопилась. Солнце уже почти встало, и нам пора было бежать дальше. Возясь с затянувшимися узлами и багажом, я с огорчением признала способ ночевки на деревьях не очень подходящим для девушек с обычными, как у меня, способностями. Возможно, мое мнение было бы иным, если бы тренироваться в лазании по стволам удавалось упорнее и чаще. Зато теперь стало предельно ясно: в следующий раз нужно постараться устроиться где-нибудь

в кустах или в расщелине между камней.

Хотя Леброт, наоборот, очень рекомендовал залезать повыше, туда, где не достанут стайные хищники вроде волков, гиен и гигантских водных крыс.

ГЛАВА 5

К исходу дня выяснилось, что на этот раз мне не придется ни искать кусты, ни влезать на дерево. Оглядывая каменистый склон приземистого холма в поиске укрытия от начавшегося дождя, я совершенно случайно заметила прилепившуюся между огромными валунами замшелую кровлю шалаша.

Подъехав поближе и внимательно оглядев неказистое и неприметное сооружение, я решительно спешила и заставила Кыша проверить, нет ли там жильцов. Полуург обнюхал находку, огляделся вокруг и спокойно уставился мне в глаза, хотя я и сама уже видела по нетронутым зарослям сорняков, что пустует эта хижина довольно давно. Не менее года, а может, и больше.

Но прежде чем отодвинуть камень, подпиравший узкую и низкую дверь, связанную из толстых жердей, я все же достала оружие и приказала Кышу следить.

Однако внутри шалаша, довольно умело сложенного без раствора из камней и жердей, никаких признаков недавнего присутствия людей не оказалось. И хотя тут было весьма неприятно, зато сухо и намного теплее, чем под струями дождя. Я оглядывала разбросанные старые шкуры, дрова и остатки примитивной лежанки и понимала, что когда-то тут произошло нечто нехорошее. Всюду следы поспешного обыска или драки... сказать точнее я пока не могла. Да и не желала ни вникать в тайну произошедших здесь событий, ни наводить в хижине порядок. Вот только времени и сил, чтобы искать другое укрытие, к этому моменту у меня не оставалось. Да и дождь накрапывал все сильнее. Пришлось принять этот подарок судьбы и расседлать Кыша.

Пока я затаскивала в самый свободный уголок свое нехитрое имущество, мой мохнатый друг исчез в пелене дождя: похоже, такая полудикая жизнь нравилась ему все сильнее. С губ невольно сорвался огорченный вздох, лично я никогда не мечтала жить в шалаше и теперь с тоской вспоминала хоть и потрепанные временем и ветрами, но надежные стены своего нового дома и удобную кровать в спальне второго этажа.

Мысли невольно вернулись к преследователям, хотя я не забывала о них весь день, время от времени оглядываясь и всматриваясь вдаль в поиске коварной стайки птиц. Над нами с Кышем они сегодня тоже кружились, и я все чаще ехала не в обход встречных озер, а посылая зверя вплавь напрямик, надеясь таким простым способом немного успокоить пернатых предателей. Хотелось надеяться, что «рыбаки» не станут ломиться через эти дикие места так же упорно, как мы, и вскоре откажутся от своих намерений. Но какое-то неосознанное, почти интуитивное предположение, вертевшееся на краю сознания, никак не давало мне покоя, как ноющий от холода зуб. И как я ни старалась, однако так и не смогла понять, почему мне кажется, будто я упускаю нечто важное.

Пока я копалась в своих мыслях, привычные к работе руки уверенно наводили порядок в хижине, и вскоре она стала не такой уж неудобной, как казалось с первого взгляда. Дальний угол занимала лежанка, и когда я сложила на поперечины сорванные жерди, подбирая их вытертой стороной кверху, и укрыла шкурами, приставив одну к стене, для защиты от осыпавшегося с камня мусора, в случайном пристанище стало намного свободнее.

Переложив вещи на лежанку, взялась за дрова, чувствуя невольную признательность к запасливому хозяину хижины, еще час назад мне о горячем ужине и мечтать не приходилось. Смешно ведь искать сухие сучья под дождем.

Под завалом порубленных веток и чурбачков нашлась низкая шарообразная печь с пристроенной к боку валуна и выведенной куда-то наружу трубой. Примерно такие, только побольше, северяне и жители восточных степей строили в своих жилищах для обогрева и приготовления пищи. Пекли в них и хлеб, прямо на горячих камнях стенок или пода, но при воспоминании о запахе румяной корочки мне оставалось только облизнуться, муки у нас не было. Я вообще не везла с собой съестных припасов, потому и договорилась с отцом своего проводника, чтобы дней через десять прислал в Глоэн одного из тех торговцев, которые в поисках покупателей не боятся забираться в самые отдаленные поместья.

Закончив складывать дрова, взялась за найденную под ними обшарпанную метелку, смела к печи кору, обломки веток и прочий мелкий мусор, намереваясь все это сжечь. Однако в печи лежал довольно толстый слой золы, и, немного посомневавшись, все же решила ее выгрести. Общеизвестно — в нечищенных печах тяга хуже, особенно в дождь. Выбрала ветку покрепче, с сучком на конце, и принялась за работу. И, как оказалось, правильно сделала: под печи был выложен плоскими камнями, на которых, после того как дрова прогорят, будет очень удобно испечь ломтики рыбы, оставшиеся у меня от последней добычи Кыша. Работа двигалась споро, и вскоре осталась только кучка золы возле дальней стенки. Ее вполне можно было и не трогать, но врожденная аккуратность и воспитанная Луизьеной привычка доводить все дела до конца не позволили мне отступить.

Перехватив свою самодельную кочергу поудобнее, я почти нырнула в печь, и всего за десяток энергичных движений угол был почти очищен. Уже в предчувствии окончания работы сделала последний скребок, как вдруг сучок задел за что-то и в следующую секунду со скрипом вывернул из-под золы очень странную вещицу. В тот же миг встревоженно заголосила моя интуиция, и я замерла, озаренная неожиданной догадкой. Значит, и в самом деле кто-то искал тут вот эту штучку, которую еще ранее хозяин хижины постарался очень хорошо спрятать.

Предмет, выуженный мной из золы, более всего был похож на продолговатый камушек, и если бы хозяин хижины догадался подсыпать в золу камней, я бы его просто выбросила. Но теперь подвинула к падавшему из распахнутой дверцы неяркому свету и поскребла сучком. Несомненно, металл, причем дешевый, чугун или железо, но не серебро и даже не медь. С одной стороны виднелась разделяющая округло-плоский предмет трещина. Это либо пенал, либо шкатулка. Интересно, что можно хранить в таком месте, рядом с жаром печи? Наверняка не металл, он вполне мог расплавиться.

Мне очень хотелось бросить золу с печкой и поковырять шкатулку, но снаружи быстро темнело, и в хижине становилось все прохладнее. Пришлось завернуть находку в платок, спрятать в сапожный кармашек и закончить работу. Вскоре в печи трещали дрова, освещая хижину яркими языками пламени, с краю стоял маленький медный котелок, в который я время от времени добавляла воды из стоящей под струями дождя кружки. Желание выпить горячего травяного чая стало почти навязчивым. В прошлую ночь я не решилась разжигать большой костер из опасения, что по нему меня найдут, а в такой дождь никакого дыма не видно на расстоянии даже полусотни шагов. Хотя в чем-то мне повезло.

Котелок запарил вскипевшей водой, сыпанула в него горсточку собранных днем листьев смородины, малины, барбариса и занялась ужином. Отгребла в сторону угли и разложила на горячих камнях пода ломти рыбы, шкурой вниз, чуть присолила и поспешила снять чай, пока

не появился запах пареного веника. И едва поставила котелок на прибитые к широченному чурбаку плашки, изображающие стол, как в узкую дверцу протиснулась мокрая мохнатая морда с полусъеденной рыбиной в зубах.

— А ты не мог найти себе на сегодня другое укрытие? — сам сорвался с губ безнадежный вопрос, на который, как я уже поняла, ответа у полуурга не было.

Пришлось забирать у него добычу и отступить к самой лежанке, пока он протискивался внутрь, отряхивался и устраивался у порога, заняв почти половину помещения. «Нет, решено, — вздыхала я, ужиная под внимательно-укоризненным взглядом зеленых глаз, — больше никаких шалашей, завтра постараюсь найти дерево пораскидистее».

Однако судьбе почему-то не понравились мои планы, и никуда наутро мы не пошли. Просто не смогли. Дождь лил не переставая, и, выйдя прогуляться, я вмиг вымокла почти до нижнего белья. Пришлось развести огонь и развесить одежду и сапожки сушиться над печуркой. Сама я тем временем сидела на лежанке и осторожно очищала щепкой найденную вчера шкатулку, пытаюсь заставить интуицию подсказать, нужно мне ее открывать или лучше оставить в покое.

И я уже склонилась к благоразумному решению не испытывать судьбу, как она снова посмеялась надо мной и моими предосторожностями. Стоило мне чуть сильнее надавить, вычищая золу из трещинки, и верхняя часть вдруг подалась, легко откинувшись в сторону. От неожиданности я не столько испугалась, сколько растерялась, и на несколько секунд замерла, боясь пошевелиться и готовясь отшвырнуть находку и бежать куда подальше.

Однако время шло, но ничего не происходило. Молчала и интуиция, и постепенно я успокоилась и принялась изучать содержимое шкатулки. Хотя почти сразу рассмотрела выложенное чешуйками слюды нутро, только теперь осознав, как заботливо защитил от жара свое сокровище неизвестный строитель хижины.

Слюду я снимала понемногу, затаив дыхание и одновременно сердито ругая себя за глупое любопытство. И точно зная, что до конца жизни буду себя корить, если так и не посмотрю, ради чего хозяин шкатулки прятал ее с таким старанием. Ведь простые и дешевые вещи не упаковывают так бережно и не хранят с такими предосторожностями. Хотя был момент, когда я почти готова была отступить от изучения таинственного предмета, ощутив сквозь слюду под пальцами нечто твердое и вместе с тем гибкое, но уже в следующий миг слетели последние чешуйки, и на стол выскользнула простенькая цепочка-браслет.

По крайней мере, так мне показалось в первый момент, но я тут же рассмотрела ее подробнее и осознала свою ошибку. Это были четки, точно такие, с какими сидят у ворот храмов калеки и какие любят перебирать благочестивые старцы различных пустошей и монастырей. Лишь одним они отличались от всех прочих — размером. Каждая косточка, выточенная из неизвестного мне серо-зеленого камня, была размером с пшеничное зернышко, а для того, чтобы разобрать выбитые на них знаки, нужно было купить алхимическое стекло.

Я рассматривала их с недоумением и смутной тревогой, не понимая, почему хозяин спрятал такой крохотный и невзрачный предмет с такой тщательностью, и все отчетливее понимала, что уже не смогу положить браслет назад в печь и засыпать золой. Ведь неизвестно, куда делся его прежний хозяин. Если его убили и бросили в озеро, то он больше никогда сюда не вернется, и крохотные четки так навсегда и останутся в этой заброшенной избушке, куда даже я никогда не найду дорогу во второй раз. Изучать и запоминать холмы, озера и рощи, мимо которых вчера промчалась, у меня не было ни сил, ни желания, да и весьма однообразны они в этом краю тысячи озер.

До самого вечера я носила четки в верхнем кармане куртки и упорно размышляла над непостоянной задачей, а когда разожгла печь, чтобы пожарить принесенную промокшим Кышем рыбу, окончательно решила взять неожиданную находку с собой. Оставалось только придумать, как ее спрятать. Необычайный ларчик был невелик, но рискнуть носить его в одном из карманов или в поясе вместе с деньгами я никак не могла. Откуда-то родившаяся уверенность в особой ценности редкой вещицы все крепла, по мере того как я ее изучала, хотя мне с первого момента было понятно, что в этот раз судьба подбросила загадку не из обыденных.

Устроившись спать, я долго вертелась на неудобном, жестком ложе и куда только не пристраивала мысленно свою находку, пока не уснула. А утром, убедившись, что дождь так и не прекратился, снова устроилась за столом, вертя в руках четки и думая только о том, где их не смогут найти воры, отобрать грабители и не потеряю я сама. Задумки возникали и исчезали, не выдержав доводов разума, карманы и потайные местечки в походной одежде внимательно рассматривались и отвергались, а надежное укрытие так и не находилось.

В очередной раз отбросив куртку, которой, как я осознала, можно лишиться чуть ли не десятком способов, я решила на время забыть про четки и взяла со стола расческу. Во время службы у Луизьены мне пришлось постоянно красить и подвигать волосы, поэтому они всегда были суховаты, и три месяца назад, вернувшись к родному имени, я безжалостно отрезала по плечи эту невероятно путающуюся гриву. Расчесывая волосы и заплетая на висках в две косицы, которые позже собирала на затылке вязаным шнурком, я по-прежнему пыталась решить трудную задачу, мысленно прикладывая четки ко всем своим вещам.

А когда взяла в руки шнурок, вдруг поняла, что решение все время было рядом. Расческа в тот же миг была отложена в сторону, а из тюка появилась шкатулка с теми немногими драгоценностями, которые у меня остались. Все серьги, ожерелья и броши, в которых ходила по салону и в столице Эвелина Бенро, пришлось продать, ни одна заметная вещь не должна была связывать леди Вельену Глоэн ле Морнье с салоном, за поимку предыдущей хозяйки которого один из самых знатных и могущественных лордов империи пообещал весьма заманчивое вознаграждение. Тайно, разумеется.

В моем ларце для рукоделия, с помощью которого я намеревалась коротать одинокие вечера в замке Глоэн, нашлись и вязальный крючок, и иголка с нитками, а также мешочек с бисером и мелкими бусинками. И уже к обеду на моей левой руке красовался вязанный браслет, расшитый бисером, бусинками и мелким дешевым жемчугом. Примерно такие продавали знахарки и травницы, пропитывая заговоренными снадобьями и зачаровывая против простуды и легких пищевых отравлений.

Весь вечер, занимаясь неотложными делами, я поглядывала на обновку и потихоньку радовалась собственной сообразительности. Шкатулке и слюде тоже нашла место. Золотистые чешуйки сложила в пустую пудреницу: многие дамы, собираясь на бал и желая покорить кавалеров таинственным блеском, добавляют в тени и номаду измельченный перламутр или слюду. А в шкатулку, хорошенько оттерев ее золой, ссыпала стручки с крохотными семенами душистой северной ванили. Продавец клялся, что она будет отлично расти в этих местах, особенно в оранжерее. И хотя оранжереи у меня пока не было, зато была мечта, и потому я запаслась семенами самых любимых растений.

Утром, распахнув дверцу, я рассмотрела густой туман, пышным облаком закрывший мое временное пристанище. Зато дождь уже прекратился, поэтому огорчаться я не стала, выпустила Кыша гулять и принялась упаковывать вещи и готовить завтрак.

Примерно через час, когда туман рассеялся, я уже была готова продолжать путь. Оседлала Кыша, привязала к седлу мешки, закрыла и привалила камушком дверь. Может быть, однажды эта хижина выручит еще какого-нибудь беглеца. Наконец влезла в седло и легонько хлопнула друга по шее:

— Но, Кыш!

Однако полуург почему-то не ринулся вперед, а, наоборот, чуть отступил и свирепо зарычал. Я потянулась к оружию и вдруг рассмотрела две темные мужские фигуры, словно собравшиеся из тумана.

— Не поднимайте оружие, леди Глоэн, если не желаете зла своему коню, — строго и сухо объявил один из незнакомцев, и я с ужасом узнала голос рыбака.

Но руку от чехла все же убрала — два гномьих арбалета, поблескивавшие остриями стальных болтов, нацеленных в грудь Кышу, оказались убедительнее любых аргументов.

— Правильный выбор, — холодно усмехнулся рыбак. — Постарайтесь и дальше так же поступать. И помните: мы вас везде найдем, если вздумаете о нас болтать.

— Лучше бы ей зелья налить для надежности, — мрачно буркнул второй бандит, и я сразу узнала этот голос.

Потому только крепче сжала губы и кротко опустила взгляд. Какие бы деяния ни приписывала молва маркизу Кэрдону Сангирту, но в тайном убийстве врагов он никогда не был замечен.

Хотя я ему не враг — просто случайно влезшая в чужие тайны дурочка, как начинаю понимать все отчетливее.

— За неудобства мы оставим вам насос и кое-какие вещи, — не дождавшись от меня ни слова, сухо сообщил Танрод Хаглен, и в его голосе мне почудилась усталость и как будто разочарование.

Однако я снова промолчала: спорить с ними сейчас вовсе не в моих интересах. Хотя и верить словам этих знатных сообщников довольно безрассудно. Вряд ли они намерены отвести меня именно в Глоэн, а если даже и так, то наверняка вначале возьмут клятву в полном повиновении. Ведь ни один свободный человек не будет покорно ехать с похитителями целых два или три дня, даже не попытавшись сбежать.

— Тогда прощайте, леди Глоэн, — бесполезно прождав долгую минуту, уже с откровенной досадой выдохнул рыбак, опустил прямо на мокрую траву арбалет и сделал руками стремительный широкий жест, словно бросая на нас веревочную петлю.

Я вмиг пригнулась, прижалась крепче к Кышу, обнимая его за шею, и крепко зажмурила глаза, предпочитая не видеть перед смертью ни встающего за дальними деревьями солнца, ни тонущих в темной воде озера клочьев тумана.

ГЛАВА 6

Не знаю, сколько я так сидела, время словно остановилось, а потом вдруг почувствовала, как Кыш куда-то двинулся, и поторопилась распахнуть глаза. И мгновенно онемела от изумления — передо мной высилось уже узнаваемое крыльцо светло-серого каменного дома, а вокруг поднималась полуразрушенная ограда замка Глоэн.

— Подожди, Кыш, — остановила я попытавшегося влезть на ступеньки зверя и направила его в сторону заднего крыльца, верить на слово таким мужчинам, как эти «рыбаки», меня навсегда отучила Луизьена.

Черный вход я изучала так долго, что Кыш заскучал, начал вертеться, принюхиваться к чахлой траве, и мне пришлось с него слезть. Но и после этого я не сразу решила ступить на крыльцо, чудесным образом лишившееся всех доказательств недавнего обитания толпы бандитов. Не было ни весел, ни сетей, ни рыбного запаха, ни каких-либо иных примет. Даже пыль, появившаяся на каменных ступенях, выглядела так, словно лежит тут уже не менее полугола, а то и дольше, а плотно закрытые ставни на окнах, недавно сиявших чистыми стеклами, теперь ржавой завесой закрывал разросшийся плющ.

Наконец я решила. Прошагала по ступеням, подергала ручку и, тяжело вздохнув, отступила. Судя по всему, черную дверь заперли изнутри, а ключа от нее у меня не было.

И пока шла к парадному крыльцу, успела отчетливо осознать, как неправильно все обнаруженное мной здесь. Не было, на мой взгляд, у незваных квартирантов никакого веского повода так поступать, вот ни малейшего.

Лорд Танрод Хаглен оказался магом, и не каким-нибудь рядовым, а магистром. Только им доступно искусство мгновенного переноса людей и предметов, и стоили такие услуги баснословно дорого.

Хотя находилось достаточно желающих платить любую цену, лишь бы не трястись по разбитым дорогам империи по несколько декад. Поэтому все маги высшего уровня были очень богаты и имели не только титулы, но и не по одному поместью.

И в таком случае абсолютно незачем было магистру ловить рыбу именно в моем озере. Но даже если допустить, что у Хаглена имелось какое-то секретное дело, требовавшее его присутствия, он вполне мог бы заставить меня выпить зелье послушания. Имеются у них такие, хотя поить ими свободных жителей строго запрещено. Но ради Кыша я бы выпила зелье совершенно добровольно и любую бумагу подписала. Даже перед всеми богами поклялась бы чем угодно и на чем угодно.

И сидела бы после этого зелья в своей комнатке тихо, как мышка, боясь даже нос высунуть, пока эта странная шайка не завершила бы свои темные делишки.

Но они предпочли вернуть меня в замок и уйти, тщательно заметя за собой все следы. И теперь мне почему-то кажется очень важным как можно скорее понять, ради чего они все это проделали.

На парадном крыльце я не задержалась, сообразив по пути, как важно было «рыбакам», чтобы я сидела здесь живая и невредимая. Вот зачем — пока не знаю. Хотя бродят уже в голове смутные предположения, но для того чтобы они стали точными догадками, мне не хватало информации.

И взять ее совершенно негде: все мои бывшие, хорошие и не очень, знакомые стали абсолютно чужими людьми в тот самый миг, как на пол осыпался ворох белых кудряшек, а на мою голову упали первые капли каштановой краски, возвращая волосам родной цвет.

Хотя, разумеется, я взяла с собой самую дешевую почтовую шкатулку, всего на три камня в месяц, но первый уже истратила, сообщив Луизьене о благополучном прибытии на место. И следующее письмо имею право послать лишь через шесть дней. Но все равно не стану ничего

спрашивать у названной тетушки, не тот мадам Луиза человек, чтобы сразу не понять, почему я вдруг заинтересовалась такими слухами.

Дверь распахнулась так же мягко, как несколько дней назад, и я точно так же пустила вперед Кыша. Он проскользнул в прихожую, обнюхал дверные ручки и перила лестницы, фыркнул и оглянулся, взглядом требуя, чтобы я сняла с него сбрую и багаж. Спорить не стала — раз зверь не чувствует ничего странного, значит, мои подозрения верны. «Рыбаки» и в самом деле покинули мои владения, и никого чужого тут теперь нет.

Сложив вещи возле лестницы, выпустила друга гулять, заперла за ним входную дверь и подошла к входу на черную половину. Засов был отодвинут и пылен, и у меня достало сообразительности не засмеяться над этим открыто. У мага вполне хватит сил и совести присматривать за мной, и если верить гуляющим по империи слухам, издевательств они не прощают. Я оглянулась на так и валявшуюся в углу шкуру, и при одном воспоминании о том, как укоризненно смотрел на меня лежавший на ней магистр, желание веселиться растаяло окончательно.

Пыль и запустение, властвовавшие в этой части дома, не удивили, хотя, на мой взгляд, маг немного перестарался. Ну не могла же я не натоптать тут за эти дни?

Или все же могла, если бы заболела, например?

Но скорее всего, Хаглен просто из вредности дунул каким-нибудь заклинанием, мстя мне за несговорчивость.

Заглянув в дворецкую и столовую, я с опаской побрела дальше. Все происходящее было непонятно и потому вызывало невольную тревогу.

Следующей по правой стороне коридора была узкая дверка, запертая на засов, и, немного посомневавшись, решила без Кыша ее не открывать. Судя по расположению, там лестница в подвал, а подвалы я недолюбиваю еще с тех пор, как Коранда запирала меня за малейшую провинность.

Очередная, довольно широкая дверь вела налево, и за ней нашлась кухня. И вот здесь обнаружили следы небрежной уборки и законченный котел на широкой и еще теплой плите. В котле было жаркое, и судя по стоявшей на столе невымытой миске, этим мясом уже кто-то завтракал.

А рядом с миской лежала большая початая коврига деревенского хлеба и стояла керамическая кружка, из которой торчала скрученная в трубку записка.

Несколько секунд я колебалась, потом вздохнула, взяла листок и осторожно развернула.

«Простите нас, леди Глоэн, за доставленные неудобства и волнения и знайте, никакого вреда вам никто причинять не собирался. Я тоже не убийца и пустыми обещаниями не бросаюсь. Ключ от ворот в ящике буфета, деньги там же. Но нас тут не было. И еще: к вам едет торговец, не позволяйте ему ночевать в замке. Род».

Дочитав записку, бросила ее на стол и хмуро усмехнулась. Какой вы мне «Род», ваша магическая светлость. И словно в ответ листок вспыхнул зеленоватым пламенем и через миг осыпался легким, невесомым пеплом.

К буфету шла неохотно, хотя иметь ключ от ворот мне все же полагалось. И я, кстати, спрашивала о нем у продавца, но он, помнится, состроил очень скорбное лицо:

— Извините, леди Вельена, но дом заперт, а во дворе запирается нечего. Да и не от кого, там ближайшая деревушка на пять домов в полудне пути. Лорд Глоэн, построивший некогда замок, более всего ценил уединенность и покой.

Тогда меня устроило это объяснение, а вот теперь вдруг появились смутные подозрения, что стряпчий намного больший жулик, чем тогда представлялся. И далеко не так рьяно он нахваливал свой товар, как ему положено по должности.

Стоящий в углу массивный буфет был из тех редких вещей, которые, однажды заняв облюбованное местечко, прочно врастают в него всем своим неподъемным телом и больше за века существования дома не сдвигаются даже на волос. И ящики у него были такие же надежные, с коваными петлями и ручками и непременно ключами с замысловатыми головками.

Но меня почему-то сразу потянуло к среднему, более узкому ящичку, и интуиция не обманула. Ключи были именно там, и не только от ворот. Целая связка больших и малых, мне даже интересно стало, найдется ли в этом доме столько замков? Но я тут же о них забыла, рассмотрев парочку увесистых мешочков из плотного полотна, в каких обычно выдает золото гномий банк. Душу неприятно кольнуло все крепнущее подозрение, что меня снова собираются купить со всеми потрохами, причем втемную, не удосуживаясь объяснить, какие услуги я должна буду магу за такое щедрое подношение.

Ведь даже полному дураку понятно, как сильно переоценил мое беспокойство лорд Танрод Хаглен. И более обеспеченные и знатные особы, чем я, целую декаду с удовольствием гуляли бы по озерам за пятую часть этого вознаграждения.

Очень неохотно распустила шнурок на первом кошеле и тяжело вздохнула, разглядев рыжеватый блеск монет. Да за эти деньги можно нанять слуг и отремонтировать донжон, в котором, по словам посредника, первый хозяин разместил лабораторию, а один из его наследников — тренировочный зал. А вот мне всегда хотелось иметь оранжерею, хоть небольшую, такую, какая была в родительском доме.

Воспоминание о доме, где прошли самые счастливые и самые горькие пятнадцать лет моей жизни, испортило настроение окончательно, и я резко задвинула ящик, взяв из него только связку ключей. Позже придумаю, куда спрятать неожиданно свалившееся богатство, сейчас мне не до него.

Следующая за кухней комнатка оказалась довольно удобной купальней, и бак для воды, вмазанный в выходящий сюда обогреватель печи, приятно согрел ладони. Решено, как только осмотрю дом, первым делом пойду купаться, все равно идти мне уже никуда не нужно. Да и нет никакого желания, если не кривить душой.

Именно этого мне хотелось последние полгода, а если разобраться, то и все десять лет с тех пор, как дядя Енгор, вызвав меня к себе, сухо сообщил, что моей руки попросил барон Прилерс. И хотя дядя выговорил у жениха три дня на размышления, но отказывать ему не намерен, так как считает барона очень достойной для меня партией. Я только молча поклонилась и покорно побрела в свою комнату, хотя никакого права решать мою судьбу дядюшка не имел. Но завещание, где я называлась единственной наследницей отца, куда-то исчезло сразу после его гибели. И когда через три месяца после похорон моя мачеха Коранда

вышла замуж за моего же двоюродного дядю, именно он стал считаться полновластным хозяином дома и имения.

Поэтому рано утром следующего дня, когда весь дом еще спал, я нацепила на себя три самых лучших своих платья, прихватила скромные сбережения и украшения и удрала через крыши хозяйственных построек, где иногда пряталась, чтобы выплакаться без свидетелей. И где давно уже изучила каждый уголок и нашла неприметные лазейки. В тот день я еще верила, что сумею добиться справедливости, если правильно возьмусь за дело, и именно это соображение привело меня за советом в «Женские тайны».

— Разумеется, ты можешь подать прошение, — с сочувственной усмешкой пояснила Луизьена спустя год после того, как я стала Эвелиной Бенро, — и дознаватели начнут расследование. Но тебя немедленно отправят к дядюшке, так как по закону ты еще несовершеннолетняя и до двадцати двух лет не имеешь нрава распоряжаться ни имуществом, ни своей судьбой. Я уже не говорю о том, как покарают за обман меня и какое наказание ждет Мелисанту, но и тебе самой хватит оскорблений и издевательств по самую макушку. Боюсь, уже дня через три ты проснешься в одной постели с ненавистным тебе бароном и будешь вынуждена нацепить свадебное платье и сказать «да» в храме Судеб.

Тогда я ей просто поверила, а позже, выслушивая истории и жалобы клиенток, отчетливо осознала правоту приобретенной тетушки. Девушки, как знатные, так и простолюдинки, не имели почти никакой свободы выбора. Отцы, деды, дядья и братья старались пристроить их как можно скорее, и как я начала понимать к двадцати годам, вовсе не ради счастья дочерей и сестер. Основным, хотя и завуалированным поводом для такого рвения всегда становилась жадность, ведь за «старых дев» такие же прижимистые женихи просили гораздо большее приданое. А если вспомнить, что девушку придется кормить, одевать и развлекать лишних пять-семь лет, то вполне понятно стремление пристроить ее сразу после пятнадцатилетия, когда девицам разрешено вступать в священный союз.

Купальня оказалась последним помещением перед сенцами черного входа, дальше коридор делился на две лесенки. Одна вела вниз, другая наверх, и это значило, что потолки в комнатах для прислуги вдвое ниже, чем в гостиной и столовой. Ради интереса я сделала несколько шагов и приоткрыла первую дверь. Очень узенькую, скудно обставленную комнатку вполне можно назвать кельей для монашек, это ее ничуть не оскорбило бы.

В конце лесенки, ведущей вниз, нашлись две такие комнатки, причем оконца в них были прорезаны под самым потолком. В верхней части комнатки были чуть шире. Их было три; одна, как я поняла, расположена над купальней и сенцами. Несколько минут я стояла, рассматривая неказистые деревянные кровати с набитыми сухой травой тюфяками, узкие оконца и сундуки для вещей, стоящие возле крохотных тумбочек и служащие сиденьем, и начала краснеть, как застигнутая за облизыванием ложки горничная.

Лишь теперь до меня дошло, как тесно и неудобно ютились здесь семь или восемь привыкших к удобству «рыбаков» и как досадовали они на мое упорное нежелание сдать им несколько просторных спален. Но тем не менее расплатились очень щедро, и значит, для них очень важно сохранить свою «рыбалку» в тайне от всех. В таком случае я должна завязать сто узелков на воображаемом платочке, куда спрячу все воспоминания о произошедших за последние три дня событиях.

Иначе не спасет нас с Кышем ни удаленность этого места, ни умение бросать дротик. А кстати, где у меня Кыш?

ГЛАВА 7

Вылетев из спальни для прислуги, я промчалась в сени, распахнула дверь и выскочила на крыльцо. Утреннее, промытое вчерашним дождем солнце щедро заливало двор теплыми лучами, травка, не примятая ни одним сапогом, бодро зеленела, а у одного из неопознанных мной хозяйственных строений Кыш увлеченно поедал из широкой бадьи что-то явно привлекательное для него.

Не помня себя от отчаяния, я ринулась туда и, срывая горло, грозным криком отогнала питомца от дармовой еды. А потом несколько секунд ошеломленно рассматривала кучку сваленных в бадью продуктов. Ломтей черствого хлеба и подсохших недоеденных кусков копченостей, вялых овощей, мелкой сырой рыбы и той самой нелюбимой мной утренней каши. И все отчетливее осознавала, как сильно ошибалась, думая, будто магистр отыскал меня по следам. На самом деле поймать нас с Кышем и вернуть сюда он мог еще два или даже три дня назад, раз находил меня мгновенно по каким-то одному ему известным приметам.

Но не стал, и теперь я понимаю почему. Сначала ему нужно было подыскать место для своих друзей, потом навести порядок в моем доме. И лишь сегодня утром, едва закончив все дела, лорд Хаглен ринулся спасать меня. От холода, от голода... ведь знать об умении Кыша охотиться и рыбачить он никак не мог.

— У! — с обидой тихонько муркнул зверь, оттесняя меня от бадьи, но я и сама уже отступила, осознав, как это было бы неправильно — сначала спасти нас, а потом отравить.

Если бы он хотел нас убить, то вполне мог бы перенести не сюда, а севернее, в непроходимые болота, полные неистребленной нечисти. Или вообще не догонять, ведь я вполне могла встретиться со стаей волков или забрести в болото.

Мне вдруг отчетливо вспомнилось светившееся во взгляде магистра разочарование, и душу опалило запоздалой досадой. Случаются иногда у меня такие промашки, не сразу понимаю, чего именно желает слишком осмотрительный собеседник. Лишь много позднее, когда спокойно обдумая встревожившие меня взгляды или слова, вижу отчетливо, какого ответа от меня ожидали.

Вот и теперь точно знаю: Хаглен еще надеялся, что сумеет со мной поговорить. Наверняка ждал моих упреков или просьб, не важно, чего именно. Лишь бы у него была возможность, не опускаясь до оправданий, объяснить мне всю глубину моего заблуждения.

И это самая распространенная человеческая ошибка, по определению Луизьены.

«Если бы люди могли спокойно существовать, никому не объясняя своих обид и желаний, — всегда огорченно вздыхала тетушка, доказывая очередной упрямой клиентке ее неправоту, — то так и остались бы немymi, как рыбы. А поскольку все мы говорим — следовательно, без этого человечеству просто не выжить. И хотя молчуны еще встречаются, но жизнь у них стократ сложнее, чем у тех, кто умеет договариваться».

— Как ты была права, тетушка! — сердито вздыхала я, направляясь к дому. — Жаль только, некоторые под маковку набитые тайнами магистры до сих пор не знают таких простых вещей.

Следующие три дня я жила так, как мечтала, покупая Глоэн. Вставала с постели, когда солнце уже успевало прогреть воздух и камни крылечка, неспешно умывалась и завтракала чаем и горячими лепешками. Как выяснилось, незваные квартиранты оставили солидный запас

продуктов. В основном муки, жира, круп, сыра и копченостей, и я невольно виновато хмурилась всякий раз, когда отрезала ломтик окорока или зачерпывала из ларя миску муки. Хотя чаще я просто жарила рыбу, Кыш каждый день притаскивал на крыльцо полусъеденные тушки огромных карпов и сегов. Все, что нами не съедалось, я солила и вешала сушить. Хоть зимы тут теплые и короткие, но запас никогда и никому еще не помешал.

Потом я понемногу наводила в доме порядок и снова поминала мага, теперь уже недобрым словом. Незачем было так щедро прикрывать следы своего пребывания пылью. После уборки я ходила на озеро купаться, извилистая тропка вела через запущенный сад к небольшой калитке, выходящей на незаметную от насыпи крохотную пристань.

На берегу возле бревенчатого настила валялась разохшаяся лодка и стояла покосившаяся купальня, заходить в которую не было никакой нужды. С причала ступени вели в прозрачную воду, сквозь которую просвечивало желтое песчаное дно, и я подозревала, что это единственное место на острове, где магистр не стал возвращать бывшее запустение. Кроме, разумеется, той самой дыры, через которую мы убежали. Сейчас она была завалена камнями, валявшимися ранее под стеной, и вряд ли кто-то решился бы перелезть во двор в этом месте.

На четвертый день меня разбудило рычание Кыша, по-прежнему спавшего в прихожей. Почему-то ни одно из запущенных строений, протянувшихся вдоль северной стены, не понравилось моему другу.

Я вскочила с постели, ринулась к приоткрытому окну и, встав за занавеской, оглядела ведущую к воротам насыпь. Всадник, едущий по ней в сторону Глоэна, был отлично виден в свете встающего за его спиной солнца. За всадником следовала запряженная парой лошадей повозка, и это стало для меня огромной неожиданностью. До этого момента я почему-то считала, что купцы разъезжают по деревням в одиночку.

Только теперь мне стало ясно, почему Танрод Хаглен счел нужным написать о необходимости держать торговца подальше от дома. Я искренне порадовалась тому, что не отмахнулась от этого намека и приняла все меры предосторожности. Надежно спрятала деньги и документы, приготовила для себя пути отступления и оружие. И каждый вечер, усаживаясь в кресло у распахнутого окна насладиться заслуженной чашкой чая, подолгу обдумывала способы, какими можно без особых усилий последовать простому на первый взгляд совету магистра.

Ведь торговец вполне мог приехать на закате или в дождь. А мог и заявить, будто ранен шалым медведем или ведром. Как отказать человеку в таком случае?

Мне повезло, что времени было вполне достаточно, как и почерпнутого у Луизьены опыта общения со слишком назойливыми клиентами, чтобы постепенно изобрести несложный, но действенный способ нарушения святого закона гостеприимства.

Все необходимое было приготовлено мной еще вчера, поэтому много времени сборы не заняли. Я просто нанесла вокруг глаз чуточку зеленоватых теней, размазала по лицу и шее пару капель жирных румян и бросила на щеки по щепотке толченого кармина. А в завершение, стряхнув пуховкой излишки, обвязала голову платком, пониже надвинув его на лоб. Именно так выглядят люди, подхватившие болотную краснуху.

Болезнь эта не смертельная, зато очень прилипчивая и даже здорового мужчину может уложить в постель не менее чем на полторы декады. А кроме того, против нее бессильны любые зелья и не защищают от заражения ни дешевые обереги, ни защитные амулеты, какие обычно имеются у богатых путешественников. Только магистры умеют выжигать заразу

заклинаниями, но берут за это очень недешево, как за все свои услуги. Впрочем, вряд ли торговец возит с собой какого-нибудь магистра. Не так много их в империи, мне и в Тагервелле приходилось сталкиваться с магами лишь несколько раз.

Но прежде чем идти встречать торговца, я все же предприняла еще кое-какие меры и выпустила Кыша, запретив ему рычать. Нечего пугать людей раньше времени, хотя, вполне возможно, пугать и вовсе не придется.

Всадник продрался сквозь заросли сорняков по протоптанной Кышем тропке прежде, чем я дошла до ворот, и уже стучал в них подвешенным на этот случай деревянным молотком.

— Кто такой? — хриплым, умирающим голосом осведомилась я, взобравшись по лесенке на высокое крылечко привратной будки и выглянув в зарешеченное оконце.

— Торговец Мелох, открывай, — буркнул он, одарив меня небрежным взглядом. — Твоя хозяйка товары заказала.

Значит, трактирщик поверил, будто слуги отправились сюда раньше меня, усмехнулась я про себя, а вслух сердито огрызнулась:

— Лежит пластом моя хозяйка! Проклятый обозник набрал разного сброда. Жди, сейчас отворю.

— С чего это она лежит? — глянул он, едко прищурясь. — С голоду?

— Не смешно, — возясь с ключом, сухо оборвала я неуместные шутки. — Тут с голоду только ленивый сляжет. Ну, заезжай да вези товары, я сама расплачусь.

— Не тревожься, задарма не оставлю, — грубо пошутил торговец, не нравившийся мне все сильнее.

Не так, по моему представлению, должны вести себя люди, которым нужно завоевать симпатию постоянных клиентов.

Но пока я решила смолчать и посмотреть, до какого предела может дойти его наглость. Не самое умное дело спорить с единственным согласившимся приехать сюда торговцем, хотя сейчас мне вполне хватает продуктов и всяких мелочей. Но если я с ним рассорюсь, то через пару-тройку лун, как раз к тому времени, как пойдут осенние дожди, мне придется самой ехать за необходимым. Или посылать слуг, если Луизьена к тому времени подыщет мне подходящих. Брать сюда тех, кого предлагал посредник, я никогда бы не решилась.

Мелох проехал до колодца и только там спрыгнул с коня, небрежно привязав его возле лохани с водой. Потом внимательно огляделся и направился напрямик к крыльцу.

Хорошо, что я догадалась запереть дверь на замок.

Взбежав на ступени и подергав засов, он ничуть не разочарованно повернул назад и теперь приближался ко мне уверенной походкой победителя.

В это время в воротах показался крепкий мужичок в надвинутой на лоб войлочной шляпе, какие многие возчики не снимая носят круглый год. Он вел лошадок, с трудом тащивших через заросли кустов и лопухов крытую повозку, и время от времени отмахивался свободной рукой от

вившихся вокруг его потной рожи мошек.

Возле ступеней будки, где я так и стояла, этот кучер даже не подумал останавливаться — пошагал дальше, твердо стуча каблуками подкованных сапог.

Вздыхнув, я двинулась следом, начиная понимать, как глупо снова влипла. Никогда не были эти гости торговцами, и товаров у них не было. Не ходят конюхи в подбитых железом сапогах, да и повозка, попав на камни двора, покатила слишком легко, погромыхая какой-то пустой посудой. Значит, нам с Кышем опять предстоит бой, не зря я предприняла на этот случай особые меры. Надеюсь, с одним жуликом справлюсь, а если повезет, то и с двумя. Ну а если в повозке скрываются еще пособники, то и Кышу достанутся живые игрушки, и я не виновата, если они потом недосчитаются пальцев или ушей.

Я брела следом за конюхом, беззаботно помахивая руками и стараясь держаться поближе к лошади. Самое секретное оружие из всех, какие Леброт принес после памятного нападения, было уже на мне и грело душу своей надежностью и незаметностью.

— Женщинам не стоит таскать с собой длинных и тяжелых ножей, — наставительно сообщил мне тогда учитель, доставая маленький пенал. — Все равно ничем они вам не помогут. Мужчины сильнее, выше, и руки у них длиннее. И тебе нужно будет очень изловчиться, чтобы не только подобраться к негодю вплотную, но и поразить его с первого удара. Иначе он из тебя бантиков нарежет твоим же собственным ножом. А вот это другое дело, все женщины царапаются, и никто на эти царапины внимания не обращает. Но надежнее все же, если все остальные ногти на твоих руках будут коротко острижены, тогда никто не заподозрит подвоха.

И распахнул коробочку, в которой лежало два мизинца, так мне показалось в тот миг. На самом деле это были длинные кожаные наперстки, заканчивающиеся острыми как бритвы коготками. К ним прилагался флакон с сильным парализующим зельем, и я уже успела убедиться в его надежности. Но пользоваться тайным оружием старалась только в самых крайних случаях, опасаясь попасться императорским дознавателям. Подобные зелья были настрого запрещены.

— Ну и долго ты будешь плестись?! — вынырнув из-за лошади, встал на моем пути назвавшийся торговцем мужчина. — Мы выехали за полночь, устали и хотим умыться и перекусить.

— Но хозяйка... — дала я ему последний шанс отступить, однако Мелох его не оценил:

— Кому другому будешь рассказывать эти сказки, а мне тебя хорошо описали. И особо сообщили, что на знатную госпожу ты похожа, как я на белошвейку.

— Но в дом ты все равно не попадешь, — не желая больше лгать и изворачиваться, сухо отрезала я.

Лжеторговец тут же оказался рядом, ловко перехватил запястье моей правой руки, вскинутой ему навстречу, и крепко притиснул меня к себе:

— Зря ты мазалась этой гадостью, куколка, я уже болел краснухой. И отлично знаю, как она выглядит. Но не волнуйся, сначала я тебя выкупаю.

— Ты знаешь, что бывает за нападение на знатных девушек? — осведомилась я так холодно, как сумела.

— Простого селянина или наемника могут и повесить, — уверенно сообщил Мелох, — а

знатному мужчине достаточно жениться и заплатить штраф. Но ты же не будешь так расточительно тратить деньги нашей семьи?

— Неужели ты знатный господин? Тогда почему до сих пор не женат? — изумилась я, отстраняя лицо от пахнущего вином и луком наглеца и пытаюсь высвободить зажатую его телом вторую руку.

— Не сомневайся, не безроднее тебя, — нагло ощупывая мое бедро в поиске кармана, снова ухмыльнулся Мелох, и в этот миг я сумела наконец выдернуть левую руку и попыталась оцарапать щеку лжеторговца.

Но он снова оказался быстрее — вывернулся ужом, сильно дернул меня за плененную руку и, когда я почти падала на него, цепко поймал и левое запястье.

— Кыш! — закричала я отчаянно, сообразив, как легко обернуть мое секретное оружие против меня самой, и в тот же миг, дико взыв, наглец отпустил мои руки, рухнул на колени и задергался, словно попал под град невидимых, но очень жестоких ударов.

Его то колотило о камни, то выгибалось дугой, а чуть поодаль Кыш яростно трепал обмякшего, как тряпка, конюха.

Но отозвать своего зверя мне уже не хватило сил. Из моего тела словно разом вытащили все кости, а ноги и спина вдруг стали вялыми, как из пуха. Упрямо закусив губу, я с трудом добрела до крыльца и неловко рухнула на каменные ступени.

— Что здесь происходит? — внезапно строго произнес кто-то знакомым голосом рыбака.

Оглянувшись, я рассмотрела выходящего из-за угла магистра и, сообразив наконец, с кем имею честь быть знакома, истерически хихикнула. И тотчас покрепче прикрыла ладонью рот.

Весьма невежливо и даже опасно смеяться над старшими императорскими дознавателями. А о том, что магистр имеет именно такое звание, красноречиво доложила висевшая на его груди звезда правосудия.

Покосившись на меня, Танрод Хаглен шагнул к замершим лошадкам, как-то особенно погрозил пальцем Кышу, и тот, перестав трепать кучера, ринулся ко мне. Несколько секунд магистр любовался на тихо скулившего лжеторговца, затем взмахом руки отправил куда-то подальше сначала его, затем и кучера. И уверенно пошагал к воротам с явным намерением их закрыть.

Собрав все последние силы, я медленно взобралась на крыльцо и, пошатываясь, побрела в сторону кухни. Нужно было умыться, спрятать когти и заодно выпить бодрящего зелья. Мечтать о том, чтобы магистр ушел, не пожелав задать мне несколько вопросов, было бы откровенной глупостью.

Когда я уже более уверенным шагом вернулась на крыльцо, дознаватель спокойно сидел на моем месте, подтверждая этим верность моих выводов.

— Зачем вы ихпустили? — строго осведомился он, наблюдая за бредущими по направлению к колоде лошадами.

— Я не забыла вашего предупреждения не оставлять торговца ночевать! — невольно сорвалась с моих губ еле сдерживаемая обида. — Но там ничего не было о том, что их нельзя и в ворота пускать!

— А догадаться вы не могли?

— Ну вот теперь в следующий раз догадаюсь, — хмуро пообещала я, посмотрела искоса на небритую щеку незваного гостя и осторожно предложила: — Завтракать будете?

— Я бы поспал, — вдруг признался он и суше добавил: — Могу и в каморке конюха.

— А у меня есть такая каморка? — всерьез изумилась я, глянула на поджавшего губы дознавателя и раздумала шутить. — Но я хотела предложить вам спальню на втором этаже, как раз вчера убрала в соседней с моей.

— Извините, — сразу оттаял он. — Тогда я пойду, перенос берет много сил.

Встал и прошел мимо меня в дом.

— Чаю принести? — спросила я вслед.

— Лучше к обеду, раньше не проснусь, — ответил он уже с лестницы, и я, пожав плечами, направилась на кухню.

Хотелось перекусить и спокойно поразмыслить, что именно произошло с Мелохом. Ведь коснуться его когтем я так и не успела.

ГЛАВА 8

Магистр появился на пороге столовой далеко за полдень, когда я уже подумывала, не стоит ли сходить его разбудить. Несколько мгновений гость молча стоял на пороге, осматривая комнату, которую я привела в порядок первой. Не в такой, разумеется, как любила Луизьена. При ней комнатки второго, жилого этажа нашего сравнительно небольшого дома были заставлены диванчиками и креслами, кушетками и пуфиками, на которых уютно дремали кучки пледов, подушек и думочек. А еще она обожала до блеска натертые полы и неизменно белоснежные салфеточки на столах и поставцах.

Мне тоже нравились мягкие кресла, но, помимо них, я любила простор распахнутых окон, низкие столики с полными фруктов блюдами, книжные полки и большие вазы с цветами. Разумеется, ничего из всего этого у меня не было и в помине, кроме чисто промытого пола, свежей скатерти, единственной, которую я привезла, и букета набранных в саду розовых ирисов.

Пока дознаватель стоял, не решаясь или не желая шагнуть внутрь, я тоже успела его внимательно рассмотреть и с огорчением признать, что меня снова собираются обмануть. Вовсе не эта одежда была на нем в тот момент, когда он утром появился в моем дворе. Все, кому приходится работать с клиентами, постепенно приобретают привычку обращать внимание на то, как одет пришедший за советом человек. Затертые локти или слишком тщательно уложенные волосы могут многое сказать вдумчивому взгляду.

— Будете обедать? — осведомилась с вежливым холодком, не желая, чтобы магистр воспринял приглашение как мою готовность перейти к дружеским отношениям.

— Спасибо, — сухо зато поблагодарил он и прошел к столу.

Сам снял крышку с супницы, сам налил себе рыбного супа, сам нашел соль и перец, а потом и

жареного сига.

Я спокойно наблюдала за его действиями и начинала понимать, что дознаватель тоже не желает, чтобы его считали в этом доме другом. Пожалуй, даже еще более, чем я. И это можно понять — многие готовы на все, лишь бы стать своими для людей, имеющих в империи силу и власть.

Но только не я. Мне давно стало ясно, как далека я от тех девушек, которые мечтают каждый день пачками получать приглашения на обеды, балы, пикники, катания и охоты. Слишком хорошо знаю изнанку этой праздной жизни по рассказам тех же самых девушек и дам, только уже досыта хлебнувших горечи подлых интриг.

— Вы странная женщина, леди Глоэн, — отодвигая пустую тарелку и вытирая губы зеленоватым платком, буркнул вдруг магистр и в упор глянул на меня серыми, как утренний туман, глазами.

— Девушка, — коротко поправила я, нарочно не пряча недовольную усмешку.

Меня давно уже не смущают подобные пробные выпады незнакомых мужчин и никаких надежд тоже не пробуждают. Просто человек желает сразу выяснить для себя, насколько свободно может рассуждать на довольно щекотливые темы.

— Извините. — Дознаватель снова смолк, задумчиво катая по столу раннее яблочко, найденное мной недавно в траве.

В ответ я лишь небрежно улыбнулась: мы не на званом приеме, чтобы сыпать притворными любезностями. Его сюда вообще никто не звал — как я успела убедиться, когда немного успокоилась, в повозке больше никого не было. А с двумя подлецами мы с Кышем справились сами. Хотя и с помощью неизвестно откуда взявшейся защиты, но я ведь никого не просила ее на меня вешать? Мне просто нечем расплачиваться за подобную роскошь.

И хотя я не могу не догадываться о намерении лорда Танрода Хаглена вызвать меня на откровенный разговор, но облегчать ему задачу не собираюсь. Никогда не стоит забывать, с кем беседуешь и как тщательно учат дознавателей вытаскивать из людей самые сокровенные тайны.

— Тогда позвольте узнать, — так и не дождавшись ответа, недовольно осведомился магистр, — почему вы не наняли слуг?

— У меня было на это четыре веские причины, — спокойно сообщила я, ответ на этот вопрос был готов еще месяц назад.

— Да? — едко усмехнулся магистр, но я снова промолчала.

Если вам так интересно, ваша светлость, то задавайте вопросы.

— А как вы намерены зимовать здесь в одиночку? — помолчав, с излишней сердитостью уставился на меня Хаглен.

— Зима еще не скоро, — невозмутимо откликнулась я и, решив слегка поддержать разговор, так же пристально глянула в колючий туман его глаз. — Или у вас есть надежные люди, готовые жить в этой глуши за небольшое жалованье?

— А зачем вы вообще ехали в эту глушь? — тотчас дерзко прищурился маг, и по этой подначке я сразу поняла, что вот к этому вопросу он меня и подводил. Не догадываясь, как хорошо я подготовилась на него отвечать.

— На это у меня было пять достаточно важных причин, — с самым серьезным видом сообщила я. — Но вам могу назвать только одну.

— Какую?

— Мне не хватало денег, чтобы купить достаточно надежное и уединенное имение ближе к побережью.

— Но зачем вам целое имение? — Дознаватель явно пытался заставить меня оправдываться, и я решила немного ему подыграть.

— Чтобы мой конь мог спокойно гулять, не попадаясь на глаза соседям.

— А разве вам не скучно будет жить отшельницей? Ведь к соседям можно ходить в гости или приглашать их к себе на чай, — прищурился он, потихоньку подбираясь к моим тайнам.

— Я не люблю ходить по гостям, — честно призналась, кротко улыбнувшись дознавателю.

Не стоит говорить ему о том, как надоели мне всяческие чаепития за десять лет, которые я провела за чайным столиком, выслушивая бесконечные откровения. Луизьена предпочитала беседовать с клиентками в уютной гостиной, помогавшей им забыть о всякой осторожности.

На этот раз незванный гость молчал намного дольше, и постепенно бледно-розовый плод в его сильных пальцах покрывался темными пятнами.

— Можно спросить, — наконец выдавил магистр, и взгляд его серых глаз стал острым, как нож, — почему вы не подали прошение о возврате вам родового имения?

— Это очень бестактный вопрос, — помолчав несколько мгновений, сообщила я очень сухо, — но вы мне сегодня помогли, и поэтому отвечу. В первый раз мне посоветовали забыть о потерянном имуществе десять лет назад, когда я пришла в монастырь. А когда спустя шесть лет я уехала оттуда по приглашению одной леди, она в точности повторила слова наставницы, и у меня не было причин ей не верить. К тому моменту я отчетливо понимала, насколько подлы и жестоки моя бывшая мачеха и ее муж, всю жизнь ненавидевший моего отца и завидовавший ему. И теперь ничуть не жалею, что последовала добрым советам, дядя Енгор способен на все, лишь бы не расставаться с чужими деньгами.

— Но вы решились купить Глоэн, воспользовавшись собственным именем, — задумчиво смотрел на меня дознаватель.

— Увы, другого не имею, — невесело усмехнулась в ответ. — А без подлинных документов, только по свидетельству монастыря, этот замок не продавался. Надеюсь, вы удовлетворили свое любопытство? Я тоже хочу задать вопрос... только один. Куда мне теперь деть чужих лошадей?

— Это очень сложная проблема, — теперь его глаза хитро смеялись, — и сначала мне хотелось бы узнать — вы еще не передумали взять на службу надежных людей?

— Какие услуги потребуются от меня за этих слуг? — невольно помрачнела я.

Трудно не понять, кого может подсунуть мне дознаватель. Верных ему соглядатаев и тюремщиков в одном лице.

— Никаких. — В мгновенно промерзшем голосе магистра явственно слышалась досада.

— Вы зря сейчас сердитесь, — я встала со своего места и посмотрела на собеседника сверху, — и не хотите понять простой вещи. Я десять лет мечтала о своем доме, поймите, о своем! Где буду жить так, как хочу я! Где никто не будет меня будить на рассвете, кормить на завтрак клейкой овсянкой и диктовать, какое платье надеть к ужину! Вам никогда не приходило в голову, как устает человек жить по чужим правилам? Десять лет садиться, когда позволят, гулять, когда разрешат? И поэтому я просто не могу не опасаться, что за ваших вышколенных и надежных слуг мне придется расплачиваться не монетами, а так нелегко доставшейся свободой.

— Извините, — догнал меня ничуть не расстроенный голос, когда я выскочила в коридор, начиная с огорчением понимать, с какой легкостью ему снова удалось вырвать из меня это признание.

Поэтому ни останавливаться, ни отвечать и не подумала, почти бегом взлетела по лестнице и заперла за собой на засов двери своих комнат. Мне требовалось хотя бы полчаса, чтобы успокоиться и понять, каких поступков следует ждать от лорда дознавателя. И насколько он поверил моим признаниям. Хотя, если разобраться, ни в чем серьезном я не солгала. Вельена ле Морнье действительно думала и действовала именно так, как я объяснила магистру.

Однако все дело в том, что я не всегда была ею, и это было изобретение Луизьены.

— Чтобы ты не чувствовала себя предательницей своего титула и имени, — твердо заявила она мне едва ли не в первые дни моей службы в качестве мисс Эвелины, — представь, что твое собственное имя и твоя прежняя внешность — это твой маленький дом, и он всегда ждет тебя в монастыре Святой Матери. Ведь ты и в самом деле можешь в любой момент, как только пожелаешь, туда уехать, я уже договорилась со знакомой монахиней. А тут ты временно живешь в съемной квартире, которую зовут «мисс Эвелина». Разумеется, она не такая удобная и красивая, как твой собственный дом, но ведь так и должно быть. Свой дом всегда лучше тех, где приходится оставаться ради необходимости. И едва ты это твердо запомнишь, сразу станет легче жить и думать о будущем, ведь твой дом не потерян и не испорчен, он будет ждать столько, сколько нужно.

И пусть магистр как хочет хитрит и проверяет мои слова, Луизьена уже неоднократно испытала меня зельем правды, и проверяющий браслет не покраснел ни одного разу.

Но не «рыбаку» меня судить. Он снова схитрил, сначала сходил куда-то и переоделся, а потом явился есть мой суп. И теперь я твердо уверена: в Глоэн его тянут вовсе не мои поварские таланты и тем более не особая симпатия ко мне самой. Я бы даже сказала, ему очень не хочется, чтобы у меня возникли какие-то надежды на его мужское внимание.

Хотя мисс Эвелина и казалась на первый взгляд довольно бледной молью, но с возрастом мне становилось все сложнее скрывать довольно женственную фигуру от пронизательных мужских глаз под нарочито свободными блузами и юбками. И потому я точно знаю, как ведут себя и о чем разговаривают мужчины, испытывающие ко мне определенный интерес. И даже больше: с год назад едва не попала в хитроумную ловушку одного сладкоречивого лорда, хорошо еще догадалась подсмотреть за ним через потайное окошко.

Спору нет, некрасиво было с моей стороны использовать установленные Луизьеной специально для наблюдения за подозрительными клиентами глазки и прослушки в личных целях. Зато после не пришлось черпать полной ложкой боль и унижение. Как выяснилось, разорившийся лорд решил за мой счет поправить свои финансовые дела. Подлец собирался обольстить меня, а затем шантажировать угрозой огласки этого события. Никакие серьезные или честные намерения в его планы и близко не входили. И, несомненно, все у него получилось бы, несмотря на мой теоретический опыт, ведь даже самым благоразумным девушкам хочется иметь рядом надежное плечо, к которому можно прислониться выжными зимними вечерами.

Я тяжело вздохнула и тут же с досадой заставила себя прикрыть эту страницу своей жизни, вернее, жизни Эвелины Бенро. Не стоит расстраиваться из-за прежних ошибок, когда на носу новые неприятности. Луизьена любила повторять, что у нее начинает портиться настроение, если кто-то пытается за пустячную услугу всучить чересчур большой гонорар. Или вдруг без всякого повода дарит дорогой подарок. Как она успела убедиться, вовсе эти добрые люди не так уж добры и отлично умеют считать свои денежки. И стоит только наивно принять незаработанный дар, как тебе тут же «по дружбе» подsunут абсолютно невыполнимое либо недостойное твоего положения задание.

«Так вот в чем дело!» — сообразила я наконец, почему так насторожила меня помощь магистра, хотя и своевременная, но в то же время слишком назойливая. Память услужливо нанизала события на нить времени, словно бусины спрятанных мной четок, и теперь, выстроенные в рядок, они стали понятными, как собранные воедино кубики простейшей головоломки.

Сначала он пытался просто помочь мне с вещами, навязаться на чай и разжалобить, попросившись на квартиру. Потом не стал защищаться, позволил себя усыпить, хотя теперь я не верю, что у магистра настолько слабые защитные амулеты.

Потом позволил мне вдоволь наскитаться, вымокнуть в озерах, просидеть пару дней в тесной хижине... хотя, вполне возможно, не знал о ней и надеялся, что мы мокнем где-нибудь под кустом. А затем решительно, одним махом вернул нас назад, прежде набив подвал продуктами и оставив щедрое вознаграждение за мнимые обиды. Не забыв туманно намекнуть на нечестного торговца. И вскоре тот на самом деле появился и вел себя столь же нагло, как и глупо.

— Поздравляю, леди Вельена, — ехидно поклонилась я своему отражению в зеркале. — Наконец-то вы догадались, почему лорд магистр появился так вовремя!

Ну а как он мог не появиться, если сам и подстроил этот спектакль? Вот теперь мне понятно, почему дознаватель так поспешно отправил отсюда своих артистов. Это я снова оказалась не так пуглива, да и Кыш повел себя весьма кровожадно.

И тогда лорд предложил очередной щедрый подарок — надежных и преданных слуг, точно зная: от такого не откажется ни одна знатная девушка, оказавшаяся на моем месте. Но я отказалась и теперь должна ждать очередного шага, так как все больше убеждаюсь: Танрод Хаглен по-прежнему весьма сильно заинтересован в моем замке.

И значит, нужно срочно написать Луизьене, чтобы не искала мне слуг, боюсь, этим несчастным никогда не удастся сюда попасть.

ГЛАВА 9

Несколько минут я обдумывала, как именно написать письмо, и с каждым мгновением все

сильнее понимала: в этот раз придется обойтись самыми сухими и деловыми выражениями. Хотя письмо попадет к тетушке через третьи руки, забывать о возможностях старших дознавателей не следует. И о том, как ревностно они блюдут законы империи и хранят верность императору, не давая на этом пути послаблений ни собственным друзьям, ни родственникам.

Покончив с письмом, я снова задумалась, на этот раз над тем, чем заняться. В последние дни я посвящала послеобеденное время отдыху и купаниям, но сегодняшнее происшествие, хотя и закончилось благополучно, все же оставило в душе тяжелый осадок. Мне почему-то становилось беспокояно от одного вспоминания о том, что нужно раздеваться на пустынном причале, и спорить с собственными предчувствиями я не решилась.

Но и сидеть в доме в такой день тоже не хотелось, и, поразмыслив еще немного, я решила просто погулять по саду, тем более что там нашлись заросшие земляникой пригорки и начинали падать ранние яблоки. Переодевшись в легкое светлое платье и прихватив самую простенькую шляпку, я решительно распахнула двери в коридор. Если мои выводы верны, магистра в моем доме уже нет, наверняка отправился устраивать очередную интригу.

И его действительно не было, однако дверь комнаты, которую я предложила лорду так неосмотрительно, оказалась запертой на ключ. Хотя, как мне помнится, еще вчера никакого замка в ней не имелось. Но я вполне могу и ошибиться, привыкла за годы службы у Луизьены изучать людей более внимательно, чем обстановку.

Да и взламывать дверь или даже просто стучать в нее не стану, как и устраивать магистру допрос, когда он снова заявится. В последнем я теперь уже почти не сомневалась.

На парадном крыльце меня ждал небольшой сюрприз, вмиг разрушивший все планы. На нижней ступеньке лежала огромная обезглавленная рыбина, а перед ней развалился довольный, чисто вылизанный Кыш. Похоже, ему удалось найти рыбное местечко.

Пришлось разворачиваться и идти на кухню — тащить рыбину в руках, особенно в светлом платье, далеко не самый разумный поступок.

Мимо столовой я прошла, даже не приостановившись, незачем там сидеть лорду дознавателю. Насколько мне известно, люди они очень занятые и время на пустяки не тратят. И это только лишний раз подтверждает мои подозрения, что в этих местах у магистра имеется какое-то очень важное дело.

Потому-то и на кухню, где хранилось в уголке несколько корзин, я шагнула так же уверенно, распахнув дверь одним рывком. Но тут же резко замерла, словно меня окатили ведром ледяной воды.

Кухня была не моя.

Свою я еще в первый день после возвращения отмыла от пыли, обмела законченные потолки и даже столы поскоблила ножом. Но до идеальной чистоты ей было очень далеко. А теперь она стала именно такой, в какую без тени смущения пустит гостей любая хорошая хозяйка. Столы, полки и скамьи выскоблены до желтизны, мягко поблескивают натертые воском дверцы буфета, чуть шевелятся на приоткрытом окне крахмальные полотняные занавески, вышитые белым шелком, сияют начищенной медью незнакомые кастрюли.

И посреди всего этого хрустящего кухонного великолепия, растерянно на меня уставившись,

стоит немолодая женщина в фартуке и поварской косынке и с ножом в руке.

«Вот, значит, как!» — вспыхнула в душе неожиданная обида. Стало быть, не пристало лорду дознавателю вкушать суп, приготовленный мной в недостаточно блестящем котелке, и именно поэтому он поспешил предложить мне слуг. Ну так я и не против, но больше за один стол с ним никогда не сяду. За десять лет успела просто возненавидеть лощеных снобов, не гнушающихся пить чай Луизьены и пользоваться ее услугами, но никогда после не решившихся пригласить тетушку на обед. Даже не догадываясь, что в таком случае вовсе не они окажут ей честь.

Гордо выпрямившись, я развернулась, чтобы уйти, и уперлась в морду заглядывающего в кухню Кыша. Визирал он с очень нехорошей заинтересованностью, видимо, понравилось расправляться с врагами.

— Фу, — выдохнула я нехотя, слегка обернулась к онемевшей кухарке и сухо сообщила: — На парадном крыльце свежая рыба, да корзину прихватите.

Снова отвернулась и решительно направилась к черному выходу, потянув за собой зверя. С каждым часом я все сильнее подозревала, как опасно вскоре будет ходить моему питомцу во дворе и по саду. Вряд ли магистр не защитил своих слуг мощными амулетами. Ну и «друзей рыбаков», как мне теперь кажется, далеко не навсегда покинувших мои владения.

Через двор я шла стремительно, почти бегом, подгоняемая бушующим в душе возмущением. Но, едва миновав донжон, вдруг припомнила про лошадей и, сбавив на миг шаг, оглянулась. Возле колодца уже не было ни повозки, ни животных, и это вызвало невольный смешок. Слишком уж рьяно спешил исполнить мои желания, даже невысказанные, лорд дознаватель, словно это были приказы самого императора или по крайней мере принцессы Онгильены.

Наверняка многие девушки приняли бы такую услужливость за выражение внимания или даже ухаживания, но не я. Самый распространенный вопрос, с каким обращались приезжавшие к Луизьене господа в низко надвинутых на лоб темных шляпах с широкими полями, звучал примерно одинаково: «Как добиться расположения госпожи Н. или мисс Л.?» Однако после осторожных расспросов тетушки обычно выяснялось: только семеро из сотни намеревались после достижения цели предложить вожделенной прелестнице свое имя и титул. Причем большинство из этой семерки благородных господ изначально желали покорить либо принцессу, либо богатую наследницу или вдовушку.

И я была бы последней наивной простушкой, если бы не сделала из этого факта надлежащих выводов и не возвела их в ранг собственного жизненного девиза.

До первых, невероятно запущенных, наполовину высохших ягодных кустов, определявших для меня границу сада, я шла уже медленней, пытаюсь сообразить, где мне поселить кухарку. Маленькие комнатки, предназначенные для этого строителем Глоэна, вызывали у меня почти отвращение, а на спальни второго этажа, боюсь, уже положил глаз лорд дознаватель. И хотя я не намерена была сдаваться без боя, но не могла не понимать, насколько неравны наши силы.

Ведь едва я успела спросить, во что мне обойдутся вышколенные слуги, как он тотчас, не торгуясь, привел кухарку, и это нужно расценивать как полное согласие со всеми моими требованиями.

И теперь меня все сильнее грызло любопытство: насколько необыкновенными достоинствами должен обладать мой скромный, затерянный в глуши болот дом, чтобы заваленный делами и поручениями лорд старший дознаватель закручивал вокруг меня такие сложные интриги и бросался выполнять мои желания?

Ну ведь не ради же койки в небольшой спальне и тарелки рыбного супа! Да за такое обычный наемник не стал бы даже дрова рубить, предпочтя оплатить медной монеткой!

Огромная куча травы, возникшая прямо посреди тропинки, едва я обогнула бывший малинник, заставила меня на миг замереть, а затем осторожно отступить к следовавшему по пятам Кышу. И снова обозлиться на обнаглевшего магистра, распоряжающегося в моем маленьком имении, как в собственном доме. Вот откуда в моем саду эти кучи и что стало с обнаруженными мной целебными травами?

— Н-но, — прикрикнул уверенным баритоном кто-то невидимый, и из-за кучи травы показалась лошадиная морда.

А потом над ней мелькнули блестящие зубья вил, и огромная охапка травы, взмыв вверх, перенеслась, как мне казалось, прямо на голову животному. Еще пара таких же движений, и мне стало видно стоящего за стожком мужчину в простой одежде, подходящей конюхам и садовникам.

Он меня тоже рассмотрел, но не остановился, пока не собрал всю траву. И лишь когда загрузил ее на телегу и приткнул сбоку вилы, снял шляпу и замер передо мной с самым покорным видом.

— Кто вы такой? — осведомилась я, припоминая, что слуги не имеют права заговаривать с хозяевами первыми.

— Петерс, — вежливо склоняя голову, сообщил он, — слуга вашей светлости. Лошадки, рыбалка, сад и вся прочая мужская работа на мне, а моя жена Линта будет убирать и готовить.

— Кто вас нанял и когда? — помолчав, осведомилась я, хотя уже понимала, что правду он мне никогда не скажет, даже если сам ее знает.

— Посредник в Саркане, — уверенно сообщил Петерс. — Еще утром все получили, и договор, и подъемные, и амулет переноса.

— Я леди Вельена Глоэн, — пришлось представиться мне, едва услышав это название.

Именно там, в маленьком городке Саркан, затерянном в восточных предгорьях Великих Сиреневых гор, находилась цитадель магов, и никто посторонний не мог поселиться в городке без разрешения ее правителей. Да и гостей в Саркане не особенно жаловали, а для тех, кто изредка приезжал с просьбами или делами, по слухам, были построены постоянные дворы и гостиницы за городской стеной.

И теперь стало совершенно ясно, как мало зависел этот поворот моей жизни от меня самой, ну разве что супом я могла бы лорда Танрода и не кормить.

— Там есть полянки с целебными травами, — сухо сообщила я Петерсу. — Мне бы не хотелось, чтобы они исчезли.

Развернулась и побрела к земляничнику, уговаривая себя не переживать из-за таких мелочей, не стоят все интриги наглого магистра моих слез. Да и плакать пока не о чем... если, разумеется, отбросить стойкое ощущение, что меня нагло обокрали.

Гуляла я долго. Наелась земляники, нашла первые спелые малинки и набрала полную шляпу падалицы. Под огромными яблонями лежала густая тень и было почти прохладно, поэтому про

всякий загар я забыла. Когда решила вернуться домой, старательно выбирала путь по самым тенистым полянкам.

Солнце настигло меня, стоило выйти из сада, и я поспешила к дому, старательно отворачивая лицо от пронзительных лучей.

Кыш, выпавшийся в кустах полюбившейся ему смородины, бежал следом, и если бы он не зарычал, я определенно столкнулась бы с мужчиной, неизбежно, как скала, стоящим перед черным крыльцом.

— Добрый день, леди Глоэн, — вежливо произнес он, с откровенной насмешкой изучая мое озадаченное лицо. — Разрешите представиться — лорд Варт, друг лорда Хаглена.

И он не солгал, девичье имя матери лорда, маркизы Теолины Сангирт, было Теолина Варт, и ее сын имел на него полное право.

— Фу, — оглянувшись на Кыша, пренебрежительно бросила я и прошла мимо лорда на крыльцо, начиная подозревать, что уже завтра у меня не останется ни единой свободной спальни.

И значит, зря я поила лукавого магистра дорогим зельем, напрасно переплывала озера, спала в гамаке и жарила на камнях рыбу. Все равно мне навязали незваных квартирантов, только заплатили намного меньше, чем обещали сначала. И это было бы очень обидно, если бы не грело душу воспоминание о подаренном судьбой и спрятанном в простом вязаном браслете артефакте.

Лорд Танрод встретился мне в коридоре — выходил из ближайшей к лестнице спальни, и выражение лица у него было озабоченное и деловое. Разглядев мою небрежную, холодную усмешку, магистр нахмурился, и в его взгляде мелькнула почти неприкрытая досада. Кыш, так и бредущий следом, зашипел, как змея, и мне пришлось оглянуться и нехотя выдать:

— Фу.

— Вы спали, леди Глоэн, — мягко произнес Хаглен, — а у меня произошли непредвиденные перемены в планах. Поэтому я взял на себя смелость пригласить лорда Варта, мне нужна его помощь.

— В рыбной ловле, — догадливо улыбнулась я, полюбовалась на его скривившееся лицо и сухо добавила: — Но я никогда не сплю днем. И учтите, овсянкой в моем доме не кормят.

И направилась дальше в сопровождении ставшего очень бдительным Кыша.

— А лошадей в вашем доме кормят в столовой или гостиной? — ехидно буркнул Хаглен вслед, надеясь, что я пропущу эту подколку мимо ушей.

— Он не лошадь, — холодно отчеканила я, остановившись и снова поворачиваясь к магу лицом. — Он самый верный и преданный друг, и надеюсь, у ваших приятелей хватит благоразумия не причинять ему вреда.

— Иначе? — живо заинтересовался маг.

— Иначе вам придется меня убить. — Ярость, прозвучавшая в моем голосе, потрясла даже

меня саму.

Поразился и магистр, даже рот приоткрыл и тотчас сжал в узкую полоску.

— Думаю, этого не потребуется. Вы познакомились со слугами? Надеюсь, они вам подходят? — Передо мной снова был спокойный и уверенный в себе дознаватель.

— Мне все равно, — равнодушно бросила я. — Ведь они же за вами будут ухаживать.

И прошла в свою гостиную, оставив дверь распахнутой. Кыш скользнул следом, выбрал свободный уголок между дверью и камином, покрутился на голом полу, укоризненно посматривая на меня.

— Подожди, сейчас принесу постель, — хмуро пообещала я, только сейчас сообразив, что он не доверяет появившимся в доме людям.

Когда я наконец втащила наверх кое-как свернутую погромыживающую шкуру, дознаватель снова стоял в коридоре и наблюдал за мной с непонятым любопытством. Но когда я проволочка свою ношу мимо него, вдруг учтиво произнес:

— Леди Глоэн, можно вопрос?

— Можете звать меня мисс Вельена, — разрешила я, не останавливаясь, шкура так и норовила развернуться.

— Зачем вам эта рухлядь?

— Это для вас рухлядь, а для моего друга — постель, — поджала я губы.

— Можно я сделаю ему валяный коврик? — почему-то вдруг стал очень любезным магистр.

— И напихаете в него каких-нибудь заклинаний, — рассмешило меня его предложение.

— Нет, клянусь. Просто эту шкуру лучше сжечь, в ней могут быть блохи.

— Не могут, — не поверилось мне. — Им там есть нечего.

Шкура все-таки вырвалась у меня из рук, развернулась и, громыхнув, упала на пол.

— Подождите, — удержал меня за локоть маг, прошептал что-то непонятное, и шкура превратилась в толстую мягкую кошму с изящным орнаментом по краям. — Куда? — подхватив ее, направился к моим комнатам дознаватель, и я снова не удержалась от смешка.

Если бы я так вела себя, когда выслеживала неверных мужей или доставала нужные Луизьене сведения, нам с ней не удалось бы заработать и пятой части наших гонораров.

— В этот угол. — Указав на выбранное Кышем место, я шагнула к сидевшему у стола зверю и почесала за ухом: — Иди ложись.

Он лизнул мне руку и скользнул на новую постилку мимо мага, не обратив на того никакого внимания. Понюхал кошму, потоптался и наконец лег, свернувшись, как кот.

— Полуург, — задумчиво постановил дознаватель и пытливо глянул на меня: — Откуда он у вас?

— Лорд Хаглен, — светски улыбнулась я, — в ответ на ваш вопрос мне хочется узнать — вы поселись в этом доме, так как подозреваете меня в ограблении Саркана или заговоре против императора?

Некоторое время он смотрел изучающе, потом разочарованно хмыкнул:

— Извините, мисс Вельена. Позвольте в компенсацию за бестактность немного освежить ваши комнаты?

— Если хотите. Мы даже можем выйти, — пожала я плечами и задумчиво осведомилась: — Хотя мне непонятно, ради чего вы тут так напылили?

— Надеялся, что не придется гоняться за вами по озерам, — усмехнулся он и ехидно добавил: — А выходить не нужно, а то начнете подозревать меня в проверке ваших сундуков.

— Поздно. — Мне снова стало смешно. — После того как мои вещи три дня лежали тут в вашем полном распоряжении, я никогда не поверю, будто их не проверяли. Да и не гонялись вы за нами, просто пометили и спокойно делали свои дела.

— Ну если вы считаете меня таким черствым, то почему не сбежали, пока жили тут в одиночестве? — огрызнулся он, продолжая водить руками и изредка бросать почти неслышные команды.

— Надоело бегать, — улыбнулась ему лучезарно, как заядлая поклонница светских обедов и приемов. — Да и некуда мне бежать. Другого дома у меня нет.

— Вы можете написать прошение.

— Чтобы мачеха с дядей вываляли меня в грязи с ног до головы? — засмеялась я уже откровенно. — Ну уж нет. Я и так знаю, на какие гнусности готовы пойти подлые люди, лишь бы не расставаться с чужим добром.

— Меня вы тоже относите к таким? — помрачнел Хаглен.

— А вот о вас я думаю меньше всего, — сухо огрызнулась, в душе ругая себя за болтливость.

Снова до меня дошло слишком поздно, куда он вел разговор.

— Готово, — так же сухо сообщил магистр и сбежал, не дожидаясь моей благодарности.

Впрочем, я не особенно и расстроилась, начиная подозревать, что сейчас он просто возвращает моим покоям тот вид, какой был тут перед моим приездом.

ГЛАВА 10

После ухода магистра я прошлась по комнатам, отмечая, насколько светлее стало в моем жилище. Затертая ситцевая обивка оказалась новехонькой и шелковой, как и занавеси, мебель тоже перестала казаться старинной. Но никаких новых вещей не прибавилось, и значит, их просто не было.

Изучив свои комнаты, я решила пройтись по свободным пока спальням и убедилась, что и в них стало так же уютно и свежо. А кроме того, там появились отгороженные от комнат умывальни, хотя и крохотные, но очень удобные. И теперь я могла сделать уверенный вывод — вовсе не жил он тут ни одного дня, прежний собственник Глоэна. Чувствуется, несмотря на чистоту, что

все эти новшества и ремонт сделаны вовсе не этой весной и даже не в прошлом году. Поэтому ничего и не знал об этом посредник, иначе мне никогда не хватило бы денег на покупку замка.

И как мне теперь становится все понятнее, вовсе не я должна была купить это имение, просто случайно опередила очередного подставного владельца.

Но теперь, когда уже немного пожила тут так спокойно, как мечтала, рассмотрела запущенный сад, причал и невероятно красивый вид, открывающийся с караульной башни, никому не удастся заставить меня продать или уступить свой замок.

Я вернулась в собственную гостиную, села в кресло и задумалась над сложным вопросом, как добиться того, чтобы магистр и его друзья перестали видеть во мне помеху и прекратили изобретать планы моего выживания?

Судя по всему, лорд Хаглен хотя и интриган, но не подл и не жесток, и с ним, как мне кажется, будет довольно несложно если не подружиться, то хотя бы не враждовать. Не нужно лишь вступать в душевные беседы, мастерство дознавателя выводить разговор на интересующую его тему достойно всяческих похвал.

Сложнее обстояли дела с маркизом.

Луизьена всегда повторяла, что большинство мужчин бывают добрыми и милыми только до тех пор, пока их гладишь по шерстке. И тут же добавляла, что многие женщины с ними в этом схожи.

Вот только дело в том, что Кэрдон Сангирт, или, как он скромно представился, лорд Варт, никогда не был таким, как все. Вернее, он относился к тому редкому типу мужчин, которые бегали не за дамами, а от них. И притом никто не мог бы обвинить его в сердцедастве, хотя вряд ли кто-либо разбил больше сердец, чем маркиз, причем даже не ведая об этом.

Девушки находили в этом ехидном жестковатом мужчине какие-то несуществующие достоинства и провожали его преданными взглядами опоенных валерьянкой кошек, а он видел в них только назойливых существ, портящих ему жизнь.

Прежде маркиз был довольно удачно женат, но года три назад произошла трагедия. Одна из влюбленных дурочек сумела увести на балкон его жену и убила, сбросив на камни. Почему она считала, что маркиз полюбит ее за это, мне до сих пор непонятно, но Кэрдон с тех пор стал еще язвительнее и холоднее. И почему-то еще притягательнее для сентиментальных девиц, каждая из которых считала себя самой подходящей на роль его утешительницы, а потом и невесты.

А он по-прежнему не обращал на них никакого внимания, занятый тайными поручениями императора и какими-то, никому не понятными интригами. Вот и здесь сидел упорно, как пчела на вазочке с вареньем, хотя имел три довольно крупных имения. Одно из них располагалось на берегу Южного моря, всего в полудне пути от Тагервелла, и лорд вполне мог ловить серебристых форелей с борта собственной шхуны, вместо того чтобы ждать поклевки на моем причале.

И теперь я осознавала совершенно отчетливо одно обстоятельство: маркиз вмиг запишет меня в ярые враги, если я просто попытаюсь с ним учтиво заговорить или хоть чем-либо напомню его назойливых расфуфыренных обожательниц.

Следовательно, придется некоторое время изображать ничем не примечательную, почти невидимую серую мышку. Возможно, кому другому такая задача покажется неосуществимой, я же буду считать это всего лишь очередным заданием, причем неплохо оплаченным.

Первую выгоду от принятого решения я обнаружила очень скоро, как только возник вопрос, в чем идти на ужин. Вернее, вначале появилась Линта. Аккуратно постучала в дверь, а получив разрешение, вошла, скромно склонив голову и пряча под фартуком руки.

— Леди Глоэн, ужин готов. Когда прикажете подавать?

— Спросите у лорда Хаглена, — невозмутимо ответила я. — Потом передадите мне его ответ. И еще, Линта, постарайтесь запомнить: утром можно готовить все, что ни пожелают гости, кроме овсянки. Эта каша в моем доме категорически запрещена. Лично я утром пью чай с лепешками или любой сдобой.

— Я поняла, — кивнула она и исчезла.

А через минуту появилась и сообщила, что лорд приказал подавать на стол, гости придут ужинать через четверть часа.

Уходя, Линта скользнула взглядом по моему простенькому платью, и в ее глазах мелькнуло то ли сочувствие, то ли любопытство, выяснять я не стала.

Дознаватель решил устроить мне испытание, пока даже не догадываясь, что оно меня ни грана не встревожило. Разумеется, мне отлично известно, с какой скоростью должна бегать знатная дама, чтобы за пятнадцать минут выглядеть так, как предписано негласными правилами высшего света. И все равно она в них не уложится и примчится в столовую самой последней, застегивая на ходу пуговицы или завязывая пояс.

Но я ведь решила стать почти невидимкой?

Несколько взмахов пуховкой, неяркая помада на губы, туго стянутые шнурком волосы, а сверху — накладной шиньон. Из своих волос такие прически у меня пока не получаются. Легкий и широкий, как накидка, шарф на плечи и капля духов за ушко. Вот и вся подготовка.

— Кыш, идем гулять, — позвала я, выпустила обрадовавшегося зверя на крыльцо и отправилась в столовую.

И успела как раз вовремя: никого, кроме Линты, тут пока не было. Я оглядела ставшую очень уютной комнату, белоснежную скатерть на столе и одинаковые новые стулья. А потом посчитала приборы и похвалила себя за догадливость — кухарка накрывала на четверых. Причем ставила приборы по два с каждой стороны длинного стола. И вот это меня не устраивало ни в коей мере. Сидеть рядом с кем-то из нахальных гостей и есть все, что он сочтет нужным складывать на мою тарелку, я не собиралась.

Поэтому молча прошла к торцу стола и окликнула кухарку, хотя вполне могла бы и сама передвинуть стул и посуду:

— Линта! Пожалуйста, поставь мне стул вот здесь. И запомни — это мое место, и никому другому садиться сюда не позволено.

Усаживаясь на принесенный стул, я поблагодарила служанку коротким кивком головы. Внимательно следя, как Линта, пряча огорченный взгляд, ловко переставляет посуду, начала

догадываться, что женщина получила совершенно другой приказ. Следовательно, ни в чем она не виновна, так как искренне считает истинным хозяином этого имения лорда Хаглена или кого-то еще, а саму меня — кем-то вроде ширмы.

Гости появились за пару минут до назначенного времени, Линта только успела положить мне кусок жаркого и пододвинуть соусник. От густого супа с копченой гусятиной я отказалась, еще раз мысленно похвалив себя за правильное решение. Сев рядом с гостями, я непременно получила бы полную поварешку, а то и две этого весьма острого и жирного варева.

— Но я сразу предупреждаю... — зло процедил, входя последним, лорд Варт и на миг замер, услышав учтивое пожелание магистра:

— Приятного аппетита, мисс Вельена!

— Спасибо, — невозмутимо отозвалась я и коротко улыбнулась примолкшим мужчинам. — Прощу к столу.

— Благодарю, — хмуро блеснул глазами дознаватель и, шагнув в сторону, представил мне нового гостя: — Лорд Ултон.

— Леди Глоэн, — равнодушно кивнула я молодому мужчине, которого хорошо знала как графа Лювена Мерелто.

Больше я на них внимания не обращала, спокойно резала и жевала свое жаркое, запивая горячим ромашковым чаем. Затем выбрала румяный кусок пирога с яблоками и наконец решительно поднялась из-за стола.

— Позвольте мне вас покинуть, господа, и спокойной вам ночи, — произнесла я и ушла из столовой.

Не очень любезно и совсем не по этикету. Но ведь я им его и не обещала?

Зато собиралась позаботиться о Кыше и потому направилась напрямиком в кухню. Тут тоже ужинали. Супруги сидели за приставленным к окну столом и неторопливо черпали из мисок суп.

Заметив меня, Линта поспешила подняться, но я ее остановила:

— Ешьте спокойно. Я лишь хотела сказать, что рано не встаю и будить меня не нужно. Вернее, запрещается. Еще о моем звере. Он ест все, но очень любит грызть кости, поэтому складывайте объедки в бадью или просто возле крыльца. Спокойной ночи.

— Простите... леди Глоэн, — поднялся из-за стола Петерс, — а где он спит?

— Пока к вам не привык, будет спать в моей гостиной, — коротко объяснила я, не веря, будто Линта могла не заметить такую внушительную кучу черного меха, — а потом устрою в прихожей.

— А гулять? — недоуменно свел брови мужчина.

— Выпускаю рано утром... и не бойтесь, первым он никогда не нападает. — Я посмотрела на задумчиво примолкших слуг и поспешила сбежать.

Мимо столовой брела неспешно, пытаюсь решить неразрешимую на первый взгляд задачу: как

на рассвете выпускать Кыша погулять, но самой не вставать слишком рано. Однако, как ни крути, получалось одно: если я не хочу вылезать спозаранку из постели и одеваться, как принято, когда в доме живут посторонние, то придется кому-то доверить зверя. А вот этого мне не хотелось просто до тошноты.

— ...буду только счастлив! До зубовного скрипа жаль попусту тратить энергию. Но если ты ошибаешься... — сердитым голосом рычал за неплотно прикрытой дверью маркиз, и я невольно прибавила шаг.

— Не беспокойся, — донесся мне вслед усталый смешок магистра. — В случае чего мы тебя прикроем.

Кыш предсказуемо сидел на крыльце мокрый и довольный, и я искренне порадовалась, что нигде не вижу рыбы. Как выяснилось, рано веселилась — рыба лежала в оставленной кем-то огромной корзинке, я об нее едва не споткнулась.

Целую минуту я стояла, глядя на темнеющее небо и почесывая за ухом счастливо мурчавшего Кыша, и пыталась придумать, как пройти на кухню мимо столовой и не попасться на глаза гостям. Ведь никогда не поверят, что я брожу под дверьми не ради того, чтобы подслушать их тайны. И ничего не докажешь, все судят других по себе. Да и доказывать свою невиновность я просто ненавижу.

Пришлось спускаться с крыльца и в сопровождении Кыша брести к черному входу. Тащить в зубах корзину мой питомец не пожелал, поэтому шли мы налегке.

Я едва достучалась до куда-то пропавших слуг, и когда наконец дверь распахнулась и возникла освещенная со спины мужская фигура, сухо буркнула, чтобы забрали с парадного крыльца рыбу. Слуга молчал, видимо, от растерянности, а я не стала ждать ответа, развернулась и отправилась назад.

Корзина так и стояла на крыльце, когда мы до него добрались, и я оставила дверь распахнутой. Да и зачем ее запирать, когда дом полон умеющих отлично обращаться с оружием мужчин и среди них сильный маг.

Оставаться в прихожей Кыш снова не пожелал, и пришлось взять его с собой. Пока мы поднимались по лестнице, мне пришла в голову требовавшая срочной проверки мысль. Окно моей гостиной выходило как раз на парадное крыльцо, и теперь оставалось испытать, пролезет ли Кыш в открытую створку. О том, как он взберется по стене, сложенной из грубо отесанных камней, я не беспокоилась, при желании полуург смог бы влезть и на башню.

Распахнув створки во всю ширь, я убедилась в правильности своих предположений. Кышу не составит особого труда проскользнуть в это окно. Несколько раз повторив питомцу слово «гулять», похлопывая по подоконнику, отодвинула в сторону кресло, заперла дверь на засов и, чувствуя себя гордой тем, что решила такую сложную задачку, отправилась в спальню. Пока на улице стоит хорошая погода, этот способ будет меня выручать, ну а по дождю Кыш, как все кошки, и сам гулять не любит и ходит лишь, если сильно приспичит.

ГЛАВА 11

Когда я проснулась, утро заливало комнату потоками солнечного света, в кустах у крыльца трещали какие-то птички, а ветерок, шевеливший на окне занавески, принес запах жареной рыбы.

Кыша в гостиной не было. Подойдя к окну, я убедилась, что все он понял правильно, — на подоконнике виднелось несколько черных волосков.

Неторопливо умывшись, одевшись и прихватив шляпку, я отправилась вниз, надеясь, что приду завтракать последней и никого из гостей уже не будет.

Однако ошиблась, в столовой сидел за столом маркиз Сангирт и неторопливо поглощал омлет.

— Доброе утро, лорд Варт, — произнесла я как можно прохладнее, налила себе чашку чая и неторопливо прошла к облюбованному с вечера месту.

Дверь хлопнула, когда я ставила на стол чай. Усаживаясь на свой стул, я озадаченно рассматривала опустевшую столовую, недоеденный омлет лорда и начинала подозревать, что нервы у него определенно не в порядке. Разумеется, я ему от всей души сочувствовала, трудно пережить такую страшную трагедию и остаться спокойным. Но не могла понять его друзей и родственников, неужели они не замечают странностей в поведении маркиза?

Минут пятнадцать я спокойно пила чай с пышными оладьями и медом и уже почти наелась, как дверь распахнулась и на пороге возник магистр Хаглен. Выглядел он весьма странно, прямо на рубашку и темные штаны было натянуто полупрозрачное голубое женское платье самого модного фасона. За его спиной стоял лорд Варт, и оба они смотрели очень подозрительно, видимо, ждали моего замечания.

— Доброе утро, лорд дознаватель, — кротко произнесла я, тяжело вздохнула и несчастно осведомилась: — Вы, наверное, прямо из засады? Чаю хотите? Еще горячий.

Он почему-то очень удивился, даже рот приоткрыл, потом закрыл, снова открыл, но ничего так и не сказал, только как-то странно закашлялся, как будто подавился.

Я тоже молчала, делая вид, будто не замечаю ни его вытаращенных глаз, ни ехидной ухмылки маркиза.

— Леди Глоэн, — наконец прорезался у мага голос, и, сделав рукой какой-то странный жест, он направился к столу.

Голубое платье словно растаяло, и я облегченно выдохнула. Нелегко сохранять невозмутимое выражение, разговаривая с мужчиной, одетым подобным образом, хотя, насколько я понимаю, это был какой-то магический фокус.

— Да? — подняла я на мага кроткий взгляд. — Приказать кухарке согреть чай?

— Не нужно. Будьте любезны, ответьте мне на один вопрос... Вы имеете какие-нибудь способности к магии?

— А разве вы сами не можете это определить? — изумилась я. — Как говорят, вам достаточно взглянуть.

— Нет, не достаточно, — хмуро буркнул он, шлепаясь на стул. — Так я жду ответа.

— У меня никогда не было никаких способностей, — бросила я на магистра укоризненный взгляд. — Иначе в монастыре непременно бы заметили.

О том, что Луизьена водила меня проверять к императорскому целителю, я, разумеется,

смолчала. Всем, кто имеет хоть малейшие способности, настрого запрещено работать в салонах и конторах наподобие «Женских тайн».

— А какие вы носите амулеты? — прищурился Хаглен.

— Лорд старший дознаватель! — возмутилась я, вскакивая с места. — Вы забываетесь! Это вы влезли в мой дом, притащили друзей и слуг и пытаетесь плести тут какие-то подозрительные интриги! Но я же не устраиваю вам допросов по три раза на дню!

— А почему вы называете меня старшим дознавателем? — Голос магистра вдруг стал прямо-таки липким от сладости, но меня уже захлестнула волна возмущения.

— Лорд Хаглен! — рявкнула оскорбленно. — Хотя я и воспитывалась в монастыре, но звезды старших магистров все же видела! А у вас именно такая, с двенадцатью лучами, а не с шестью, как у младших дознавателей, висела вчера утром на пузе, когда вы выскочили из-за угла спасать своих комедиантов! Я хорошо рассмотрела, она ведь с мою ладонь!

— Не могли вы ее видеть, — сердито огрызнулся магистр и тут же уставился на меня въедливым взглядом: — А о каких комедиантах идет речь?

— О тех, которые изображали здесь торговцев! И не делайте такое удивленное лицо, оттого вы и знали заранее, как они себя поведут! Я только потом поняла, как ловко все было подстроено! Сначала вы меня якобы спасаете, а потом я в благодарность пускаю вас пожить. Но вот о том, что я могла испугаться по-настоящему и остаться зайкой или припадочной, вы ведь не обеспокоились? Разумеется, какое вам дело до бедной монашки!

— Леди Глоэн! — Вот теперь и он поднялся со стула, выпрямился во весь рост и смотрел на меня сверху, прожигая темным взором, в котором посверкивали молнии ярости. — Какое вы имеете право так обо мне думать?

— Как заслужили, так и думаю! — ответила я не менее гневным взглядом. — Вы все время забываете, что это мне ровно ничего от вас не нужно! Ни ваших труб, ни занавесок! И именно я все время терплю ваши оскорбления и нападки! Вы умышленно привязали к дверям те кастрюли, чтобы я испугалась и сбежала! И намеренно якобы уснули от моего зелья, хотя с вашими амулетами вам наверняка и яд не страшен! А потом, как дикие вепри, гонялись за мной вместе с этим лордом Вартом! И нападение разыграли, и все остальное, лишь бы выжить меня из моего дома!

— Да не должны были вам его продавать! — рявкнул он свирепо.

— Не волнуйтесь, это я уже поняла, — горько усмехнувшись, презрительно бросила ему в лицо. — И никогда бы сюда не приехала, если бы догадалась раньше, как обстоят дела. Но теперь не уеду, и не надейтесь! Мне тут нравится! Кыш!

Дверь распахнулась, и мой мохнатый друг, уже давший знать о своем присутствии тонким поскуливанием, ворвался в комнату. Стремительно скользнул ко мне, замер рядом, оглядывая стоящих напротив мужчин и беззвучно скаля вовсе не лошадиные зубы.

С огорчением осознавая, как глупо нарушила все собственные планы быть тихой и незаметной, я молча прошла мимо лордов к двери и уже шагнула в коридор, когда меня догнал голос лорда Варта:

— Леди Вельена, можно я задам вам один вопрос?

Я подавила тяжелый вздох, и нехотя повернулась:

— Какой?

— Когда вы меня узнали?

— Возле заброшенной хижины, — хмуро буркнула я, не желая слишком учтиво разговаривать с этим чрезмерно подозрительным лордом.

— А почему ничего не сказали, когда я назвался Вартом?

— Ну это же имя вашей матери, и вы имеете на него полное право, — пояснила ему, пренебрежительно дернув плечом, и двинулась дальше.

Больше они меня не останавливали, и мы с Кышем отправились в сад, заедать земляничкой горечь несправедливых обвинений.

Там меня и нашел Петерс, посланный женой сообщить, что обед готов.

К этому моменту я полулежала на кучке накошенной травы, осоловевшая от солнца и земляники, и не хотела никакого обеда, но слуге этого говорить, разумеется, не стала. Поднялась с помощью предупредительно поданной руки, отряхнула подол и вдруг вспомнила, какой вопрос хотела ему задать:

— Скажите, Петерс, а вы не видели в тех сараюшках каких-нибудь досок?

— Если леди соизволит подсказать, зачем ей нужны эти доски... — осторожно намекнул он.

— Можете звать меня мисс Вельена, — задумчиво глядя в добродушное лицо с хитроватым взглядом карих глаз, разрешила я. — А доски — на скамейку. Знаете, бывают такие, широкие и со спинкой? Тут очень приятно гулять, но абсолютно негде присесть.

— Мне кажется, я видел в каретном сарае садовые стулья и столы, может, лучше их помыть? И где вы хотели бы сидеть?

— Вон там, под березой, и под теми яблонями. А если мебели хватит, можно поставить возле малинника, там поблизости растет какое-то деревце.

— Вишня, — подсказал Петерс и кротко напомнил о цели своего прихода: — Так что мне передать Линте?

— Пусть лорды обедают, когда пожелают, я буду есть в своих комнатах примерно через час, — решила я.

С минуту понаблюдала за уходящим слугой, гадая, сколько же лет он здесь служит, раз так хорошо знает, где и что стоит, и неторопливо пошла следом. Кыш, дремавший под густым кустом бузины, немедленно вылез оттуда, отряхнулся и, потянувшись, как кошка, побрел следом.

Почти дойдя до малинника, я нечаянно оступилась, попав ногой в чью-то незаметную в траве нору. Само собой, событие обыденное, и все быстро проходит, если туго перевязать щиколотку и пару дней не перетруждать. Однако у меня не было с собой ничего, кроме маленького платочка, абсолютно не подходящего для этой цели. Пришлось ехать на Кыше.

Зверь послушно прилег, чтобы я могла сесть на него боком, затем мягко поднялся и заскользил так плавно, как не может ни одна лошадь. Еще издали я заметила стоящих у черного входа мужчин и поспешила свернуть налево, намереваясь обогнуть дом со стороны конюшен и сараев. Тем более что мне давно хотелось рассмотреть донжон.

Самая большая башня моих владений была круглой и внушительной, как Тагервеллская тюрьма, только оконца чуть больше. Да крыша похуже, хотя вблизи разрушения стали почти незаметными. А вот дверь, к которой вело узкое каменное крыльцо, прилепленное в самом углу между стенами дома и башни, оказалась такой же крепкой, как замковые ворота.

И хотя мне очень хотелось прямо сейчас подняться на крылечко и попытаться открыть эту дверь, при воспоминании о большой щиколотке от этой идеи пришлось отказаться.

Объехав вокруг дома и полюбовавшись на сложенные неподалеку от хозяйственных построек небольшие стожки, я добралась до крыльца и обнаружила, что двери распахнуты настежь. Это, да еще нежелание ковылять по лестнице под изучающими взглядами лордов, подтолкнуло меня к небольшому эксперименту. Кыш не раз вносил меня на довольно крутые холмы, но вот ездить на нем по лестнице пока не приходилось. Ну так все бывает впервые, а сейчас как раз подходящий случай.

— Кыш, неси на место, — шепнула я, крепче вцепляясь в мохнатую гриву, и мы поехали.

Вернее, ехала я, но Кыш ничуть не считал себя обиженным. Урги намного сильнее тягловых быков, хотя почти в половину мельче. А мой мохнатый друг, хотя не может сравниться статью с рослыми жеребцами имперских гвардейцев и невысок, как самая неказистая из степных лошадок, намного превосходит их силой, ловкостью и стремительностью.

Полуург почти скользил по ступеням и вмиг доставил меня на второй этаж. До дверей моих комнат оставалось несколько шагов, и я уже почти поверила, что доберусь до кресла без свидетелей, как на пороге соседней спальни возникла крепкая фигура лорда дознавателя.

Он смотрел, как я еду к своей двери, холодным взглядом прищуренных глаз, и тонкие губы кривила малопонятная ухмылка. Однако мне сейчас было вовсе не до него, я как раз пыталась сообразить, как открыть дверь. Но ничего не получалось, и если развернуть Кыша боком я еще сумела бы, то дотянуться до замочной скважины могла, лишь изогнувшись самым немыслимым образом. Ну, значит, придется добираться на собственных ногах.

— Кыш, ложись!

Послушный зверь тотчас прилег, и я, сделав несколько осторожных шагов, ухватилась за дверную ручку и поспешно отперла замок. И сразу же, оставив незакрытую дверь под охраной Кыша, поковыляла к шкафу, где утром нашла стопку льняных салфеток.

— Что у вас с ногой? — раздался от двери голос магистра, обретший прокурорскую холодность.

— Ничего страшного, — как можно легкомысленнее отмахнулась я. — Сейчас завяжу, и все пройдет. У меня так уже было.

— Покажите.

— Лорд Хаглен! — возмутилась я, обнаружив спокойно вошедшего в мою гостиную мага. — Я никогда не лгу! Раз говорю, что пустяк, значит, так и есть!

— И с пустяком вы ехали по лестнице? — желчно усмехнулся он.

— Просто не хотела разбередить, пока не сделала тугую повязку, пояснила, усаживаясь на стул. — В саду у меня не нашлось подходящей тряпицы. Идите обедать, я справлюсь сама.

— Откуда только берутся такие самостоятельные леди? — и не подумав отступить, едко фыркнул он. Наоборот, сбросил темный камзол из плотного шелка, закатал рукава рубашки и, подвинув ко мне еще один стул, властно осведомился: — Какая нога?

— Правая, — тяжело вздохнула я и сдалась. Но, приподнимая ногу, чтобы положить на стул, сухо добавила: — А такие леди обычно в пятнадцать лет сбегают из дома, чтобы не оказаться замужем за толстым лордом более чем в три раза старше себя.

— Так... — Немного отдернув подол, лорд одной рукой взялся за мою ногу повыше лодыжки, а второй осторожно снял туфлю и положил ладонь прямо на болевшее место. — Действительно вывих. Как вы умудрились?

— Там нора, в траве не видно, — сообщила почти виновато. — Обычно я хожу осторожно.

— Я залечил, — опуская мою ногу на стул, сообщил магистр. — Но до завтра вам лучше двигаться поменьше. На всякий случай нужно перевязать, давайте вашу салфетку.

Вышитый мережками кусок ткани в его руках потек, удлинился, становясь лекарским бинтом, и вдруг, змеей ринувшись на мою лодыжку, в считанные секунды обернулся вокруг нее самой аккуратной повязкой, какие я видела.

— Как ловко! — восхитилась я и, с уважением покосившись на надевающего камзол лорда, искренне выдохнула: — Большое спасибо!

— Не за что, — небрежно отмахнулся он и ехидненько добавил: — Мы же живем в вашем доме!

— И то верно, — слащаво поддакнула я и вдруг вспомнила, о чем хотела спросить, когда он лечил мою ногу: — А можно вопрос?

— Когда мы отсюда уедем? — съязвил маг.

— Это я и сама знаю. — Терпеть его шпильки я не собиралась, несмотря на благодарность за лечение. — Мне интересно другое.

— Что именно? — вдруг насторожился он.

— Когда я приехала, вы ходили тут в простой и удобной одежде, а теперь вдруг начали в такую жару наряжаться в камзолы?

— Ради вас, неужели не понятно? — обиженно насупился лорд, но по его губам скользила насмешливая ухмылка.

— Так мне и показалось, — задумчиво пробормотала, начиная понимать, как неверно еще утром представляла себе интересы лордов, облюбовавших мой дом. — А не знаете ли вы, где лежит ключ от донжона?

Ехидная ухмылка стремительно сползла с его губ, а глаза на миг изумленно расширились и тотчас снова подозрительно сузились.

— Нечего вам там делать, крыша может рухнуть в любой момент.

— Я как раз собиралась попросить вас ее обрушить, — сообщила, старательно принимая самый невинный вид. — Мне давно хочется иметь оранжерею.

— Что? — Несколько секунд маг сверлил меня таким пронзительным взглядом, словно я украла его доцентскую звезду, потом осторожно поинтересовался: — И кто будет ее строить?

— Найму артель. Им нужно будет всего-то вытащить обломки крыши и накрыть башню стеклянными рамами.

— Ну да, — кивнул он сам себе. — Ведь деньги у вас теперь есть.

— Вы очень сообразительный, — подтвердила я, уже почти точно зная, где находится то, ради чего Хаглен так расточительно тратит силы на драгоценные переносы.

В моем донжоне. И не зря дверь там такая крепкая, правильно я поступила, когда не стала слезать с Крыша и взбираться на то крылечко. Все равно мне никогда не удалось бы ее открыть.

— Должность обязывает, — с ехидцей подтвердил маг.

И вдруг села на тот стул, где недавно лежала моя нога, оказавшись так близко от меня, что в иной ситуации или с другим мужчиной я бы насторожилась. А вот этот более не вызывал во мне никаких опасений, хотя я не смогла бы точно назвать тот миг, когда вдруг поверила в его порядочность.

— Вы тоже очень догадливы, мисс Вельена, — сообщил лорд с легким вздохом. — Не знаю даже, радоваться или волноваться.

— Радуйтесь, — твердо разрешила, глядя прямо в неожиданно прорезавшуюся прозелень серых глаз. — Я еще и никогда не выдаю чужих тайн.

— Но и свои защищать умеете, — поддакнул он словно в шутку, но мне уже было ясно, что магистр никогда не говорит ни одного слова просто так, ради поддержания разговора.

— У меня нет тайн, каких следует стыдиться! — И пусть это прозвучало чуть резковато, но было истиной. — Я никого не обманула, не убила и не обобрала. А выдавать людей с добрым сердцем, помогавших запуганной девчонке скрыться от злобной мачехи, не стану даже под пытками.

— Мисс Вельена... — лорд осторожно погладил мои пальцы и тотчас убрал руку, — но ведь я вас и не просил никого выдавать! Пусть они живут спокойно, эти ваши добрые люди. Но вот про мачеху... если не очень тяжело...

— Я стала другим человеком за десять лет, — помолчав, тихо призналась в ответ, — и давно уже не желаю ей зла. И хорошо понимаю, как глупо и неправильно столько лет думать о мести. Но вот ходить в подвалы не могу до сих пор... она запирала меня в темноте за самые мельчайшие ошибки и проступки. Не там села, не так посмотрела... Иногда я проводила там по полдня, а один раз она оставила меня на всю ночь, якобы забыла.

Смолкла и отвернулась к окну, не желая ни его жалости, ни ненужных и бесполезных слов утешения, все они давно сказаны мной самой себе. Да и вспоминать о прошлом тоже

зарекалась, но снова сорвалась и сейчас уже жалею.

— Мисс Вельена, — деликатно напомнил о себе лорд, — оранжерею лучше пристроить к дому с южной стороны и сделать туда выход из гостиной. В донжоне неудобно, нужно разбирать три этажа, прорубать окна...

— Я уже поняла, — спокойно остановила я его. — И не беспокойтесь, ходить в башню не собираюсь. А сейчас мне нужно переодеться к обеду.

— Мы вас подождем, — пообещал маг, вставая.

— Не нужно, я попросила Линту принести еду в эту комнату.

Дождавшись, пока в коридоре стихнут его твердые шаги, я заперла дверь на засов и отправилась в умывальню, такие подробные воспоминания о жизни в родном доме после гибели отца всегда доводили меня до слез.

ГЛАВА 12

Ужинать я тоже решила в своих комнатах, и принеся поднос с едой Линта поглядывала на меня со странной смесью сочувствия и интереса. Почти как на лошадь, внезапно снятую с забега.

Мне даже показалось, будто ей хочется о чем-то спросить или рассказать, зато я не испытывала никакого желания ничего и ни с кем обсуждать. Ни свои заботы, ни тайны постояльцев. Мне хотелось хотя бы дней десять спокойно за ними понаблюдать и сделать собственные выводы, а не принимать на веру те сведения, которые мне понемногу выдают.

В следующие несколько дней это удавалось весьма неплохо. Я неизменно завтракала позже всех, даже не пытаюсь выяснить, был ли кто-то в столовой до меня или нет, а обедала и ужинала в своей комнате, обмениваясь с Линтой ничего не значащими вежливыми фразами.

Магистр в эти дни на глаза не попадался, но другие постояльцы иногда мелькали во дворе или в глубине коридоров. Хотя, как мне постепенно стало понятно, называть их постояльцами не совсем верно, лишь немногие оставались в Глоэне на ночь, остальные бесшумно появлялись на несколько часов и так же тихо исчезали.

Зато я заметила некую закономерность. В некоторые дни приходило больше «гостей», иногда пять-шесть, в остальные — лишь один-два.

И хотя я всячески старалась не следить за ними и даже не показывать своего интереса, но постепенно выяснила, что приходят один и те же, и многих из этих людей я знала. Все достаточно богатые и влиятельные лорды, и почти все могли бы себе позволить купить для отдыха и рыбалки не только Глоэн, но и половину озерного края.

Вывод напрашивался сам собой: раз искали подставного владельца — значит, никому из них нельзя было покупать этот замок. И теперь, сидя после завтрака за рабочим столиком, над закрепленной в зажимах доской с заготовкой, я пыталась решить весьма сложную задачу. Еще немного уменьшить список причин, из-за которых Глоэн не находил себе состоятельного и рачительного хозяина, а с печальным постоянством переходил из рук в руки случайных владельцев.

Хотя к этому времени этих мотивов осталось не так уж много.

И главный — если никому из проходящих сюда магическим путем лордов нельзя было открыто выказать свою заинтересованность заброшенным, полуразрушенным имением, то все они замешаны в чем-то не совсем законном или принадлежали к какому-то тайному обществу.

Этот мотив намного опережал по числу выявленных мной доводов все остальные. Хотя было у меня и еще одно подозрение: некогда тайным, известным только магистру условием были определены какие-то особые требования к владельцу Глоэна. Однако оно казалось мне слишком сложным, да и не находила я в себе никакой исключительности.

Следовательно, дело в чем-то другом, но вот в чем именно, сообразить я никак не могла, крайне не хватало информации.

В дверь постучали довольно решительно, вовсе не так, как обычно стучала Линта, и едва я крикнула «войдите», на пороге возник маркиз Сангирт.

— Добрый день, леди Глоэн, — произнес он, улыбаясь так любезно, что я мгновенно насторожилась, предчувствуя подвох.

И потому ответила как можно суше:

— И вам тоже, лорд Варт.

— Можно посмотреть, чем вы занимаетесь? — смело приближаясь к моему рукоделию, поинтересовался лорд и снова ослепительно улыбнулся, мне даже скулы оскоминой свело.

Все молодые и не очень лорды излучали точно такие же улыбочки, пытаюсь очаровать Эвелину Бенро, когда она стала хозяйкой «Женских тайн».

— Вам это неинтересно, лорд Варт, — попыталась я осадить его ледяным тоном. — Лучше коротко скажите, зачем я вам понадобилась.

— Мне очень интересно, — продолжал сиять, как начищенный подсвечник, маркиз. — Я всегда мечтал узнать, чем может с таким усердием заниматься молодая прелестная леди несколько вечеров подряд.

В два шага он оказался за моей спиной и смолк, уставившись на картину. Не знаю, что именно он там рассмотрел, мне ясно виделось совсем иное. Погожее летнее утро, кротко улыбающаяся мать в светлом свободном платье сидит у распахнутого окна, а поглядывающий на нее отец за большим обеденным столом пишет письма. Перед матерью стоит натянутый на подрамник холст, и старичок художник в пятнистой рубахе торопливо наносит на него мазки. Я тоже сижу за столом и, старательно подражая художнику, вожу по листу бумаги вымазанной в краске кистью.

Подлинник портрета, на котором, кроме матери, старичок изобразил и отца, сидящего на подлокотнике ее кресла, мне удалось несколько лет назад обманом выкупить у Коранды. Но сейчас он хранится в Дебруине, у матушки Мелисанты, брать с собой в Глоэн единственную вещь, какой по-настоящему дорожу, я не решилась.

Зато взяла копию, очень точно написанную на доске одной из воспитанниц монастыря, и теперь пытаюсь сделать из нее мозаичное панно, тщательно подбирая по цвету осколки полудрагоценных камней, жемчуга и бисера.

Лорд подозрительно примолк, видимо, подыскивая слова, в которых я вовсе не нуждаюсь.

— И надолго вам хватит этой работы? — наконец осведомился он, возвращаясь к роли сердцеда, но я ему уже не верила.

Пока не могу понять, что именно понадобилось от меня постояльцам на этот раз, зато одно знаю точно: зря маркиз расточает обольстительные улыбки. Никаких нежных чувств они у меня не вызывают.

— Не знаю, — равнодушно отозвалась я. — Для меня важна не скорость. А о чем вы хотели поговорить?

— Леди Глоэн... — Отойдя к окну, маркиз выглянул в него и вдруг с улыбкой искусителя предложил: — Я хотел пригласить вас погулять. Вы слишком много сидите в комнате, а в саду так чудесно! Соберитесь, где ваша шляпка?

Это было неправдой, я каждый день после завтрака ходила в сад, обретавший все более ухоженный вид. А после обеда купалась на пристани, сажая Кыша на тропинке охранять мой покой. Хотя после просьбы не ходить на причал рыбачить в эти часы я не встретила там ни одного постояльца.

И маркиз прекрасно об этом знал, но почему-то нагло лгал, и мне вдруг стало интересно, ради чего или ради кого он так старается. Но и идти вместе с ним я никуда не собиралась, не желая становиться инструментом его интриг.

— Лорд Варт, — мой голос стал холоднее и суше промороженного снега, — я гуляю только тогда, когда этого хочется мне. Но если у вас есть веские причины на некоторое время увести меня подальше от дома, то я могу до ночи не выходить из своих комнат.

— Нет у меня никаких особых причин, — оскорбился он вполне правдоподобно. — Неужели вы не верите, что можете вызвать искренний интерес мужчины?

— Ну почему же, — постаралась я усмехнуться как можно высокомернее. — Я как раз хорошо знаю, что нравлюсь некоторым мужчинам. Но вас среди них нет, вот в этом я совершенно уверена.

— Вы жестокая сердцеда... — с наигранной печалью патетично произнес он, и я вдруг сообразила, ради чего маркиз так старательно морочит мне голову.

Пытается от чего-то отвлечь... или кого-то собой прикрыть. А если учесть, что он так и стоит у окна, то, значит, именно туда и старается меня не пустить.

Следовательно, во дворе прямо сейчас или чуть позже должно произойти событие, которое мне лучше не видеть, и если бы меня попросили по-хорошему, я и близко к окну не подошла бы. Но теперь чувствую себя глубоко оскорбленной, уязвленной и совершенно не желаю идти на поводу у этого интригана.

— Извините. — Не испытывая никакого сожаления, я встала с места и направилась в спальню, там тоже есть окно, и смотрит оно в ту же сторону.

Уже дошла до двери и взялась за ручку, как Сангирт сообразил, куда я иду, и стремительно ринулся наперерез:

— Мисс Вельена, простите... — Пытаясь меня остановить, маркиз крепко вцепился рукой в мое запястье.

В тот же миг в моей душе вскипело щедро приправленное страхом возмущение. С детства не выношу, когда меня хватают за руки, а случай в порту значительно усилил эту ненависть.

В следующее мгновение лорд отлетел в сторону, словно от удара гигантской лапой, и с возмущенным вскриком рухнул на ковер. Но тотчас вскочил на ноги, глядя на меня сузившимися от гнева глазами, и я не стала ждать ответного удара.

Заскочила в свою комнату, захлопнула дверь и задвинула надежный засов. Затем бросилась к распахнутому окну, на ходу доставая из кармана свисток, которым подзывала Кыша.

Зверь примчался через минуту, черной стрелой взлетел по стене и протиснулся мимо меня в комнату, но я уже во все глаза следила за необычным зрелищем. В распахнутые ворота замка пестрой змеей вползала вереница тяжело груженных телег и повозок, во главе которой пара лошадей тащила небольшой дорожный дормез.

— Леди Глоэн! Вельена! — вепрем ломился в мою спальню маркиз. — Откройте, я вам все объясню!

Но я лишь указала Кышу на дверь и, велев сторожить, продолжала следить за подъезжавшим к крыльцу дормезом. Только закрыла легкие занавески, оставив узкую, но вполне достаточную для наблюдения щель.

Карета тем временем добралась до крыльца, и к ней немедленно подскочил Петерс, услужливо распахнул дверцы и подал руку русоволосому мужчине в нижней рубашке и коротких, чуть ниже колена, подштанниках. Но все это виделось мне словно сквозь туманное светло-серое дорожное женское платье и соломенную шляпку.

Как я начинала понимать, это была очередная маска лорда дознавателя, почему-то не действовавшая на меня. К этому времени я уже начала догадываться о причинах своей особой проницательности, но собиралась сделать еще несколько опытов, чтобы подтвердить эти подозрения. Лучше не спешить, когда так мало разбираешься в магических делах. А узнать подробнее о возможностях магов было просто неоткуда, магистры Сарканской цитадели хранили свои тайны очень ревностно.

Петерс тем временем подал руку следующей гостье, и я онемела от изумления — на стройной девушке было надето мое собственное бежевое дорожное платье, отделанное по воротнику и манжетам более темным бархатом. И шляпка на ней была моя, но видневшиеся из-под нее локоны оказались намного светлее, чем у меня.

В этот момент Петерс склонился перед гостями с такой учтивостью, какой никогда не доставалось мне, и сделал широкий жест в сторону распахнутой, как я предположила, двери. Девушка в моем платье шагнула на ступени первой, магистр неторопливо последовал за ней, украдкой бросив взгляд на окна моих комнат.

Я поспешно отпрянула от окна и очень порадовалась, что стояла в спальне, скрытая занавеской, а не смотрела на крыльцо из окна гостиной. Иначе оказалась бы прямо перед лордом дознавателем, и вряд ли бы он ничего не заметил. Хотя мне давно было понятно, что магистр безошибочно находит меня каким-то своим способом, встречаться с ним взглядом, когда он гуляет в таком виде, никакого желания нет.

Тихо шипевший Кыш внезапно успокоился и лег, и тут же раздался стук прикрываемой входной двери.

Шагнув ближе, я прислушалась, пока даже не надеюсь, что маркиз, явно выполнявший указания друга, решил уйти. Но вдруг расслышала знакомый скрежет ключа и, еще не веря себе, осторожно приоткрыла створку. Однако Кыш продолжал молчать, и тогда я осмелилась выйти в гостиную. На цыпочках пробралась к выходу и поспешно задвинула внутренний засов.

Мне нетрудно посидеть в своих комнатах, но запираюсь я предпочитаю сама, а не ждать, пока закроют те, кого нельзя назвать иначе, как недругами.

Закончив с этим делом, просто из любопытства заглянула в шкаф и обнаружила свое дорожное платье на месте. У меня сразу камень с души свалился, все же приятнее, когда воруют не саму одежду, а всего лишь фасон.

«И не только фасон, но и внешность», — внезапно сообразила я так ясно, словно смогла отчетливо рассмотреть лицо гостьи. Даже глаза прикрыла, припоминая каждое ее движение, каждую черточку склоненного лица. Жаль, шляпа на ней была настоящая, а не призрачная... хотя рисунок высоких скул и наклон головы мне откуда-то явно хорошо знакомы.

Некоторое время я пыталась припомнить, где и при каких обстоятельствах встречала эту леди, попутно складывая и убирая свое рукоделие. Такой уж у меня характер — пока разум занят разгадыванием какой-либо тайны, никакими делами, требующими полного внимания, лучше не заниматься. И тем более панно, ведь приклеить крошечный камушек не того цвета легко, а вот заменить его очень трудно, почти невозможно.

За это время мне пришла в голову неожиданная мысль. А где лорды собирались поселить новую гостью, если привезли ее в моем платье и наверняка под моим именем? И сразу вспыхнула в душе глухая обида — ну почему они не могут поговорить откровенно? Все время устраивают какие-то сложные интриги, пытаются добиться своей цели обманом.

Да ведь маркиз почти готов был меня обольстить ради моих комнат, и хотя я предпочитаю надеяться на его порядочность и отсутствие грязных намерений, всем известно, как легко вспыхивает в мужчинах неуправляемая страсть.

К этому моменту я уже накрепко заперла окна и полулежа устроилась на своей кровати, раздумывая, как поступить. Нет, добровольно отдавать свои покои незнакомке я не собиралась ни за какие сокровища, но приближалось время ужина, и воспоминание о нем все сильнее портило мне настроение. Как выясняется, я очень ревностно отношусь к наконец-то появившемуся собственному дому, своей комнате и своему месту за столом, на которое сегодня явно постараются посадить эту самозванку.

О том, что лорды намерены не только сегодня устроить ее на моем месте, но и вообще заменить меня ею, я старалась не думать, найдя по крайней мере три важных довода в свою пользу. Самозванка должна быть готова прожить тут не один год, не иметь, как и я, ни жениха, ни мужа, ни родни и уметь точно так же хранить тайны. Иначе этот обмен не имеет никакого смысла. Да и меня в таком случае придется куда-то пристраивать, а это тоже непросто. Ведь хотя я и могла бы сыграть любую девицу подходящего возраста, но Кыш никогда не сможет долго изображать обычного коня.

Раньше я опасалась бы, что лорды хотят меня убить или запереть в дальнем монастыре, но теперь, когда пожила рядом с ними несколько дней, уверена — ну, почти, — что так делать они не станут никогда.

Но никак не могла пока понять, ради чего они устроили этот маскарад.

Ключ скрипнул в двери, когда я почти уверилась, что лорды решили ужинать без меня. Сгоряча даже придумала, как выбраться из комнаты с помощью Кыша и заявиться в столовую в самый разгар ужина. Но представила со стороны, насколько смешно и глупо буду выглядеть, пытаюсь спихнуть самозванку со своего стула, и решительно отказалась от этой авантюрной затеи. Проще один вечер обойтись без ужина, тем более в буфете у меня стоят вазы со съедобными сухариками и яблоками.

Заслышав скрип, я насторожилась, гадая, как поступит лорд Варт, обнаружив, что дверь заперта изнутри. Но тут засов тихонько звякнул, и послышался шорох открывающейся двери. «Все ясно, — вздохнула я огорченно, — это заявился лорд дознаватель». Других таких сильных магов, судя по моим наблюдениям, здесь не было, а для Хаглена запертых дверей не существовало.

— Мисс Вельена? — осторожно осведомился он, не обнаружив меня в гостиной, и мне пришлось встать с постели.

У лорда дознавателя хватит наглости проверить и спальню.

И действительно, не успела я сунуть ноги в мягкие домашние туфли и расправить юбку, как он возник на пороге. На этот раз лорд был одет как житель приморских городов, в белую рубашку с широкими рукавами и светлые замшевые штаны с ярким кушаком. Я незаметно облегченно выдохнула. Разговаривать с мужчиной, облаченным лишь в нижнее белье, — слишком смелый поступок даже для девушки, которой пришлось изучить все тонкости человеческих отношений. Однако некоторые детали — чисто теоретически.

— Мы можем побеседовать? — окинув меня пристальным взглядом, учтиво осведомился магистр.

— Конечно, — спокойно ответила я, вмиг убедившись в беспочвенности самых плохих подозрений. — Вас устроит моя гостиная?

— Разумеется, — согласно кивнул он и предупредительно посторонился, пропуская меня вперед.

Мне хотелось рассмеяться над этой неуклюжей предосторожностью, наверняка лорд Варт уже рассказал, как я сбежала от него в спальню, но я прикусила губу и смолчала. Не стоит портить насмешками начало серьезного разговора.

ГЛАВА 13

Пока я шла к любимому креслу, сами собой вспыхнули свечи, разогнав мягкие вечерние сумерки, затем стукнул отодвинутый стул. Магистр сел к столу, положил перед собой руки, особенно выделявшиеся загаром на фоне рубашки, и хмуро посмотрел на меня.

Я ответила спокойным взглядом человека, которому нечего опасаться или стыдиться, и приготовилась выслушивать обвинения.

— Вы можете простить лорда Варта? — спросил он вдруг с тяжелым вздохом, и я невольно подняла в изумлении бровь.

Как интересно! Оказывается, я не ошиблась, и маркиз действовал по просьбе друга! Но в таком случае почему лорд дознаватель считал нужным запретить мне смотреть на его прибытие с той леди? Или стеснялся своей одежды? Так кто ему мешал при подъезде надеть хотя бы штаны?

Или его спутница всерьез считает его женщиной? Но в любом случае Сангирт перестарался, и простить его мне будет не так-то легко. Хотя все равно придется, и за это можно попытаться получить немного информации.

— Могу, — неохотно буркнула я, — если узнаю, ради чего он лгал и сначала пытался меня обольстить, а потом поймать... с некоторых пор совершенно не выношу, когда меня хватают за руки.

— Он схватил вас за руку? — насупился маг.

— И довольно крепко, но у меня защита. Однажды на меня напали в портовом районе... пришлось купить.

Я не сказала ни одного слова неправды, начиная догадываться, что дознаватель может распознавать ложь. И слукавила лишь в одном — рассказала только о той защите, про которую знала наверняка. Такой амулет на самом деле висит у меня на шее, но действует абсолютно по-другому. Нужно повернуть центральный камень, чтобы вырвалось облачко парализующей пыльцы. На саму меня она не подействует, так как маг, готовивший подвеску на заказ, за основу взял мою собственную высушенную кровь. Но этот амулет пригодится лишь в самом крайнем случае, когда уже не останется никакой надежды спастись другим способом.

— Извините меня, мисс Вельена, — помрачнев еще сильнее, тихо скрипнул зубами маг. — Это я виноват. Попросил отвлечь вас... обычно лорд Варт легко находит общий язык с девушками.

— Ну разумеется, — неожиданно начиная свирепеть, ядовито процедила я. — Зато девушки после встречи с этим лордом не могут найти себе места от тоски. Но ему ведь глубоко безразлично, как они потом живут.

— Вы его так ненавидите, — изумился дознаватель. — Возможно, когда-то раньше он вас обидел... ненароком?

— Снова допрос, — разочарованная усмешка невольно скользнула по моим губам, — но я отвечу, чтобы не было недопонимания. Раньше я ему даже сочувствовала, знаю по себе, как нелегко терять близких людей. Но теперь он все сильнее раздражает меня своей глубочайшей уверенностью в собственной обворожительности. Или в очаровательности? Лорд дознаватель! Как-то странно вы смотрите... Неужели?..

Вот теперь, глядя на виновато прячущего взгляд магистра, я начала понимать, как неправда была, жалея маркиза Сангирта, вынужденного терпеть назойливое внимание придворных прелестниц. Все наоборот, жалеть нужно было их, так как он обладает либо особой способностью к очарованию, либо каким-то амулетом. Хотя амулет он мог бы снимать, чтобы не привлекать целое стадо влюбленных дам... значит, все же способность.

— Но ведь он не маг? — вырвался у меня раздосадованный вопрос.

— Это очень сложно объяснить, мисс Вельена, — уклончиво вздохнул магистр. — Ведь далеко не каждого можно назвать певцом, но очень многие поют просто так, не на сцене и не за деньги. Просто напевают во время работы или качая детей. Быть магом — это такой же талант, как пение, и если он достаточно велик, можно развивать его и совершенствовать. Или так и мурлыкать себе под нос легкие песенки.

— Значит, у него есть дар, — решительно подвела итог его туманным пояснениям, — и он им вовсю пользуется. Тогда у меня есть другой вопрос — зачем вам нужно, чтобы я влюбилась в

этого сердцееда?

— Вы уверены, мисс Вельена, что лорд дознаватель тут именно я? — притворно нахмурился магистр, явно желая отделаться шуткой.

— Не совсем. Всего пару часов назад я едва не сочла вас «леди дознавателем», но мою уверенность поколебало видневшееся под серым платьем мужское белье, — язвительно отшутилась в ответ.

— Какое... — нахмурился магистр, неверяще всматриваясь в мое лицо, и вдруг его уши предательски заалели, как у подростка, пойманного с поличным за подглядыванием в женской купальне. — Не может быть.

— Вы же знаете, что я не лгу, — мимоходом проверив его способность чувствовать ложь, уставилась на мага испытующим взглядом. — Так признавайтесь, ради чего я должна была влюбиться в маркиза? Он мечтает стать хозяином Глоэна?

— Вы умеете придумывать чудовищные вещи, мисс Вельена. — Магистр разом как-то осунулся, возле губ прорезались глубокие складки, делавшие его много старше. — Мы просто пытаемся найти вам надежное место как можно дальше отсюда. Жить здесь далеко не безопасно для молодой леди, и может стать еще хуже.

— То есть, как я понимаю, мне нужно было влюбиться в лорда Кэрдона и сбежать от него подальше? Или он должен был вдруг пожалеть одну из наивных дурочек и жениться на ней? Или это я сама с горя выскочила бы замуж за какого-нибудь надежного и порядочного лорда?

Моему возмущению не было предела, и, гневно взирая на все темнеющее лицо магистра, я выдумывала все более невероятные варианты будущей собственной тихой и спокойной жизни.

— Это слишком непростой разговор, а нам пора идти в столовую, — буркнул он наконец. — Давайте договорим после ужина? Или завтра утром?

— Как я пойду в столовую, если там уже сидит моя копия? — огрызнулась я, хотя была очень не прочь перекусить. Волнения и тревоги всегда вызывали у меня аппетит.

— Она больше не похожа на вас, — сухо сообщил лорд, — и ужинать будет в своей комнате.

— Вот как?! — на миг удивилась я и тут же рассердилась на себя за недогадливость. Ну разумеется, раз лорд Хаглен разгуливает в шелковой рубашке, прибывшая незнакомка уже похожа не на меня, а на даму в сером платье, которую изображал он. — А почему ваша спутница не желает идти в столовую? Вроде выглядела она очень здоровенькой! И, кстати, подскажите, а откуда это «я» вернулась?

— После ужина, — непреклонно заявил магистр, вставая из-за стола.

— Нет, — отказалась, упрямо поджав губы, и тогда он, сделав к креслу несколько шагов, приглашающим жестом протянул ко мне руку.

Я только крепче вцепилась в подлокотники, не желая сдаваться, пока он не ответит на последний вопрос. Последний хотя бы на сегодня, там видно будет.

Но лорду, видимо, изменило терпение, и он, чуть склонившись, взял меня за запястье и

потянул с кресла.

— Лорд Хаглен!

«Я ведь предупреждала!» — хотелось крикнуть мне, но подозрение, вспыхнувшее в мозгу ярче праздничной свечи, заставило смолчать и крепче сжать губы с самым возмущенным видом.

А в душе я просила, горячо умоляла спрятанную в вязаный браслет чудесную вещицу стерпеть, не бить этого пройдоху, ведь он вовсе не собирается обидеть меня, он ищет ее, неведомую силу, наказывающую обидчиков по заслугам.

— Ну почему вы все время спорите, мисс Вельена? — мягко уговаривал магистр, поднимая меня с кресла и едва не прижимая к себе, а я молча улыбалась, чувствуя себя почти счастливой и веря, что четки все-таки услышали мою истовую мольбу. — Вельена? — Неожиданно голос лорда дрогнул, он нервно сглотнул и, недоверчиво кривя губы, странно серьезным голосом тихо осведомился: — Отчего вы молчите?

— Вам не кажется, — сообразив, что происходит нечто неладное, осторожно отодвинулась я от него и невольно вздохнула, заметив, как на миг обиженно дрогнули и тут же поджались губы лорда, — что вы слишком несправедливы ко мне? То «почему спорю», то «почему молчу». С вами очень трудно разговаривать, все время проверки, допросы, претензии, причем все необоснованные. Но я снова сделаю вам уступку и отправлюсь с вами на этот ужин. Только подождите немного, мне нужно переодеться.

Резко выдернула руку из его ладони и прошла в спальню, нарочно хлопнув дверью. Мне нужно хоть несколько минут, чтобы попытаться понять, какую интригу он снова затевает. Но пока поспешно переодевала платье и прикрепляла другой шиньон, никакого отчетливого объяснения так и не придумала и отложила эту задачку на потом, когда смогу спокойно припомнить каждое слово и оценить каждый взгляд.

Выйдя в гостиную, я не сразу нашла взглядом стоявшего у распахнутого окна Хаглена и сочла, что он ушел, не дождавшись меня. И этот обиденный, по сути, поступок полужнакомого мужчины почему-то кольнул душу неожиданно острым разочарованием.

— Вы быстро переоделись, — подходя ближе, с бледной учтивой улыбкой преподнес лорд ничего не значащий комплимент, и мне вдруг захотелось сделать нечто необычайное... уколоть его или как-то задеть, чтобы разбить эту стеклянную улыбку.

— Мне это нетрудно, — вздохнула с преувеличенной грустью. — Не приходится много времени тратить на прическу. Хотите, открою маленькую тайну? Это не мои волосы... свои мне пришлось отрезать.

Искоса глянула в застывшее лицо лорда, горьковато усмехнулась, понимая, сколь напрасной оказалась эта попытка, и пошла вперед. Но в коридоре он меня решительно обогнал и, как подобает истинному лорду, в одиночку преодолел пару ступенек, прежде чем обернуться и подать мне руку.

Я положила пальцы на его ладонь почти бездумно, но он стиснул их крепче, чем предписывал этикет, и пока мы добрались до прихожей, жар его руки жег мне душу новыми подозрениями. Неужели решил сам взяться за мое соблазнение, раз не получилось у Кэрдона? Ведь не мог же у лорда дознавателя, имеющего возможность посещать в императорском дворце торжественные приемы и званые ужины и встречающего там признанных придворных красавиц, ни с того ни с сего пробудиться интерес к бедной владелице самого старого и

неказистого замка?

Но раз так, то мне нужно держать себя с ним как можно строже и ни в коем случае не давать никаких обещаний, иначе не успеешь оглянуться, а маг уже запутает, как паутиной, словами и взглядами. Вон как ловко подвел меня к проверке амулета, до сих пор по спине холодок, как представляю, что могла бы лишиться чудесного артефакта.

До меня уже в полной мере дошло, как удобно и полезно иметь эту вещицу, ни один маг или знатный лорд не явится под чужим обличем и не задурманит голову лживыми обещаниями. И я ничуть не сомневалась, как много найдется богатых и знатных лордов, жаждущих надеть на свое запястье мои четки.

В коридоре Хаглен предупредительно подхватил меня под руку, и я покорно шла рядом, старательно пряча горькую усмешку. За последние десять лет мне не раз приходилось чувствовать себя дичью, и эту роль я ненавидела еще сильнее, чем темные подвалы.

Однако у входа в столовую лорд дознаватель неохотно снял мою руку со своего локтя и, учтиво усмехнувшись, распахнул передо мной двери. Я поблагодарила таким же вежливым кивком и направилась к своему месту, по пути искоса рассматривая сидящих за столом гостей.

Лорд Варт пристально изучал стоящие перед ним блюда, хотя Линта не отличалась склонностью к изысканным кушаньям. Зато готовила много и вкусно, и когда случался наплыв постояльцев, еды хватало всем. В остальное время не съеденные за ужином рыбу и мясо подавали на завтрак и доедал Кыш.

Рядом с маркизом сидел другой частый гость, граф Мерелто, звавший себя лордом Ултоном. Дождавшись, пока я займу свое место, магистр уселся напротив друзей.

— Линта, налей мне суп, — попросила я кухарку, и когда она оказалась рядом, очень тихо поинтересовалась: — Как чувствует себя моя спутница?

— Леди Ванде нехорошо, — понятиливо глянув мне в глаза, печально поджала губы Линта. — Она кушает в своей комнате.

— Как жаль... — вздохнула я лицемерно, пытаюсь сообразить, где могла раньше слышать это имя и почему оно мне так хорошо знакомо.

— Я могу попробовать ее уговорить, — неожиданно поднялся с места Сангирт, и все присутствующие настороженно притихли, словно он сказал нечто бестактное.

А мне вдруг стало очень интересно, что именно намерен мне доказать этим поступком придворный сердцеед.

— Если вас не затруднит, — улыбнулась ему самой приторной из своих улыбок и неторопливо принялась за суп, не собираясь заранее придумывать слова, которыми встречу загадочную леди Ванду.

Вот появится, тогда и пойму, как себя с ней вести, ведь не зря же она показалась мне знакомой? Очень многие знатные дамы в открытую или тайком приходили в салон мадам Луизы, и я их ничуть не осуждала. По себе знала, как тяжки и непреодолимы могут быть беды знатных девушек. И угадывать, кем именно она окажется, тоже пока не пыталась, в любом случае у меня есть перед ней большое преимущество: мне ее узнать легко, а ей меня — нет.

Но когда дверь распахнулась и на пороге появилась леди в простеньком светло-сиреновом платье, я на миг потеряла дар речи. В столовую робко входила принцесса Онгильена собственной персоной, и оставалось только гадать, как я могла не узнать ее сразу же, едва ее высочество вышла из кареты? Ведь была отлично с ней знакома, и далеко не один раз видела так же близко, как лорда Хаглена сегодня. Принцессам тоже бывают нужны хорошие советы, и иногда даже чаще, чем остальным девушкам.

Хотя зря я обижаюсь на свою память, ведь на Онгильене в тот момент была моя личина... или как это называется у магов? Лицо ее высочества и сейчас видится мне сквозь призрачно-зыбкую пелену, значит, для всех остальных она сейчас не похожа на саму себя. Выходит, я и магистр узнала не в первое мгновение именно из-за этого?

И вдруг я отчетливо сообразила, что лорд Хаглен ехал рядом с принцессой в этих своих подштанниках весь день... или даже несколько дней, не зря же я не встречала его в последнее время. Значит, они связаны намного теснее, чем просто знакомые. Так уж воспитывают принцев и принцесс, с младенчества обучая никого не подпускать близко, кроме самых испытанных и надежных слуг и охранников. И поэтому ехать целый день в одном дормезе она могла только с человеком, которого очень хорошо знает и кому доверяет не только свою жизнь и честь, но и все свои тайны.

Стало быть, все случившееся полчаса назад в моей гостиной было просто интригой: и горячие руки, и полные осторожной надежды взгляды, и то особое, непонятно каким седьмым чувством ощущаемое неуловимое тепло зарождающейся нежности... У меня на душе как-то резко стало пусто и холодно, словно погас последний солнечный лучик и подул осенний вечер.

Осталась только одна задача — ни в коем случае не раскрывать принцессе своей тайны. Она всегда была очень внимательной и славилась умением узнавать придворных дам и служанок по голосам. На веселых зимних карнавалах еще никому не удалось обмануть Онгильену, выдав себя за другую.

— Добрый вечер, — кротко приветствовала нас лже-Ванда, и я с приветливой улыбкой молча кивнула в ответ.

Нельзя же разговаривать, когда жуешь? А я как раз засунула в рот весь кусочек хлеба, которого мне хватило бы, чтобы доест суп.

Сангирт очень бережно усадил принцессу рядом с магом, учтиво склонился к ней, подвинув тарелку, и нехотя направился к своему месту, а я на несколько секунд не только жевать, даже дышать перестала. Крайне редко, но случалось мне заметить в отношениях и душах людей нечто совершенно особое, и не важно, жесты то были, слова или просто взгляды. Всегда мимолетные, как проблеск молнии, но выразительные, как удар кинжала, на мгновение освещавшие такие сокровенные глубины чувств, каких никто и никогда даже не предполагал.

И теперь я точно, словно получив подробное сообщение, знала, почему маркиз Сангирт так упорно убегает от своих поклонниц. И подозревать его отныне могла только в одном — в преждевременной гибели жены.

Вот только сейчас важнее всего не то, кого подозреваю я, а в чем подозревают меня.

Вернее, обязательно начнут подозревать, едва Онгильена опознает меня по голосу. Да я даже сама не могу пока придумать, чем доказать, что я вовсе не шпионка императора или, еще хуже того, герцога Бетдино. Ведь именно герцог уже пять лет является официальным женихом

Онгилены и весьма недоволен тем, что их свадьба не раз откладывалась по разным причинам.

И как раз Альгас Бетдино был тем самым клиентом «Женских тайн», из-за которого я вынуждена была бросить налаженное дело и бежать подальше от столицы, чтобы несколько лет пожить в глуши и заставить его о себе забыть.

Но кто из этих вежливых лордов, так мирно жующих жаркое за моим столом в моем доме, поверит, будто я купила Глоэн совершенно случайно, а не ради выполнения задания Бетдино?

Абсолютно невыполнимого, о чем я ему сразу сообщила. Но он только язвительно засмеялся в ответ и ядовито напомнил о не менее сложных заданиях, выполненных мной для знатных леди и лордов, и о том, что платит он такими же полновесными империями.

В тот раз мне не хватило убедительных аргументов объяснить ему, насколько неточна эта информация и ошибочны сделанные им выводы, и пришлось отступить, получив жесткий намек, как сильно я пожалею, если попытаюсь с ним шутить.

Но я и сама это знала, герцог слыл весьма жестоким человеком и держал в трепете не только свое огромное герцогство, но и соседние восточные области, в которых числился наместником императора.

ГЛАВА 14

Ела я молча и неторопливо, очень надеясь, что лорды и леди, насытившись, первыми покинут столовую. Ничуть не бывало — они тоже смаковали поданные к чаю запеченные с медом и корицей яблоки так заинтересованно, словно это был изысканный десерт из самых редких свендимских фруктов.

И настал момент, когда мне стало ясно, что сидеть тут далее бесполезно, и пока лорды не убедятся в результатах затеянной ими проверки, спать никто из них не пойдет. Тяжело вздохнув, я отодвинула тарелку и только собралась встать, пожелать всем спокойной ночи и посмотреть, что за этим последует, как со своего места поднялся лорд дознаватель.

— У нас мало времени и много дел, — произнес он хмуро, подходя к двери и делая какой-то знак, — а леди Вельена, судя по всему, не желает с нами разговаривать. И это может означать только одно — она раньше встречалась с леди Вандой и не хочет в этом признаваться.

Я мрачно усмехнулась в ответ. Странно было бы, если бы старший дознаватель не смог сделать такой простой вывод.

— Но я могу дать честное слово не выдавать леди Вельену, — нежным голоском пообещала принцесса, и я ей сразу поверила.

Несмотря на кукольную наивность голубоглазого личика и хрупкость стройной фигурки, ее высочество обладала довольно твердым характером, хотя это и не помогло ей избежать нежеланной помолвки. Император, весьма обоснованно опасавшийся, что герцог Бетдино отделится от империи и объявит себя королем, желал с помощью этого брака склеить разваливающуюся империю. Мысли о том, что, женившись на Онгилене, герцог может потеснить с императорского трона и его самого, и несовершеннолетнего наследника, в голову правителя, похоже, не приходили. Или у него был приготовлен на этот случай еще один, более хитроумный план.

— Дайте, — немедленно согласилась я, рассмотрев в ее словах спасительный выход, и твердо

добавила: — Тем более что я могу поклясться любой клятвой и на любом амулете, что никогда и ничего против вас не замышляла.

Глаза принцессы потрясенно расширились, но она очень быстро взяла себя в руки и не менее твердо произнесла:

— Клянусь никогда и никому не выдавать тайн леди Вельены и принимаю ее в число своих доверенных друзей.

— Спасибо, — благодарно выдохнула я, стараясь пока не думать, в какую западню сунула свою несчастливую голову.

— Онгильена! — слился с моим голосом возмущенный рык маркиза, от расстройства выдавшего возлюбленную. — Нужно было сначала проверить ее на амулете и взять клятву!

— Как вы неосмотрительны! — расстроено вторил граф Мерелто.

— В следующий раз дождитесь, пожалуйста, нашего решения, — стараясь не встречаться со мной взглядом, хмуро вздохнул лорд дознаватель. — Ваши враги очень хитры и изобретательны.

— Враги с ее высочеством у меня общие, — сжав от обиды губы, сухо огрызнулась я.

— Я уверена в леди Вельене, — так же неуступчиво нахмурила тонкие бровки принцесса, — и вы прекрасно знаете, что мое предчувствие никогда не ошибается! Я еще в прошлый раз просила нас познакомиться, не пришлось бы ездить туда-сюда.

— Вы можете звать меня мисс Вельена, или просто Велья, — почтительно предложила я. — И если сочтете нужным сообщить мне какие-то новости или пожелания — я к вашим услугам.

Онгильена была моложе меня почти на два года, зато много выше по статусу, и правила допускали такое упрощенное обращение. А кроме того, когда я была Эвелиной, ее высочество иногда называла меня просто Вели, и теперь не было смысла возвращаться к строгим правилам.

— Новости есть у лорда Хаглена, — властно оглянулась ее высочество на дознавателя. — Мы хотели вас подкупить, но сейчас я начинаю сомневаться в верности этого плана. Поймите меня правильно, Велья, последнюю луну вы были в наших делах... большой загвоздкой. Без Глоэна нам никак не обойтись, и его хозяину мы должны всецело доверять. Но если привезенные нами новости вас обрадуют, то я буду за вас очень счастлива. Теперь мне стало понятно многое из того, что раньше вызывало недоумение.

— А можно один вопрос?.. — На некоторое время я замаялась, пытаюсь понять, не слишком ли спешу. — Но если вы не пожелаете ответить, я не обижусь. Чем так ценен Глоэн? Ведь тут самая глушь... дальше только озера, болота и скалистые предгорья.

— Я сам могу ответить, — севший на свой стул магистр угрюмо крутил в пальцах десертную вилочку, — и думаю, мисс Вельена тоже догадалась бы, если бы задала себе простой вопрос: «Почему первый лорд Глоэн построил свой замок именно здесь?»

— Да на этот вопрос я могу найти десяток вполне правдоподобных ответов, — непримиримо усмехнулась я в ответ. — Например, он был трусом и желал жить в месте, куда никогда не

доберутся никакие враги. Пятьсот лет назад нашу Равернскую империю раздирали распри, и она постоянно с кем-то воевала. Или лорд болел страшной болезнью и потому стал изгоем. Или разочаровался в людях и не желал с ними встречаться. Он мог заниматься каким-нибудь противозаконным делом, быть тайным многоженцем или немислимым ревнивцем. Ну и еще примерно столько же объяснений.

— А на самом деле он был алхимиком, мы точно установили, — дружески улыбулась принцесса. — И специально искал место, где можно усиливать зелья. Вам же известно, что у всех алхимиков есть магические способности?

— Ну... об этом я слышала, но никогда не думала, что ради усиления снадобий нужно забираться в самую глушь. — Неожиданная догадка ошеломила меня своей простотой.

— Это одна из тайн Сарканской цитадели, — не обращая внимания на сердито кашлянувшего магистра, пояснила Онгильена. — Чтобы не выпускать из рук прибыльный заработок, маги захватили все известные в империи источники чудесной энергии, и на каждом стоит башня, в которую можно попасть только за плату.

— Ваше высочество! — предупреждающе произнес Хаглен, но она небрежно отмахнулась:

— Мисс Вельена очень сообразительна и сама догадалась бы через несколько дней. А раз она теперь с нами, нечестно пользоваться ее помощью втемную. Или вы сами хотите все объяснить?

— Не нужно, — отказалась я. — Теперь мне многое стало ясно. Не пойму только, почему ваше высочество каждый раз трясется в карете или на лошади, если лорд старший дознаватель может открыть магический путь?

— Амулеты, — вздохнула принцесса. — Именные императорские. Если я пойду через портал, то и придворный маг, и цитадель в тот же момент получают точный отчет, откуда и куда я ходила, и будут обязаны доложить отцу. А мне обязательно нужно хотя бы раз в луну заряжать охранные амулеты и браслет личины, без них шпионы Бетдино мгновенно найдут мое укрытие.

— И долго вы собираетесь так прятаться? — поинтересовалась я затаив дыхание. — Ведь его терпение когда-нибудь лопнет. Он и сейчас, насколько мне известно, зол почти до бешенства.

— У нас есть план, — попытался заморозить меня взглядом маркиз Сангирт, — но вам знать его подробностей не нужно. Лучше выслушайте новость, которая касается лично вас.

Пришлось смолчать, хотя я была абсолютно не согласна с этим сердцеедом, пока еще не попросившим у меня прощения. Хотя и не знаю таких слов, какими лорд мог бы его вымолить. Но настойчивые упоминания о каких-то новостях заинтересовали меня не на шутку.

— Восемь дней назад имперский суд разбирает дело о наследстве леди Вельены ле Морнье, открытое по результатам расследования тайного дознавателя лорда Ултона, — сухим официальным тоном объявил лорд старший дознаватель.

«Так вот чем занимается граф Мерелто», — сообразила я, начиная понимать еще одну тонкость. Никогда не попадают в Глоэн люди, которым полностью не доверяет старший дознаватель и которым нет нужды тайно усиливать или зачаровывать оружие, амулеты и зелья.

И тут мне вдруг ясно припомнилось, откуда я знаю леди Ванду. Довольно высокая и крепкая немолодая леди, дальняя родственница императора, была одной из компаньенок принцессы. И

судя по тому, как свободно чувствовал себя в этой личине старший дознаватель, пользовался он ею довольно часто.

— Вы желаете выслушать подробное постановление? — хмуро взирал на меня Хаглен.

— Нет. Только самое главное, — поспешила отказаться я.

— Хорошо. — В его голосе отчетливо прозвучало облегчение. — Вам возвращено все имущество, принадлежащее вашим родителям, и, кроме того, приданое вашей мачехи и все имущество дяди. Хотя он был очень небогат. Преступники приговорены к пожизненному наказанию за попытку обмана и оскорбление суда. Сейчас вашим имуществом управляет выбранный лордом Ултоном управляющий, но если вы желаете назначить кого-то другого, назовите имя.

— Меня устраивает выбор лорда, — снова качнула головой, ясно понимая, какой вопрос сейчас больше всего интересует сидящих вокруг меня людей.

Не откажусь ли я от Глоэна и не помчусь ли в тот дом, который много лет снился мне по ночам, заставляя горько плакать, когда оказывалось, что все было лишь сном. И не придется ли им снова искать человека, готового жить здесь, встречать их и провожать, крепко храня тайну.

— Мне давно хотелось пожить в таком месте, как Глоэн, — глянув в глаза принцессы, произнесла с улыбкой, — и покидать его я пока не желаю.

— Спасибо... — Внезапно губы Онгильены дрогнули, и она поспешно отвернулась к окну, но уже через пару мгновений повелительно махнула сотрапезникам: — Идите, мисс Вельена меня проводит.

Хмурые лица мужчин выражали явный протест и несогласие с таким решением Онгильены, но послушаться ее не осмелился ни один. Хотя наверняка все не хуже меня понимали, как мало значит сейчас слово принцессы, которую ее собственный отец отдавал в уплату за мнимое спокойствие страны, как рабыню, как неодушевленную вещь.

— Вели! — едва за ними закрылась дверь, ринулась ко мне Онгильена, и я немедленно шагнула навстречу. — Как я рада... ты не представляешь. Я была просто в отчаянии, когда ты исчезла, ведь даже поговорить не с кем, все вокруг меня — отцовские шпионки. Он верит обещаниям Бетдино, но и я сама, и мои друзья не столь наивны.

— Ваш отец тоже далеко не наивен, — осторожно вздохнула я, на миг бережно обняв худые плечики принцессы. — Боюсь, он уже придумал план, как обвести герцога вокруг пальца. Но я заранее могу сказать, герцог стократ осторожнее, хитрее и коварнее, чем считает его императорское величество. И еще он весьма жесток, и поэтому я пока не знаю способа его обмануть. Ведь он не отступится и, даже если вы разыграете собственную гибель, потребует отдать ему Наэльсину.

— Мне невозможно устроить собственную смерть, — скорбно поджала губы ее высочество. — По требованию Бетдино помолвку провели магическими кольцами в храме Судеб. Пока мое кольцо не осыплется с его руки, герцог будет знать, что я жива. Никто не может снять эти кольца, кроме верховного магистра Саркана, и только с согласия жениха.

— И сколько у вас осталось времени? — поинтересовалась я, стараясь не показывать своей растерянности: как оказалось, положение принцессы намного хуже, чем мне представлялось

раньше.

— Свадьбу назначили на осенний праздник урожая, — горько усмехнулась она. — Но Бетдино потребовал, чтобы ему выдали амулет переноса и шкатулку с напоенными силой камнями. Говорит, был бы последним дураком, если бы поверил, будто ни у кого не возникнет соблазна убить его тотчас после свадебного ритуала.

— Я же говорю, он осторожный и подлый гад, — вздохнула я.

В этот момент дверь приоткрылась, и появился красивый профиль маркиза, рассматривающего нас с самым подозрительным видом. Несколько секунд я раздумывала, стоит ли рассказывать Онгильене про его злую проделку, но не решилась огорчать ее еще сильнее. Девушке и так тяжело, а Кэрдон пока поддерживает в ней надежду на чудо.

Потом мы неспешно брели по двору за сердито сопевшим маркизом, тихонько шептались о всякой девичьей ерунде, и я старалась хоть немного развеселить ее высочество, восхищаясь про себя ее стойкостью и силой характера. Большинство попавших в такую же ситуацию девушек, приходивших в последние десять лет в «Женские тайны», могли лишь безудержно рыдать и не способны были не только выполнить простейший совет, но даже до конца дослушать нас с Луизьеной.

Возле донжона Онгильена со мной распрощалась, сообщив, что утром мы уже не увидимся. Они собирались выехать в обратный путь очень рано, как только напитаются магией ее амулеты.

И хотя мне очень хотелось ее проводить и поговорить еще раз, спорить я не стала. Пока не настолько безоговорочно доверяют мне защитники принцессы, чтобы не заподозрить какую-нибудь ловушку.

Едва дверь донжона захлопнулась, оставив меня в одиночестве, из темноты выскользнул Кыш, прижался теплым мохнатым боком, разом снимая с души половину печали.

— Идем домой, — шепнула я, устраиваясь на его спине и покрепче обнимая мощную шею.

Зверь за несколько секунд донес меня до крыльца, на миг замер, примериваясь, затем легко прыгнул на стену и вмиг оказался на подоконнике. Еще прыжок — и мы посреди комнаты, где все осталось точно так, как было в тот момент, когда лорд дознаватель вел меня на ужин. Но моя жизнь за эти пару часов успела сделать очередной, абсолютно неожиданный для меня крутой поворот, и теперь мне больше всего хотелось попытаться понять, куда может привести меня новая тропа.

ГЛАВА 15

Проснулась я перед рассветом от громкого стука в дверь и некоторое время лежала, не веря в неожиданную наглость постояльцев. Ведь за окном едва лишь начинал светлеть край неба, и мне можно было поспать еще не менее пяти часов.

Потом вспомнила про принцессу, резко вскочила с постели и, путаясь в широких полах пеньюара, помчалась к двери. Торопливо отодвинула засов, толкнула створку и оказалась лицом к лицу с бледным, взлохмаченным магистром.

— Что случилось? — Первым делом почему-то подумалось, что на Глоэн напали.

Не знаю кто — маги, люди Бетдино или гвардейцы императора, но нужно срочно куда-то бежать.

Лорд смотрел на меня, и его лицо с каждой секундой все мрачнело, а сквозившая в глазах тревога все быстрее сменялась растерянностью, потом досадой.

— Извините... мне показалось.

— Не извиню, — разозлилась я, отвернулась и направилась к стоящим у камина креслам. — Проходите и объясняйте, что произошло? И где принцесса?

— Леди Ванда, — хмуро поправил он, неспешно проходя в комнату. — Они уже уехали. А мне сообщили, что вы не пришли ночевать.

— Допустим, — обдумав его слова, сухо кивнула, начиная понимать, что нахожусь под постоянным надзором. — И почему же тогда вы стучали? Насколько мне известно, вам очень хорошо удается открывать запертые двери.

— Когда у меня есть запас энергии, — неохотно процедил лорд дознаватель, немного посомневался, подошел ближе и сел напротив. — А сейчас его нет. Я отправил лорда Ултона и остальных друзей в разные поселки и города, через которые будет проезжать леди Ванда, там мы держим запасных лошадей, а лорды садятся на место кучера. Потому и дорог перенос, что берет слишком много сил.

«Ну так идите отдыхать», — хотелось сказать мне, но удалось промолчать. Хаглен разговорился явно неспроста, и я начинала догадываться, какой вопрос его сейчас тревожит. Откуда ее высочество так хорошо меня знает?

— А кто сказал, будто меня нет дома? — так и не дождавшись объяснения, сама задала вопрос.

— Петерс. Он закрывал за нами двери, когда мы пошли в донжон, а парадный вход был заперт еще перед ужином. Нечего плотникам делать в доме по ночам.

— Каким еще плотникам?! — Я ошеломленно вытаращилась на магистра, и тот вдруг как-то расслабился, посветлел, и сразу стало понятно, как сильно он устал.

— Вы не против чашки чая, мисс Велья? — вовсе не ожидая моего согласия, пробормотал Хаглен и дернул за подлетевшую к нему кисть колокольчика, всего несколько дней назад появившегося в моей гостиной.

Линта появилась в дверях через несколько минут, и у нее в руках был накрытый салфеткой поднос.

Кухарка молниеносно придвинула ближе столик, расставила чашки и тарелки с едой, потом, заметив, как я кутаюсь в тонкий пеньюар, бросила в камин нечто невидимое, и по поленцам сразу побежал веселый огонек.

— Линта, разве ты маг? — изумилась я, начиная понимать, как много до сих пор было вокруг меня тайн.

Куда мне, — добродушно улыбнулась женщина. — Просто подмастерье. Но огонь и вода повинуются, здесь хороший источник.

— Я за тебя рада. — По-видимому, улыбка у меня получилась слишком жалкой, раз кухарка поспешила сбежать.

— Так где у нас плотники? И сколько их? — От растерянности я вспомнила про принесенную лордом новость лишь к тому моменту, когда чая в моей чашке осталось на донышке.

— Всего шестеро, а спят они в казарме, это такое небольшое каменное здание возле конюшни, — намазывая на лепешку масло, спокойно пояснил дознаватель. — Мы с Петерсом немного подновили там пару каморок, остальные они отремонтируют сами. Но сначала построят оранжерею.

— Может, сначала им все же следует сделать комнатки себе? — засомневалась я, но лорд только усмехнулся в ответ:

— Спать здоровые мужики вполне могут и в конюшне на сене, а сюда через четыре-пять дней придут дожди. Нужно к этому моменту подвести оранжерею под крышу, иначе балки намокнут. Я их специально в дороге сушил.

— Как-то мне становится не по себе от всех этих ваших благодеяний, — не выдержала я. — То наследство, то оранжерея... И кстати, а вы не забыли, что я не собиралась ворошить эту историю с наследством? У меня там еще живут тетушки и двоюродные бабки, начнут мыть мои косточки.

— Ничего они не начнут, — нахмурился маг. — Ваш дядя успел всем плюнуть в суп. Но вы же не забыли, что теперь мы в одной связке? Хотя на это мы и не надеялись, как сказала леди Ванда, собирались вас подкупить. Но я не прочь услышать, где она успела познакомиться с бедной монашкой и почему не узнала вас сразу?

— Вы все время меня в чем-то подозреваете! — Пришлось срочно состроить самый оскорбленный вид. — А кроме того, забываете одну тонкость. Многие монахини, выходя на улицы городов, прикрывают лица вуалью, не желая привлекать к себе внимание. Кстати, нашими одеждами часто пользуются дамы из притонов и обычные мошенники.

— Потому цитадель и выдавала всем монашкам особые амулеты, — испытующе глянул на меня лорд.

— У меня тоже такой есть, хотя я и не монахиня, а воспитанница, — учтиво сообщила я и снова смолкла, ожидая, потребует он показать подвеску или нет.

— Извините, — помолчав, суховато буркнул лорд и небрежно добавил: — Как только восстановлю силу, перенесу сюда новую мебель и сундуки с вашей одеждой. Мы временно сложили все в гостиной.

Вот теперь дознавателю удалось поразить меня так сильно, что я несколько секунд смотрела на него, как на шута, изрекшего заведомо глупую шутку.

— Мисс Вельена, — морщась, словно случайно откусил половину лимона, пояснил маг, — вы забываете, что я видел все ваши вещи и знаю, как мало этого для того, чтобы жить в глуши. Ведь тут нет ни лавок, ни портних, а вы молодая девушка.

— И эта девушка, — стараясь не рассмеяться, кротко сообщила я, — отлично знала, куда едет, и не собиралась переодеваться к обеду и ужину. Да я вообще взяла с собой больше мужской одежды, в ней удобнее ездить верхом. Я люблю собирать грибы и ягоды и намеревалась вместе

с Кышем летом наловить рыбы, а осенью заняться охотой. Я даже сходила в коптильню и посмотрела, как коптят мясо. А другая одежда у меня есть, хозяйка была очень богата и не скупилась на наряды. Просто невозможно было все это увезти сюда, поэтому самые нужные вещи я оставила на хранение в монастыре, остальное раздала бедным воспитанницам.

Лорд слушал меня, все сильнее сжимая губы, и теперь я старалась на него не смотреть, ведь во всем сказанном мной не было ни слова лжи. Мне вдруг жалко его стало: в конце концов, он потратил время и силы на то, чтобы доставить сюда эти наряды. Хотя сам виноват, мог бы поговорить со мной, прежде чем изобретать такие каверзные планы.

— Но я очень ценю вашу заботу и благодарна за нее, — мягко закончила я свое пояснение. — И теперь не важно, с какой целью вы все это покупали. Но если там есть какие-то сюрпризы, лучше уберите заранее. Я с детства не выношу, когда мной командуют и пытаются управлять силой или хитростью. И никогда этого не прощаю.

— Значит, — допив чай, пристально глянул он на меня, — вы не простили лорда Варта?

— Маркиза Сангирта, — поправила я холодно. — Так он пока и не искал моего прощения.

— Но я ведь объяснил!

— Лорд дознаватель! Вы пояснили мне свои причины и выданное вами указание, но он ведь не глупый ребенок и сам выбирал способ, каким можно не подпустить меня к окну, чтобы я ничего не рассмотрела. Со мной легко договориться, я не слабонервная леди и не визгливая фаворитка! А он обрушил на меня свое обаяние полной мерой, да еще и попытался запугать!

— Но к тому моменту мы знали, что на вас оно не действует! — мрачно взрыкнул лорд, сминая в кулаке булочку.

— Не подействовала обычная доза, — начиная понимать, как задело маркиза мое равнодушие, медленно произнесла я, — значит, можно попробовать на мне самые сильные чары? Я для него кто — подопытная крыса? А если бы в этот раз у лорда все получилось, кем бы я сейчас была, можете объяснить? Его любовницей или очередной несчастной поклонницей с разбитым сердцем? Такой ведь проще управлять, чем самостоятельной и неглупой леди, имеющей собственные взгляды и убеждения, не так ли?

— Леди Вельена... — морщась, как от боли, выдавил магистр, — ничего такого не произошло бы. Я ведь уже был здесь. И если бы он случайно вас очаровал, я сумел бы это снять.

Некоторое время я пыталась представить, как бы это выглядело на самом деле. Сколько жгучего стыда и ненависти испытала бы, получив освобождение от навязанной любви, и как много своих секретов открыла бы этим интриганам в том унижительном состоянии. С каждой минутой мое настроение портилось все сильнее, и наконец наступил момент, когда терпеть дольше присутствие мага стало просто невозможно.

— Как я подозреваю, лорд старший дознаватель, — процедила я ледяным тоном, — вам никогда не удастся понять, какую душевную боль и обиду чувствуют невинные люди, подвергнувшиеся подобной жестокой проверке, и насколько им безразлично, ради чего над ними так поиздевались. Идите спать, я устала и хочу отдохнуть.

Отвечать он не стал, молча покинул мою комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

— Карауль, — приказала я наблюдавшему за нами Кышу, ставя перед ним блюдо с остатками завтрака, и отправилась в спальню, чувствуя себя такой разбитой, словно проскакала не менее тридцати лиг.

Во второй раз я проснулась, когда утреннее солнце почти ушло из комнаты, оставшись только на камнях наружного подоконника. Где-то неподалеку стучали молотки и грызли дерево пилы, деловито перекрикивались незнакомые мужчины, и ветерок заносил в комнату едва уловимый запах свежих стружек и дыма.

Повалявшись несколько минут, выбралась из постели и начала одеваться, пытаюсь разобраться в собственных ощущениях и желаниях. Обида и злость на заговорщиков исчезли почти бесследно, никогда я не умела ни на кого долго сердиться. Даже на тех, кто обидел меня не на шутку, если понимала, что сделано это было ради чего-то значительного. Например, ради спасения принцессы. Но встречаться сейчас с дознавателем все равно не желала, поэтому позвонила в колокольчик, вызывая Линту.

Кухарка пришла с чайником и хлебной корзинкой, улыбнулась мне так открыто, как никогда раньше, и, пока накрывала на стол, ответила на вопрос, где лорд Хаглен:

— Ушел спать в донжон и велел не будить.

— А там есть где спать?

До сих пор донжон почему-то представлялся мне горами обломков и мусора, среди которых на вывалившихся из стен камнях сидят собирающие магию гости.

— Там все есть, только магам слишком долго находиться нельзя, опьяняет, — с огорченным вздохом пояснила Линта. — Но он не хочет оставить замок без охраны. Хотя и мы с Петри не такие уж незащитные, да и ваш зверь двоих стоит.

— Я не маг, но умею стрелять из лука и бросать ножи, — пришлось признаться мне, раз зашел разговор о безопасности.

В таких случаях лучше знать заранее, кто на что способен, как говорит Луизьена.

— Вас мы в случае чего сразу отправим подальше, — преспокойно огорошила меня неожиданным признанием Линта, забрала поднос с грязной посудой и ушла.

И пока я ошеломленно жевала лепешки, запивая успевшим остыть чаем, в моем сознании происходил самый настоящий переворот. Только теперь до меня начало доходить, насколько серьезно и опасно все то, во что я вляпалась, и как может повернуть моя судьба, если император докопается до тайн Глоэна. Ну а о том, что никакой судьбы у меня не будет вообще, если это окажется герцог Бетдино, я знала с самого начала.

Отправляясь гулять, я уже отчетливо осознавала, как мало теперь волнует меня оранжерея и прочие хозяйственные заботы, и потому, спускаясь по лестнице, даже не подумала заглянуть в гостиную. И на парадное крыльцо тоже не пошла, не желая встречаться с плотниками. Прошла мимо столовой и кухни, спустилась по черному крыльцу и направилась в сад, туда, где под огромной яблоней Петерс натянул полотняный навес и расставил плетеную мебель.

Линта всегда приносила сюда с утра кувшинчик с квасом и сухарики, а иногда позже приходила и сама, выяснить, чего мне хочется на обед. Но сегодня на это можно не

рассчитывать, кухарка готовит большой котел похлебки и жарит рыбу, кормить рабочий люд.

Через час пришел Кыш, пахнувший рыбой и солнцем, видимо, валялся на берегу после завтрака. Я велела ему лечь, достала жесткую щетку и принялась расчесывать лохматую гриву — самое любимое развлечение полурга после поедания сладостей.

И никогда бы не заметила появившегося неподалеку магистра, если бы преданный зверь не приподнял голову, выразительно глядя в ту сторону.

— Вы пойдете на обед, мисс Вельена? — непринужденно усаживаясь на соседнее кресло, осведомился лорд, снова преобразившийся в рыбака, встретившего меня в первый день.

Простые штаны и рубаша с полураспущенной на груди шнуровкой, босые ноги. Только бородачки не было.

— Пойду, — кивнула я и сделала лорду комплимент: — А без бороды вы значительно моложе.

— Как? — схватился он за подбородок и замер с выпученными глазами.

Несколько мгновений смотрел то на меня, то куда-то вверх, на темно-зеленый полог, и наконец решился:

— Дайте мне руку, мисс Вельена... Да не бойтесь, я не кусаюсь.

— Я и не боюсь, — гордо вздернула я нос, даже и не думая выполнять распоряжение мага.

Не настолько я пока ему доверяю, чтобы беспрекословно подчиняться.

— Леди, — явно начал сердиться дознаватель, — я понимаю, как странно мы вели себя все это время... по вашему мнению, разумеется! Но и вы поставьте себя на наше место. Как сообщил мой доверенный человек, замок купила никому не известная сумасшедшая леди, которая уже едет сюда без слуг и охраны. Мы немедленно попытались разузнать, откуда вы взялись, но ближайшие родственники заявили, будто девица с таким именем десять лет назад сбежала с матросом и их следы затерялись где-то на просторах Южного моря.

— Слышала я эту байку, — фыркнула хмуро, — и никогда не понимала, как могли поверить в такую чушь хорошо знавшие меня родственники? Но мы сейчас говорили не об этом. Для чего вам моя рука? Запомните на всякий случай — я не позволяю вам брать мою кровь и проводить какие бы то ни было ритуалы.

— Я не прикоснусь к вашей руке, — метнул в меня возмущенный взгляд дознаватель. — Просто проведите ладонью по моему подбородку.

— Лорд Хаглен! — Мои руки сами спрятались за спину. — А вы уверены... что не слишком хватанули вашей магии?

— Что значит «хватанул»?

— Как мне сказали, маг начинает пьянеть, если долго находится рядом с источником. — Произнося эти слова, я внимательно следила за магистром, отлично зная, как сильно не любят выпившие признаваться в опьянении.

— И вы считаете меня настолько пьяным, чтобы приставать к вам с непристойными предложениями? — подозрительно прищурился дознаватель.

— Я пока ничего не считаю... но гладить вас не намерена!

Лорд на миг снова выпучил глаза, потом как-то странно хрюкнул, словно подавился, и вдруг начал смеяться. Сначала тихо, потом все громче и откровеннее и через полминуты хохотал так, как будто услышал невероятно смешную байку.

Я наблюдала за ним, снисходительно улыбаясь: все признаки налицо, хотя и не хватает винного духа. Но магия ведь не пахнет? И значит, сейчас тут хохочет, складываясь почти пополам, вовсе не лорд дознаватель, а переполняющая его энергия.

— Мисс Вельена, — отсмеявшись, лорд снова стал серьезен, но в глазах еще светились искорки этого ненормального веселья, — чтобы дойти до опьянения, мне нужно посидеть в донжоне еще часов пять, а этого я себе позволить не могу. Но и накопившегося за ночь резерва уже тоже нет. Я перенес в ваши комнаты сундуки и мебель и помог Петерсу починить лодку, он собирается плавать на западный берег за раками. А вас я вовсе не прошу меня гладить, просто собирался проверить ваш дар.

— Нет у меня никакого дара, — твердо отказалась я от причисления к клану магов. — И потому объясните подробнее, зачем вам нужна моя рука?

— Чтобы вы убедились, что моя борода на месте! — разочарованно огрызнулся лорд. — Я ее нарочно полчаса назад вырастил заклинанием, причем перед зеркалом! Но вы почему-то ее не видите... хотя постоите, у вас есть зеркальце?

— К сожалению, нет. — Мне с трудом удалось сдержать довольную улыбку: мисс Эвелина вынуждена была везде таскать с собой дамский кошель, где, кроме зеркала, лежали светло-сиреневая помада, пудра и прочие вещицы, необходимые для поддержания образа бледной моли.

— Боюсь, магическое не подойдет, — подумав, сообщил магистр. — Хотя...

Он как-то по-особому сощурился, щелкнул пальцами и придвинул их ко мне, словно протягивая какую-то вещь. Вот только ничего в его руках не появилось. Я недоверчиво взглянула на притихшего в предвкушении лорда, нахмурилась и присмотрелась внимательнее, так, как будто намеревалась отыскать крохотную соринку или занозу. Даже головой слегка повела, как делала, подбирая мозаику, чтобы тени легли иначе.

И вдруг поняла, что вижу, но не осязаемый предмет, а зыбкое призрачное марево, словно от сухой земли в жаркий день. И оно было круглым, более плотным по краям и тонким в середине.

Вот туда-то, в эту призрачную середину, я и ткнула пальцем и едва слышно охнула, почувствовав под рукой твердую поверхность неведомого предмета. Она была чуть теплой и слегка колючей, как расчесанная шерсть Кыша.

— Это что такое?!

— А что именно вы видите? — заинтересованно взирал на меня лорд дознаватель.

— Ничего. То есть почти, едва заметное марево, — начиная сердиться за эти шуточки, сухо зато сообщила я.

— Редчайший случай, — почти восхищенно уставился на меня Хаглен. — Почти полное неприятие магии и магических предметов. А вот я отлично вижу и это зеркало, и свою бороду в нем.

— Да? — С сомнением глянув на лорда, я наконец решилась, быстро протянула руку и провела по его подбородку пальцами. И то, что они ощутили, потрясло меня до такой степени, что неосознанно провела еще и еще. — В самом деле... мягкая... шерсть.

— Мисс Вельена... — Маг вдруг придвинулся ближе и как-то нервно сглотнул, глядя мне в лицо, а я смотрела на дернувшийся кадык и впервые в жизни не могла найти слов, чтобы достаточно вежливо, но твердо осведомиться, в чем дело.

И он понял это молчание по-своему — отбросил в траву призрачное зеркало и осторожно коснулся пальцами выбившейся из моей прически пряди волос.

— Вам говорили, как вы красивы?

— Нет... — не сразу нашелся ответ. — Вернее... некоторые говорили, но я не верила.

— Почему? — Лорд бережно поглаживал мой локон, потом почти невесомо провел пальцами по виску, опускаясь вниз по щеке к подбородку.

— Может, мне не стоит этого рассказывать? — сразу напряглась я, подозревая начало допроса.

— Не нужно... я сам расскажу. Ваши загадочные серые глаза иногда отсвечивают синевой закаленного кинжала... и тогда вы кажетесь самой колючей и недоверчивой девушкой в империи. Но иногда этот колдовской туман становится глубокой синевой вечернего неба... и в такие моменты все чудесным образом меняется. Для вас поют соловьи, распускаются ночные фиалки и покрываются лотосами озера, ради вашего взгляда хочется совершать подвиги и безумства.

— Хаглен... — зачарованно смотрела я в глаза склонившегося ко мне мужчины и почти с ужасом понимала, что еще мгновение — и я поверю во все эти сказки, — если вы шутите... лучше замолчите прямо сейчас.

— Наедине можете звать меня Род, и я не шучу, — невесело усмехнулся он, немного помолчал, нехотя отодвинулся и другим, более деловым и сухим голосом добавил: — Но пока отступлюсь. Просто не имею сейчас права на такие... поступки. Но постарайтесь не заводить поклонников, пока я решаю проблемы ее высочества.

— Каких еще поклонников? — неверяще вытаращила я глаза, чувствуя себя одновременно победившей и глубоко обманутой. — Вы думаете, плотники начнут оказывать мне знаки внимания?

— На плотников не надейтесь, в артели все люди надежные, семейные. — В глазах лорда дознавателя светилась насмешка, но в голосе скользнула тоскливая нотка. — А поклонники набегут во дворец. Я начинаю понимать, что с вашими способностями... ну или с вашим амулетом, вы сейчас значительно нужнее ей рядом, а не здесь. А теперь пойдете в дом, мне необходимо проверить, насколько сильна эта способность.

ГЛАВА 16

Магистр встал, подставил локоть, и у меня не хватило ни сил, ни упрямства, чтобы отказаться,

хотя через мгновение я уже пожалела об этом. Мои несмелые пальцы сразу попали в плен второй руки лорда, и она гладила и перебирала их, пока мы добирались до дома.

Но едва мы оказались в моей гостиной, маг нехотя убрал руку и предложил рассказать, что именно я вижу.

— Наглое вторжение в мои владения, — огрызнулась я, растерянно оглядывая комнату.

Эта очень светлая и праздничная гостиная была абсолютно не похожа на прежнюю, обставленную разномастными, потертыми и поцарапанными вещами. Их сменили новые буфет и стол благородного орехового дерева, мягкие кресла, прозрачные пышные занавеси на окнах и светлый пушистый ковер. На камине, как редким туманом, облитом уже знакомой призрачной дымкой, между привычными безделушками стояла красивая высокая ваза.

— Вот с камином что-то не так.

— Где ваше зеркало? — оглянулся лорд, и я побрела в спальню искать зеркало.

Тут тоже стало наряднее и уютнее, кровать обзавелась пышными и тоже призрачными занавесями, рядом появился новый столик на гнутых ножках. Найдя на комодике свою дорожную шкатулку, я достала небольшое зеркальце и первым делом проверила прическу, спрятав привлекший лорда локон. Лучше пока не напоминать ему о странном порыве, совершенном, как я огорченно подозревала, в магическом похмелье.

И уже направилась к двери, попутно проверяя, не слишком ли горят от непривычных мыслей щеки, как мое внимание привлекла какая-то странность. В зеркале мелькнуло нечто яркое, роскошное, но стоило оглянуться, как все исчезло. Я снова отвернулась и осторожно поднесла к лицу зеркальце, но смотрела теперь не на себя, а на кровать, накрытую шелковым, расшитым чайными розами покрывалом, на двойные занавеси — нижние, из сливочного шифона, и верхние, тяжелого золотистого шелка.

— Мисс Вельена? — позвал из гостиной магистр, когда я, оглянувшись, рассматривала призрачную ткань невнятного цвета. — Вы где там?

— Опыты провожу, — буркнула я с досадой, начиная понимать, как все непросто с этой магией и моими четками.

— Без меня? — Лорд дознаватель уже стоял на пороге, окидывая комнату быстрым, пристальным взглядом. — И что вы обнаружили?

— Что в зеркале моя кровать не хуже королевской.

— Вы мне льстите, хотя я старался. Но в лавках не было таких тканей, какие я хотел, поэтому взял первую попавшуюся и подправил магией. А что вы видите без зеркала?

— Мутные тряпки, как из тумана. — Кривить душой не захотелось.

— Но не прозрачные, как то зеркало?

— Нет. И камин не призрачный, только как в дыму... — Я ринулась в гостиную, встала к камину спиной и заглянула в зеркальце. — Ох...

Обрамленное серебром стекло отражало совсем не тот очаг, к которому я успела привыкнуть.

Кованые с позолотой решетки, светлый резной камень отделки, широкая мраморная плита, на которой, кроме вазы, стояли витые подсвечники одной с решетками работы.

— Жаль, что любоваться всем этим я смогу только через зеркало.

— Но вы же можете снимать ваш амулет? — осторожно поинтересовался магистр и получил в ответ мрачную усмешку:

— Нет.

И я не лгала. Когда мне пришло в голову снять с руки вязаный оберег со спрятанными внутри четками, я смогла лишь оторвать пару бусинок. Амулет держался как приклеенный, хотя в другое время его можно было сдвинуть даже выше локтя.

— Понятно, — задумчиво глянул на меня маг, подумал и спросил: — А на мне совсем не было платья, когда я приехал?

— Было. Но почти незаметное, как из тонкого серого шифона.

— Так... — Лорд прошел по комнате и вдруг оживился: — А вы сказали, будто видели мою бороду в день приезда?

— Но амулет я надела позже, когда стало совсем опасно, — пришлось слукавить мне.

— Вельена! — Маг в два шага оказался рядом, заглянул в мое несчастное лицо и с тихим рыком прижал к себе так крепко, как будто опасность грозила мне прямо сейчас. — Прости... но мы не хотели тебя пугать.

— И соблазнять тоже, — припомнила я.

— Я тебя не соблазняю, — лорд почему-то перешел на «ты», но, как ни странно, оскорбленной я себя не ощущала, — а Кэрдон попросит прощения. Но мы не имели права поверить на слово первой встречной девушке.

— Неужели вам неизвестно, как невероятны бывают случайности? — поинтересовалась я, пытаюсь выбраться из крепких рук лорда.

Очень мало походило это объятие на те, какими пытались осчастливить мисс Эвелину некоторые чрезмерно бойкие и любвеобильные лорды. Танрод просто бережно держал меня в кольце рук, прижавшись щекой к волосам, и не пытался ни сопеть в ухо, ни лапать за бедра.

— Известно. Но придуманные Бетдино интриги и способы добраться до невесты намного хитроумнее.

— Я никогда не встану на его сторону, клянусь памятью матери, — твердо пообещала я и нехотя попросила: — Отпустите... лорд Хаглен.

— Конечно, — тихо пообещал он и вдруг хитро фыркнул: — Если скажешь «Род».

— Недавно в саду вы мне говорили, будто еще не имеете права на такие поступки?

— И это правда. Но я же человек и не всегда могу справиться со своими... слабостями. Не сердись, Вельена, после обеда я уйду, леди Ванда должна сидеть в карете. А сейчас я покажу

тебе то платье.

Отпустив меня, лорд торопливо ушел, и в комнате сразу стало как-то холодно и пусто.

Я безотчетно обняла себя за плечи в попытке удержать ускользнувшее тепло и тотчас опустила руки, припомнив, как быстро умеет ходить лорд дознаватель. Почему-то мне казалось совершенно невозможным показать ему внезапно прорвавшуюся сквозь накрепко возведенный заслон тоску. По обычной жизни, какой живут тысячи людей, у которых есть с кем посидеть вечером у камина, поделиться радостями и сомнениями, и от кого ждать помощи в трудные моменты. Все то, что называется семьей.

Мне ее много лет заменяли работа, Луизьена и матушка Мелисанта, но в последнее два года я все сильнее ощущала подлые уколы одиночества, особенно больно вонзавшиеся в душу на разных праздниках и общественных балах, приглашения на которые неизменно присылали благодарные клиенты. Именно там мне всегда приходилось держаться в стороне от всего самого веселого. От розыгрышей и шуток до танцев и немудреных игр. Иначе рядом непременно оказывался чей-то подвыпивший муж или жених, жаждущий увеличить личный счет побед, а следом заявлялась оскорбленная жена, не желавшая потерять свое раскрасневшееся от вина сокровище, которое подло уводит наглая старая дева.

И хотя сама я никогда ничем не поощряла этих любителей острых ощущений, всю вину женщины, нимало не сомневаясь, уверенно сваливали на меня. А зачем бы еще было идти одинокой леди на гулянье, как не ради грубых объятий и намеков пропахшего вином и жареными колбасками существа с хитрыми наглыми глазками?

Распахнув окно, я присела на подоконник, подставляя лицо теплему, прогретому солнцем ветерку, и раздосадованно вздохнула. Как-то слишком меня оглушило и вывело из себя неожиданное внимание лорда дознавателя, почему-то никак не вязалось в моем представлении такое поведение с его суровой должностью. Да обычно магистры и не стараются ухаживать за неодаренными девушками, особенно всерьез, — из-за каких-то своих трудностей с наследованием дара. И мне вполне понятно это нежелание оставлять без способностей собственных детей.

Святая мать судеб... и о чем я только думала, позволяя ему меня обнимать? Ведь магистры не только по крови определяют наличие дара, а и прикосновениями, и чем они теснее, тем лучше маги ощущают потоки энергии. Некоторые ее даже видят и могут рассмотреть каждый амулет. Я до сих пор помню, как крепко немолодая магиня прижимала мои руки к плите определителя, когда мы ходили с Луизьеной за разрешением.

Значит, не поверил, решил лично проверить? Ну, это и к лучшему, больше будет ко мне доверия. И заодно за время его отсутствия у меня не вырастет никаких цветов или ростков надежды... кому, как не мне, знать, как больно потом выдирать их с корнем.

Магистр ворвался в комнату без стука, с ворохом тряпья в руках:

— Вельена, взгляни, какого цвета это платье?

— Серое, — кратко ответила я, радуясь, что не нужно смотреть ему в глаза.

— А это? — Теперь Хаглен держал передо мной какой-то шарф.

— Синий.

— Теперь взгляни в зеркало, и пойдем обедать. — Лорд дознаватель принес мне зеркальце и встал рядом, заглядывая вместе со мной.

— Мне так не видно, — нашла я предлог соскользнуть с подоконника и встать в сторонке, держа перед собой зеркальце.

— Платье — темно-голубое, а шарф синий, — отчиталась серьезно, как ученица, стараясь не замечать нахмурившегося лица лорда.

— Так я и думал, — буркнул он, сворачивая одежду и подставляя мне локоть. — Прошу.

— Вы идите, я буду через пять минут, — учтиво сообщила я и сбежала в спальню, не дожидаясь его ответа.

Почему-то стало невозможно снова идти рядом с ним и чувствовать, как жесткие пальцы очень нежно гладят мою руку.

Но еще больнее кольнула непонятная обида, когда я и в самом деле не обнаружила Хаглена в гостиной, вернувшись туда через несколько минут. Не было его и в коридоре, и на лестнице.

В столовую я входила нарочито неторопливо, сжав губы и приготовив холодную усмешку, но мага не оказалось и там, как и никого из постояльцев. «Видимо, сегодня мне доведется обедать в одиночестве», — садясь на свое место, осознала я и неожиданно почувствовала, как быстро разрастается в душе недавно проклюнувшаяся обида. И одновременно с ней усиливался страх за происходящее со мной.

Всего пару раз за всю мою жизнь мне довелось испытать так высоко превознесенную менестрелями влюбленность, и один раз это закончилось разоблачением поклонника, а во второй — горьким разочарованием. Тогда мне очень повезло, что Луизьена еще была рядом. Тетушка настоятельно посоветовала хотя бы несколько дней не показывать своего интереса к настойчивому поклоннику, пока она поподробнее не разузнает, чем занимается появившийся на моем пути лорд. Как выяснилось буквально через день, он был женат на приданом, к которому прилагалась довольно красивая, но очень властная леди. Вот от нее-то лорд время от времени и сбегал в объятия более неказистых и кротких возлюбленных.

— Лучше бы ты прорыдалась, — вздыхала тогда Луизьена, поглядывая, как лихо я расправляюсь с доставленной почтой, — сразу бы легче стало. Жаль, я не заметила этого прохиндея в первый же день, как он начал гулять возле нашего дома, но зато теперь могу быть за тебя спокойна. Ты из того редкого сорта девушек, которые обязательно делают выводы из печального опыта и никогда не встают дважды в одну лужу. Хотя жить таким намного сложнее, чем тем, кто безоглядно летит на каждый фонарь, зато если когда-нибудь ты найдешь настоящий самородок, то сумеешь отличить его от простого булыжника.

Милая Луизьена, как она была права! Я и в самом деле сумела рассмотреть этот самый самородок, причем даже далеко ходить не пришлось, в моем собственном доме обнаружился. Или нужно сказать — хорошо устроился? Тут и магия, и прислуга, и рыбалка... и хозяйка, которой можно тискать ручку и намекать на особые чувства.

Вот только мне почему-то от этих намеков ничуть не легче, наоборот. Хотя я пока не чувствую к нему ни особой любви, ни простого доверия. Да и какая может быть любовь, если я еще вчера как огня боялась лорда старшего дознавателя и его каверзных вопросов?

И вряд ли так просто смогу ему поверить, как бы мне этого ни хотелось. Нет, теперь, пока не выясню досконально, отчего магистр вдруг так резко изменил ко мне отношение, ему лучше держаться подальше. Хотя смешно лукавить с самой собой, на самом деле мне понравилась и его уверенность, и неназойливая опека.

Лорд-дознаватель появился в столовой, когда я уже доела первое и приступила к жареной рыбе. На этот раз он был одет как наемник и держал в руках тугой вещевого мешок. Пожелав приятного аппетита, Хаглен прошел к столу и деловито принялся за еду, стремительно нагоняя упущенное время.

Стало быть, очень спешит, само пришло ко мне понимание, и почти задавленная обида снова начала заливать душу, как перебродившее тесто.

— Вельена, — доев рыбу и бросив на стол салфетку, решительно повернулся в мою сторону магистр, — мне пора уходить, но я должен сказать самое важное. Я вернусь через несколько дней, но за это время тут побывают несколько гостей под моей личиной. Это для плотников — рабочие, нанимающиеся в такие заброшенные места, всегда держатся настороже. Теперь о магии... Как я понял, ты не видишь действующих фантомных заклинаний и вещей, созданных магией недавно, в которых еще больше энергии, чем застывшей материи. Позже я покопаюсь в книгах и проведу еще несколько опытов, чтобы выяснить более точно. К моему приходу собери самые нужные вещи, тебе придется отсюда уйти, но не придумывай себе никаких страстей. Все будет хорошо. Если что-то захочешь узнать — спроси Линту, она расскажет.

Не дожидаясь ответа, лорд поднялся со стула, подхватил свой мешок и направился напрямик ко мне. Осторожно взяв мою дрогнувшую руку, нежно прижал к щеке, на которой больше не чувствовалось недавней мягкости. А через несколько мгновений, напоследок мимолетно коснувшись моей ладони коротким поцелуем, шагнул к распахнутому окну и исчез. Просто растворился в свете летнего дня и стуке неугомонных молотков, словно его и не было.

— Чаю налить, мисс Вельена? — вырвал меня из потрясенного онемения мягкий голос Линты. — Попробуйте слоечки с малиновым джемом.

— Ты слышала? — вместо ответа уставилась на нее я.

— Ну, разумеется. — Магиня почему-то выглядела очень довольной. — И с удовольствием отвечаю на все вопросы, раз магистр разрешил. Только позже, у меня в духовке сдоба стоит.

— Можно пить чай на кухне. — Немедленно встав со стула, я захватила чашку и направилась к двери.

Мне просто необходимо немедленно понять, куда снова повернула мою тропу своенравная богиня судеб.

ГЛАВА 17

На кухне по-прежнему было почти до хруста чисто и уютно, пахло печеном и травами, стоявшими на подоконнике в нарядных горшках. Линта предпочитала сама выращивать укроп, петрушку и базилик и класть в супы свежесорванными.

— Рассказывай. — Устроившись с чашкой чая у окна, я приготовилась слушать страшные тайны лорда дознавателя.

— Сейчас. — Кухарка распахнула духовку, ловко подхватила широкий противень и пересыпала с него румяные плюшки на стол, накрытый чистым полотном. — Но сначала спрошу, много ли вы знаете про магов?

— Только то, что и все. Живут в Саркане под охраной цитадели, лечат за деньги простых людей и торгуют всякими магическими вещицами.

— А кто возвел Сарканскую цитадель? — продолжала допрос Линта, словно это не она должна была мне отвечать.

— Маги и построили, — пожала я плечами, точно зная, что, пока не получу ответы на все вопросы, и с места не сдвинусь, упорства мне не занимать.

— А откуда взялись маги, да и люди? — лукаво улыбалась Линта, присевшая к столу с чашкой чая и полной булочек вазой, и я начала понимать, что она знает намного больше, чем учителя и книги, учившие меня истории.

— Ну и откуда?

— Раньше магии на нашем континенте было больше, — вздохнула Линта. — Зато людей меньше. Здесь жили мудрые эльфы и воинственные гоблины, южнее, там, где сейчас пустыня Ар-залас, бродили орочьи племена, на островах Велейского архипелага жил морской народ. Людей вывели эльфы, но никто точно не знает, ради чего. Возможно, как домашних питомцев или рабочих для сбора ягод. Или просто поселили на границе как живой щит, чтобы не отвлекаться на охрану от созидания живых домов и созерцания прекрасных цветов. Но потом магии стало не хватать, и первыми ушли орки. Они любили мясо, а без магии бизоны и мамонты росли в несколько раз дольше и размножались хуже. Потом постепенно перебрались на южный материк эльфы и уплыли моряне. Дольше всех держались гоблины, они были внешне похожи на нас, только очень смуглы, и владели магией все до единого. После ухода эльфов они захватили людей, как бесхозное имущество, и превратили в рабов. Людям пришлось работать очень много, в лесах уже не росли хлебные и конфетные деревья, а лишенные магии земли отдавали урожай все неохотнее. Но все собранное забирали новые хозяева, оставляя рабам лишь объедки.

Линта печально вздохнула, жалея далеких предков, посмотрела на меня и продолжила рассказ:

— Гоблины не гнушались брать в постель рабынь, но не желали считать своими их детей, и постепенно выросло поколение полукровок, квартеронов и смесок, считавших себя чистокровными людьми. Но почти у всех были магические способности, и эти одаренные наблюдали за хозяевами, тайком брали их книги, учили заклинания и законы магии. А сила источников тем временем все таяла, от привольных потоков остались лишь редкие ручейки, и гоблинам приходилось все труднее. Не может рыба, привыкшая к морскому простору, выжить в луже. Многие бежали на южный материк, самые упорные искали сильные источники и сидели на них, как птицы на гнездах. Самым мощным на нашем континенте считался источник Сааркан, и возле него собрались самые упрямые из оставшихся гоблинов. Все остальные источники понемногу прибирали к рукам выходившие из повиновения люди с даром, и однажды заговор созрел. В одну ненастную ночь Саркан покинули все рабы, увозя с собой семьи и лошадей, унося самые ценные книги и амулеты. Гоблины отлично понимали, что им не выжить без работников, и попытались их вернуть. Самые сильные воины и маги ринулись в погоню, но их ждала засада.

— Значит, мы победили, — сделала я вывод. — Так куда делись гоблины?

— Все, кто не погиб, сбежали незримо путями. Хотя магия гоблинов тяжелая, им подчиняются все минералы и металлы, но они научились у эльфов открывать порталы. Не силой духа, а с помощью амулетов, напоенных магической энергией. Когда гоблинов не осталось, маги вернулись и заняли Саркан. С тех пор цитадель принадлежит им, и они стараются защитить ее как можно надежнее. Время от времени у стен Саркана появляются наслушавшиеся старинных легенд смуглые мстители с южного материка.

— Линта... — мне сразу стало понятно, к чему она ведет, — но раз они так похожи на людей, значит, могут прятаться среди нас? Запутывать ложью или подкупать щедрыми обещаниями?

— Обычно приходит какой-нибудь зеленый парнишка, вообразивший себя героем, — усмехнулась магиня. — Последний такой был более шестидесяти лет назад. Его даже ловить не стали, подождали, пока ослабеет без магии, и припугнули — заклинание возврата у них привязано к камню жизни. Нам вовсе не нужно, чтобы его родители примчались мстить, цитадель давно заключила с вожаками гоблинов мирный договор, тайный, разумеется, но эльфы были свидетелями.

— Линта, — насторожилась я, — а почему ты так спокойно рассказываешь мне такие важные тайны? Вдруг меня поймает шпион герцога и выпытает... напоит каким-нибудь зельем, алхимики у него сильные.

— У него и придворный маг неслабый, — снова непонятно фыркнула кухарка. — Но хуже всего даже не это. Герцог и сам кое-что может. Например, у него очень острая интуиция. Да и погоду он умеет предсказать не хуже мага третьей ступени. Но мы сейчас не о нем говорим, а об истории. Как ты понимаешь, за последнюю тысячу лет кровь постепенно смешалась, и теперь нет в наших пределах никого, в ком не было бы крови гоблинов. Хоть сотой части, но и этого достаточно, чтобы иметь способность к магии.

— Пустой разговор, — резко перебила я добрую женщину. — Меня два раза проверяли на способности. В пятнадцать лет и в двадцать один. И ни разу ничего не нашли. Так что об этом говорить не будем.

— Будем, — упрямо устояла на меня Линта. — Знаю я, как они проверяют. Вернее, на какой предел настроен определитель. А если настроить по-другому, то почти треть людей окажется одаренной, только очень слабо. И ты сама этих людей знаешь. Один никогда не выйдет из дома без куртки, если к вечеру ниоткуда нагрянет гроза, другой чаще всех находит потерянные растапами деньги, украшения и ключи. Третий всегда выгодно покупает товары, еще кто-то поднимает людям настроение одним своим появлением.

— А маркиз Сангирт очаровывает всех встречных женщин, — в тон магине усмехнулась я, начиная подозревать, насколько правдиво все сказанное ею.

— Да, у него есть дар, но очарование — не самая сильная его сторона, — спокойно подтвердила Линта. — И хотя он не позволял о себе рассказывать, я все-таки объясню то, что знаем мы все. Когда у лорда Варта полный резерв, ему очень трудно запереть свое очарование, но он старается в это время держаться подальше от придворных легкомысленных кокеток. Зато если лорд заметит, как недавно попавшую во дворец наивную девицу пытается соблазнить один из опытных хищников, давно сделавший эту грязную охоту любимым развлечением, он обязательно уведет глупышку из-под носа у подлеца.

— И чем ей от этого станет легче? — опешила я, услышав такой сомнительный комплимент.

— Такую, навязанную, влюбленность можно потихоньку свести к дружескому доверию, — покачала головой кухарка, — и помочь девушке найти истинные чувства. Или надежных покровительниц, не у всех же во дворце черные души.

— Линта, я могла бы поверить в чистоту и благородство намерений лорда Варта, если бы он не пытался соблазнить меня саму. И не было той странной истории с его женой.

— Ох, светлая богиня, — вздохнула она, — как вы запутались, леди! Вас лорд Варт проверял по приказу Хаглена, сам магистр не может, у него нет дара обаяния.

— Да? — задумчиво уставилась я на магиню. — А зачем меня обязательно нужно было очаровывать?

— Последняя проверка, — как неразумному ребенку, улыбнулась она. — Если бы вы были под подчинением или очарованием, то он бы сразу почувствовал. На ком уже висит чужое обаяние, того легче увлечь, магия-то одинаковая. Ну, вот как вино — если вы выпили один бокал, то это почти незаметно, зато второй может свалить с ног.

— Ладно... допустим. А жена у него за что погибла?

— Ох, леди Вельена! Нарушаю я ради вас все запреты. Их ведь поженили по стовору, когда он был совсем юным и дар у него еще не проснулся. А они друг друга не любили... И когда она встретила своего человека, Варт ее отпустил, ведь развестись им никогда бы не позволил его императорское величество Сибериус Третий, устроивший этот союз ради имперских интересов. Больше ничего не скажу... но никто не пострадал, в этом могу поклясться.

Несколько минут я потрясенно молчала, обдумывая эту новость и начиная догадываться, насколько больше у магов разных тайн, чем я привыкла считать.

Линта откровенно наблюдала за мной и наконец не выдержала, тихонько вздохнула и осторожно осведомилась:

— А о лорде Танроде вам ничего не хотелось бы узнать?

— Про него я кое-что знаю. Он магистр, старший дознаватель и ходит по дворцу в облике леди Ванды, — задумчиво перечислила я и добавила: — Вот имя наверняка ненастоящее, я никогда ничего о нем не слышала.

— Так ведь никто из простых людей не знает имени лорда главного имперского дознавателя, — виновато вздохнула кухарка, глянула на мое лицо, огорченно охнула и ринулась капать в стакан какое-то зелье.

Обычно я не беру и не пью чужих зелий, Луизьена настрого наказала, но тут проглотила кислую водичку, даже не задумываясь. И несколько минут сидела, закрыв глаза и стараясь взять себя в руки и заодно припомнить, сколько мне известно о главном дознавателе. Как оказалось, достоверных сведений очень немного.

Его кабинет находится где-то в башне правосудия, и лорд никогда оттуда не выходит, ни с кем не встречается и ни с кем не дружит. Как пояснила однажды Луизьена — чтобы ни у кого не было соблазна подкупить или запугать. Именно поэтому никто не знал ни его имени, ни звания, ни дома или родственников. И даже лица никто никогда не видел, на судебных

заседаниях лорд главный дознаватель всегда сидел в непроницаемой маске. А больше с ним негде было встретиться.

Мне он прежде представлялся огромным черным пауком, сидевшим на вершине башни правосудия, как в центре огромной паутины, и пристально следящим за мелкими паучатами, собиравшими по империи для него жертв.

И теперь я умудрилась столкнуться с таким страшным человеком, напасть на него и усыпить! А он за это потихоньку плетет вокруг меня какую-то непонятную и опасную паутину, отвлекая внимание своими объятиями и туманными обещаниями! Ох, Велья, ну и в гадкую же историю ты влипла! Вся империя знает, как ревностно чтят законы служители департамента дознания и судейства, не спуская никаких нарушений даже собственным родственникам и друзьям.

А я нарушаю эти самые законы всю взрослую жизнь, и если припомнить всех, кто сознательно или не очень помогал мне, то можно считать нас злостной шайкой с Луизьеной во главе, более десяти лет обманывающей и жителей империи, и ее правосудие.

И даже сбежать мне теперь не удастся, магистр все равно найдет и поймает, как поймал в той заброшенной хижине. А потом постепенно выпытает про найденную чужую, очень ценную вещь, которой я нагло пользуюсь, вместо того чтобы сдать ее ближайшему из дознавателей, и поедет Белья в холодный северный монастырь вязать носки имперским егерям.

— Мисс Вельена, — опасливо погладила мое плечо Линта, — ну из-за чего вы так плачете?

— Я не плачу! — отказалась я, провела ладонью по лицу и обнаружила текущие по щекам ручейки. — Лук у тебя тут злой!

И поспешно сбежала, не желая никого ни видеть, ни слышать. Нет у меня сейчас на это ни сил, ни желания, все равно я не смогу им поверить. Слишком разное у нас положение, и очень непохожими путями пришли мы в этот замок. Хотя и они хитрят, но людям с такой должностью, как у магистра, и положено закручивать таинственные интриги и придумывать ловушки и западни, в которые попадаются подобные мне неловкие нарушители законов.

Не знаю, как я оказалась на причале, да еще и на самом краю, свесив в воду ноги, и куда делись мои туфли. Смутно помнится лишь, как вылез из озера Кыш, бросил на нагретые солнцем доски еще трепещущую рыбину и, обдав меня россыпью брызг, лег рядом, подставив мохнатую голову.

Я чесала питомцу лоб и за ухом, гладила холку и рыдала все горше, представляя, как его посадят на цепь, когда меня тут уже не будет. И не замечала ни поблекших лучей уходящего за холмы солнца, ни посвежевшего ветра.

— Леди Глоэн! Мисс Вельена! — настойчиво звал за кустами Петерс, но откликаться у меня не было никаких сил.

Словно вдруг что-то сломалось внутри, какая-то очень важная, но хрупкая косточка, на которой держались все мои рассудительность, выдержка и самообладание. И вместе с ними с треском и скрежетом рассыпались вдребезги пока еще неясные, но заманчивые мечты и надежды, погребая под своими обломками широко распахнутое окно в светлое будущее.

— Мисс Вельена! — неожиданно прямо над моей головой раздался укоризненный голос Линты. — Чего же вы молчите?

А потом она вдруг свистнула по-птичьи и сразу же затараторила быстро и тревожно, как сорока, обнаружившая возле гнезда рысь.

— Ох, светлая богиня, да она почти без сознания... Петер, ее нужно унести... уведи зверя.

— Ты же говорила — дала белоцвет?

— Значит, мало дала... — Мне в рот почти насильно втиснули крохотную, невкусную пилюлю, и я покорно ее проглотила.

А потом меня подхватили теплые надежные руки, вызвав горький, отчаянный всхлип. Теперь только тут, подальше от ставшего ловушкой дома, я чувствовала себя свободной.

Очнулась на рассвете. Солнце, еще не успевшее подняться из-за нескончаемого леса, заливало комнату бледным, несмелым светом, свежий ветерок колыхал легкий шифон балдахина сливочного цвета. Несколько секунд бездумно смотрела на него, потом недоверчиво коснулась пальцами и подтянула ближе невесомую ткань.

— Мисс Вельена, — с мягкой улыбкой шла ко мне от двери Линта, держа в руках поднос с какой-то едой, — как вы себя чувствуете? А я вам чай принесла, сейчас умоемся и будете завтракать.

— Сколько я спала? — стараюсь говорить спокойно, процедила я.

— Не так уж много, у вас была горячка. — Магиня поставила поднос на столик и протянула ко мне ладонь: — Давайте помогу.

— Почему я уснула? — отодвинув руку, требовательно глянула в ее глаза.

— Я пилюлю дала... вам было нехорошо. — Она почти не солгала, но я ей больше не верила.

Не настолько мне было плохо и не настолько мало я соображала, чтобы нужно было усыплять меня на несколько дней. Объяснение Хаглена про магию и ткань я запомнила накрепко и теперь прекрасно видела, насколько ярче стали занавески балдахина.

— Линта, вы лжете, и я больше ничего из ваших рук не возьму и есть это не стану. И помощь ваша мне не нужна. Уходите.

— Мисс Вельена! — В потемневших глазах женщины ясно читалась обида. — Я не могу никому причинить зла! Особенно той, кого выбрал Танрод! Давайте я вам помогу... самой вам пока не дойти, после горячки сил всегда мало. А потом мы поговорим.

С этими словами она быстро протянула руку и решительно схватила меня за запястье. То самое, на котором красовался простенький и неказистый амулет, связанный из дешевых ниток.

И тут же громко вскрикнула, словно обжегшись, и отлетела на несколько шагов, весьма удачно попав в стоящее у стены кресло.

— Вы... меня?! — Ее губы обиженно задрожали, и мне пришлось немедленно закрыть глаза, чтобы не смотреть на это подлое лицедейство.

Все ясно, маловато у них было против меня обвинений, зато теперь добавится нападение на магиню, а это всегда карается очень строго. И теперь Глоэн достанется ей... Лорд дознаватель

состряпает личину, и им не нужно будет терпеть тут любопытную и упрямую хозяйку.

Дверь тихо хлопнула, но я лежала еще несколько минут, ожидая, не вернется ли Линта с поддержкой. А потом с большим трудом поднялась, по стенке доплелась до входной двери и заперла ее на все засовы и замки.

Посидела немного на спинке кресла, отдыхая, и, пошатываясь, двинулась запирать окна. Прежде чем закрыть последнее, свистнула Кыша и захлопнула створки, едва он влез.

Почти четверть часа сидела, собираясь с силами, потом поднялась и побрела умываться и одеваться. В этот раз я подбирала одежду не так, как привыкла, обосновавшись здесь. Я готовилась к дальней дороге и, возможно, заточению в подземных казематах, и все было самое прочное, немаркое и удобное. Мужские штаны, сверху темная юбка, всего по щиколотку, полотняная блуза и длинная, легкая дорожная куртка с капюшоном. Завершили наряд короткие, мягкие сапожки и пояс с самым необходимым. Как я слышала, подобные, нужные в дороге мелочи отбирают только у убийц и бандитов.

Примерно через час я была полностью готова, даже Кышу надела так нелюбимые им упряжь и седло. На завтрак съела завалявшиеся в буфете сухари и подсохший пирожок, запивая холодной водой из крана, и уселась в гостиной ожидать появления лорда дознавателя.

Я ничуть не сомневалась, что Линта уже сообщила ему о моем проступке, наверняка в ее почтовой шкатулке вовсе не три камня, как у меня. Ведь если бы кухарка захотела со мной поговорить, то она бы уже постучала в дверь.

Но магиня так и не пришла, и время тянулось медленно, как путь на каторгу, но я сидела неподвижно, стараясь ни о чем не думать.

И не жалеть о сделанном когда-то выборе. Годы, прожитые у Луизьены, были намного прекраснее, чем уготованная жадным дядюшкой судьба. А у меня остались воспоминания, способные скрасить предстоящие долгие одинокие вечера.

ГЛАВА 18

Подходило время обеда, и я уже подумывала, не поискать ли в буфете завалящий сухарик, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату шагнул лорд Хаглен. Окинул все вокруг пристальным взглядом, молча прошел в спальню, через секунду вернулся назад и, всматриваясь в мое лицо, присел напротив на край стула.

В проеме распахнутой двери безмолвным укором застыли Линта и Петерс.

— Вельена, — произнес магистр тихо и спокойно, — дай мне, пожалуйста, руку.

Я горько улынулась и протянула обе, так, как подают преступники, которых стражи намерены связать.

— Спасибо. — Он взялся за мой браслет, но я только усмехнулась про себя.

Хаглен ведь меня не предавал, я ему изначально не верила. И, как оказалось, правильно делала, работа у него такая.

А вот кухарке я доверяла и даже считала ее почти подругой.

— Ты можешь сказать, за что рассердилась на Линту? — очень мягко спросил лорд дознаватель, и я мысленно похвалила его за умение вести допросы.

— Да. — Ответ на его вопрос был уже готов. За последние несколько часов я тщательно обдумала произошедшее и осознала, почему так больно ударил меня обман Линты. — Она же знала, как мало мне осталось здесь пожить... всего несколько дней... и нарочно все эти дни поила меня своими пилюлями, не давая проснуться. Я не знаю, чего она так боялась, но, на мой взгляд, это самое подлое, что можно сделать, — украсть у человека последние свободные деньки.

— Танрод, клянусь... — неожиданно обиженно всхлипнула магиня, — я же все эти дни просидела с ней рядом, переживала, как за родную... Она ведь не в себе была, когда мы с озера принесли, ноги посинели, глаз не видно, саму трясет...

— Я все понял, — решительно поднялся лорд и властно потянул меня к себе, заставляя встать. — Петерс, выводи зверя на заднее крыльцо.

— Он и сам пойдет, — возразила я и пошатнулась.

— Ты же на ногах не стоишь, — укоризненно вздохнул лорд главный дознаватель, подхватывая меня на руки. — А куда-то собралась.

— В казематы... — В моем голосе против воли прозвучала горечь. — Но я ее не нарочно...

— Светлая богиня, — еще громче зарыдала Линта, но мы уже миновали и ее, и мрачного Петерса, стремительно промчавшись по лестнице и коридорам.

— Вельена, — твердо сказал маг, посадив меня на замершего возле крыльца Кыша, — сейчас я перенесу тебя во двор своего дома в пригороде Тагервелла. Мне удобнее отправить сначала тебя с питомцем, а потом пройти самому, так тратится меньше энергии. Ты можешь подождать меня там минут двадцать? Никуда не побежишь и не начнешь паниковать?

— Я же не полоумная, — хмуро буркнула, стараясь не смотреть ему в лицо, жадно оглядывая камни ограды, колодец и аккуратно выметенные плиты двора, между которыми давно не росли никакие сорняки. — Бежать, когда ваша светлость повесила на меня какой-то маячок.

— Ладно, — досадливо поджал он губы и сухо пояснил: — Там есть фонтанчик и рядом беседка, подожди в ней. Готова?

Я только пожала плечами — а куда мне деваться?

Хаглен отошел в сторону, уже знакомо махнул руками, словно накидывая на нас невидимую сеть, и я невольно крепче прижалась к шее Кыша, чтобы маг не заметил пробившихся слез. Вот и закончилась моя жизнь в старом, запущенном замке, заброшенном в невероятную глушь, зато ставшим моим первым собственным жильем.

На миг потемнело, и тотчас на меня набросился неожиданно горячий, пахнущий спелыми яблоками порыв ветра. Он ласково погладил мои щеки, вмиг высушил мокрые ресницы и растрепал гриву Кыша.

Я поспешно огляделась и невольно зачарованно вздохнула — это было одно из тех местечек, где моя душа наполнялась печалью и светлой завистью. У них должно быть все просто

прекрасно в жизни, у тех, кто живет в домах с такими уютными двориками, где нет ничего лишнего, зато есть все необходимое для спокойного отдыха.

Двухэтажный домик с высокой крышей и башенкой огибала выложенная желтоватыми плитами неширокая дорожка, аккуратно обходившая маленькие круглые клумбы с кустиками роз и георгинов. От этой дорожки к стоящей неподалеку беседке через бархатную изумрудную травку мимо чаши небольшого фонтанчика вилась присыпанная чистым песком тропка. Совсем узенькая, двоим не разминуться, но, похоже, много людей тут никогда и не бывает.

Вдоль высокой каменной изгороди живым заслоном росли сосны, ели, туи, березы и клены, подбитые снизу сиренью, шиповником и боярышником, и чудилось, будто дом стоит на полянке посреди смешанного леса.

Спрыгнув с Кыша, я направилась в беседку, где было велено дожидаться хозяина. Тут оказалось так же чисто и уютно, под задернутыми зеленым тюлем проемами стояли удобные кресла и кушетка, на невысоком столе — ваза с цветами, кувшин с каким-то напитком и накрытое салфеткой широкое керамическое блюдо.

Я села подальше от стола и пренебрежительно усмехнулась, не настолько плохо я воспитана, чтобы шарить по чужим тарелкам. И Кыша, заинтересованно принюхивавшегося к содержимому блюда, тоже прогнала, в замке он не голодал, наоборот, отъелся на дармовой рыбе, шерсть так и лоснится. Поэтому двадцать минут потерпит, а потом станет ясно, куда его определяют.

Хаглен пришел раньше назначенного времени, возник посреди двора и сразу ринулся в беседку. И еще широко шагая, успел все рассмотреть, чему я несколько не удивилась. Если вдуматься, внимательность — одно из главных, необходимых дознавателям качеств.

— Вельена, — усевшись в соседнее кресло и взяв меня за руку, очень серьезно проговорил лорд, — Линта, несомненно, виновна, и извиняет ее лишь одно — до этого ей никогда не приходилось не только попадать в такие ситуации, но и слышать о них. Я сам встречаю подобное всего второй раз и виноват не менее ее, хотя даже подумать не мог, как все непросто.

— Я ничего не понимаю, — пробормотала я, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Я все объясню... Но сначала ударь меня, поверь, я заслужил это намного больше Линты.

— Лорд Хаглен! — вспыхнуло в моей душе возмущение. — Это кем же вы меня считаете? И за что мне вас бить? Я вам с первого дня ни капли не верила, замечала, как вы меня допрашиваете, очень ловко наводя на интересующую вас тему, и потому не чувствовала к вам никакой симпатии. А Линте поверила, она казалась похожей на тех женщин, которые помогали мне все эти годы, и потому от нее такой подлости никак не ожидала! Я ведь сама проглотила ее проклятую пиллюлю, а обычно ни у кого не беру никаких напитков и никаких зелий!

— Спасибо, — губы мага кривились так, словно он съел лимон, — и от Линты тоже. Ты даже не представляешь, как она сейчас там рыдает.

— Да с чего ей рыдать? — не поверилось мне. — Неужели у нее закончился белоцвет?

— Откуда ты знаешь про белоцвет? — тотчас насторожился Хаглен, но я не дала увести себя в сторону.

— Слышала, как Петерс спрашивал. Но сейчас мы говорим о том, почему плачет Линта.

— Она взяла с меня слово, — хмуро признался магистр, поворачивая один из камней на звезде старшего дознавателя, висящей на его груди, — первым делом узнать, за что ты ее ударила.

— Я ее не ударяла, — твердо глядя в глаза мага, отчеканила я. — Сознательно. Это амулет. Когда я на кого-нибудь очень обижена или сердита, ко мне лучше не прикасаться. И я ее честно предупредила, даже руку отодвинула. Но она меня схватила... резко... Мне тогда показалось, что это снова проверка.

— Линте пришлось несколько лет работать сиделкой, и она привыкла, что зачастую больные попросту привередничают. А ей нужно было побыстрее тебя умыть, накормить и бежать на кухню, выдавать завтрак плотникам.

— Она могла мне объяснить? — выдохнула я несчастно. — Ведь на это нужна всего минутка, плотники бы не умерли. И зачем было поить меня этим белоцветом столько дней? Кстати, вы же знаете, сколько я спала?

— Три дня, — виновато опустил голову лорд дознаватель, и я сразу почувствовала неладное. — Раньше я не мог туда попасть.

— Так... — Вот теперь я начинала понимать, где начало этой истории. — Значит, она меня потому и поила, чтобы дождаться того дня, как вернетесь вы?

— Вельена, я же сказал тебе, что виновен больше, чем Линта? — поморщился магистр. — И о том, что всего второй раз встречаюсь с таким случаем, — тоже. Но в первый раз был мужчина, воин, и с ним было немного легче, он неприхотлив и привык держать в руках свои эмоции. И то едва не разнес постоянный двор.

— Лорд Хаглен, — немного обдумав его слова, вежливо произнесла я, — мне почему-то кажется, что вы нарочно меня запутываете. Поэтому задам вопрос прямо. Как вы намерены наказать меня за нападение на Линту и все прошлые проступки?

— Вельена, о чем ты говоришь? — ошеломленно вытаращил глаза лорд дознаватель, и мне очень, просто до жути, захотелось ему поверить. — Разве Линта ничего тебе не объяснила?

— Объяснила... — закусила я губу, потому что та боль снова подступила к сердцу. — Вы главный дознаватель и расследуете мое дело.

— Какое дело? — нахмурился Хаглен и крепче стиснул мою руку. — Разве ты не поняла, по твоему делу уже был суд и тебе все вернули, я ведь привез подписанное императором постановление?

— А те люди, которые прятали меня от дяди... — искала я подвох. — Разве мне ничего не будет за то, что я их не выдала?

— Ты хочешь их назвать? — насторожился лорд.

— Никогда. Они самые лучшие и всегда останутся для меня такими. Я точно знаю, без их помощи мне пришлось бы очень плохо... возможно, я вообще бы не выжила.

— Ну и почему я тогда должен тратить время на их поиски? Неужели ты считаешь, будто мне не хватает бандитов, казнокрадов и убийц?

— Тогда... — мне никак не удавалось высказать тревожащую мысль, — почему мне нельзя было эти три дня погулять по своему дому?

— Я уже сказал, — устало вздохнул маг, — она сильно испугалась. Ты была в невменяемом состоянии, Петерс помочь ей не мог, ему подчиняется вода и отчасти земля. Как отпустить тебя, вдруг ты снова куда-нибудь побежишь? Ведь никакого маячка, которого ты так боишься, я на тебя не вешал. Когда ты сбежала, меня сумели разбудить только к утру, кстати, где ты взяла то зелье?

— Один человек привез из Хамдира, — уклончиво ответила я и хмуро пояснила: — По его мнению, молодой девушке нужно иметь такое на всякий случай.

— Понятно, — мрачно ухмыльнулся лорд. — Против таких снадобий я амулеты не настраивал, впредь буду умнее. Так вот, мы с Вартом помчались за тобой, но в деревне рыбаков ты так и не появилась. Стало ясно, что свернула на юг, но найти человека в тех местах — почти невозможное дело. Оставалось одно — искать тебя с помощью Кыша. Он наполовину ург, а урги — существа, созданные гоблинами при помощи магии. Гоблины не кормили своих зверей и не ухаживали за ними, просто призывали к себе по мере надобности. Мне повезло, в библиотеке цитадели нашлось описание ритуала призыва. Вот этот призыв я и использовал, но Кыш ринулся прочь, едва меня рассмотрев. Пришлось гнаться за ним, и можешь поверить, такой скачки я и врагам не пожелаю. Чтобы не отставать, мы поили лошадей особым зельем, и после они пять дней не вставали на ноги. Поэтому, когда мы добрались до твоей хижины, магии в запасе у меня оставалось только на один перенос.

Он смолк, предоставляя мне самой додумать остальное, даже не догадываясь, что я уже успела сложить кусочки мозаики и получить законченную картинку, и вызвать у меня чувство вины или сострадания будет не так просто. Хотя сейчас мне искренне жаль, что все так получилось, но они с маркизом все же виновны больше.

— Лорд дознаватель, — откровенно вздохнула я, обдумав сказанное им, — теперь мне ясно, как чувствовали себя в тот момент вы. Но хочется услышать ответ на три... нет, на два вопроса. На третий я могу ответить и сама.

— Задавай, — согласно кивнул маг, упорно продолжая нарушать этикет.

И в этот момент в беседку протиснулся Кыш, которому явно надоело сидеть в такую жару на привязи. Да и содержимое стоящего на столе блюда моего зверя тоже волновало, Кыш принялся к нему с весьма заинтересованным видом.

— Можно его отпустить? — решила я воспользоваться отсрочкой наказания, в которую пока не верила.

Легко ему прощать скромную послушницу Вельену, десять лет чинно ходившую по чистеньким деревянным дорожкам монастыря Святой Матери в Дебруине. Какие у нее могут быть нарушения законов? Меня ведь даже в подготовке планов мести жадному дядюшке обвинить нельзя. Зато Эвелина Бенро почти никогда не пользовалась во время исполнения заданий Луизьены проложенными тропками. Наоборот, скрывалась в кустах, перелезала через заборы, заглядывала в чужие окна, вскрывала чужие письма.

— Конечно, и лучше снять с него седло, тут жарко. Да и я бы с удовольствием переоделся, — немедленно улыбнулся мне хозяин дома и осторожно добавил: — Может, отложим беседу на несколько минут? И мне кажется, Кыш не против чего-нибудь съесть.

Я невольно усмехнулась, мне и самой давно хотелось есть. Не знаю, чем не понравилась лорду моя усмешка, но он задумался всего на миг, потом решительно сдернул с блюда салфетку, рассмотрел красиво выложенные горкой тарталетки и нахмурился:

— Почему ты не стала пить чай?

Мои губы сами сложились в очередную кривую ухмылку — смешно и унизительно объяснять очевидные вещи.

— Все понятно. — Лорд подвинул к себе блюдо, выбрал пару самых привлекательных, на его взгляд, тарталеток, втиснул мне в руки и выразительно кивнул на дом: — Сжуешь по дороге.

Потом сунул одну в свой собственный рот и, поставив остальное прямо на пол перед полуургом, принялся быстро и ловко снимать с него упряжь.

Я проводила исчезающее в пасти мохнатого друга угощение завистливым взглядом и послушно направилась в сторону дома. Тарталеток хватило всего на половину дороги, и я их не жевала, а смаковала, начиная жалеть о собственной принципиальности и в глубине души точно зная, что и впредь никогда не поступлю иначе.

Хаглен догнал меня на последней ступени высокого крыльца, ловко обошел и широко распахнул солидную дубовую дверь.

— Прошу. Комната для тебя приготовлена на втором этаже, на двери написана цифра два. У меня гостили племянники, им так было удобней. Твои сундуки уже там, как переоденешься — приходи в столовую, — распорядился лорд, свернул налево и скрылся за ближайшей дверью.

— Давно бы так, — ехидно бурчала я, поднимаясь по неширокой лестнице с изящно выгнутыми столбиками перил. — Выдал четкие указания — и все довольны. И мне понятно, и самому спокойно.

А в душе начинала потихоньку таять непонятно когда разросшаяся тяжелая ледяная глыба невыносимого отчаяния.

ГЛАВА 19

Комната, обставленная добротной, потемневшей от времени резной мебелью, с обитыми кожей креслами и вместительным, в полстены, шкафом, но с нарядными гобеленами и светлыми занавесями, оказалась очень уютной. И хотя она была всего одна, зато старинная деревянная кровать стояла в глубокой нише, вместе с такой же основательной тумбочкой, над которой висело большое овальное зеркало в серебряной раме. С другой стороны от кровати нашлась узкая дверца в умывальню, и я не могла не признать удобства этого расположения.

А еще комната смотрела окнами в сад, я немедленно это проверила, выйдя на маленький балкончик, защищенный коваными перилами. Но сильнее всего мне понравилось ощущение защищенности, возникшее почти сразу, как я сюда вошла. Вся эта крепкая, выдержавшая немало зим и житейских бурь мебель, от пуфика до дивана с украшенной позолоченными шляпками гвоздей высокой спинкой, казалась немим залогом надежности и безопасности этого дома.

Зачарованно вздыхая, я обошла ее, рассматривая вазы и картины, выложенный плиткой аккуратный камин, сложенный явно не для отопления, а для уюта, — зимы в Тагервелле были очень теплыми. Когда наша Равернская империя только создавалась из нескольких королевств,

мудрый и решительный император Юниус подписал указ о переносе столицы из Раверна в захолустный тогда Тагервелл, оборвав все возмущения и протесты одной веской фразой.

— Намного проще, — сказал он, свысока глядя на своих советников и наместников, — сейчас нарисовать план, где будут предусмотрены все площади, здания и крепости, необходимые столице мощной империи, и построить их на свободных холмах благодатного края, чем потом двести лет расширять старый город, за сотни лиг таская в болотистую пойму Равы камень и песок.

Вот уже более пятисот лет жители столицы и многочисленных окрестных городков и сел прославляют его мудрость, почти до зимнего солнцеворота обрывая с поздних яблонь огромные крепкие яблоки и обходясь в холодное время года всего парой возов дров.

Наткнувшись на почти незнакомые мне сундуки, к которым так и не успела привыкнуть в Глоэне, я как-то сразу вспомнила, как хочется есть, и заторопилась.

Раз Хаглен велел переодеться и обещал покормить, значит, у меня еще есть время тщательно подумать, стоит ли открывать ему все свои секреты. А может, даже удастся посоветоваться с Луизьеной, могу же я навестить родовое имение, раз меня не собираются отправлять в северный замок для знатных преступниц?

Разбирая одежду, уложенную так аккуратно, как это делают только модные портнихи, я невольно забеспокоилась. Слишком недешевыми оказались платья с виду довольно простого фасона, зато из дорогой ткани и с причудливой отделкой. И это было неспроста, моя интуиция едва ли не в голос кричала, предчувствуя хитроумную интригу или огромный подвох.

И только оглянувшись на приветливо распахнувшийся дубовые дверки шкаф, я сумела взять себя в руки. Выбрала самое подходящее к обеденному времени легкое платье и решительно направилась в умывальню.

А уже через десять минут спускалась по лестнице, со смущением и невольным удовольствием рассматривая в висевшем на стене большом зеркале стройную фигурку идущей навстречу миловидной шатенки в темно-голубом платье и с изящно уложенными локонами.

Вот прическа оставалась той же, саквояжа со своими париками я, к сожалению, пока не обнаружила.

Дойдя до нижней ступеньки, я с минуту раздумывала, где искать столовую, потом решила идти на запах.

И попала на кухню, сразу это поняла, едва открыв дверь. Ряды сверкающих сковородок и кастрюлек на специальных крюках, шкафчики с множеством ящичков и распахнутое окно, возле которого у стола колдовал над блюдом с жареной уткой стройный мужчина. Он тоже успел переодеться в темные замшевые штаны, туго облегающие узкие бедра, и просторную белоснежную рубашку с распахнутым воротом. На лоб падало несколько рыхлых прядей еще влажных после умывания волос, а серые глаза были сосредоточенно-серьезны.

— Извините... — догадавшись, что он пока не заметил моего прихода, произнесла я, — а где у вас столовая?

— Вельена? — вскинулся лорд и замер, изучающе разглядывая меня все расширяющимися глазами и забыв, что из перечницы продолжает сыпаться тонкая, ярко-алая струйка.

— У вас перец просыпался, — вежливо сообщила я, стараясь не смотреть в странно задумчивое лицо лорда.

— Какой... А! — Он махнул рукой, над уткой поднялось алое облачко и улетело в окно. — Потерпи еще минутку.

— Я просто не нашла столовую, — пришлось мне пояснить свой приход.

— Вход справа от тебя, — дернул плечом маг, торопливо составляя на поднос соусники и салатницы.

Я повернулась направо и только теперь обнаружила рядом с собой широко распахнутую дверь, за которой виднелась довольно свободная светлая комната. Посреди нее стоял круглый стол, накрытый свежей скатертью.

Еще в столовой были ведущие на небольшую веранду наполовину застекленные двери, и первым делом я направилась к ним, чтобы убедиться — с веранды по аккуратной лесенке действительно можно попасть напрямиком в сад. И если мне придется прожить здесь несколько дней, то именно по этим ступеням я и буду ходить к Кышу. Разумеется, если хозяин дома найдет для него местечко.

Представить, что моего мохнатого друга могут поселить не рядом со мной, оказалось очень тяжело, и пришлось дать себе слово не думать об этом хотя бы до вечера.

— Вельена, — окликнул Хаглен, — все готово.

И пока я шла к столу, рассматривал меня все с той же пронзительной заинтересованностью, но я твердо решила ни на что не обращать внимания до тех пор, пока не выясню всех своих вопросов.

Некоторое время мы ели молча, и, судя по аппетиту, лорд проголодался не менее моего. Но постепенно, по мере того как в желудке становилось теплее, в голову начали возвращаться нерешенные вопросы, и настроение снова начало портиться.

Только наивные селянки беспрекословно верят обещаниям и объяснениям таких умных и проницательных мужчин, как лорд дознаватель. Но я и сама не раз раскрывала для клиенток коварные и подлые замыслы их мужей и возлюбленных и твердо знаю, насколько редки мужчины, откровенно говорящие женщинам все, что о них думают. И как мало на самом деле они думают про женщин, если у них имеются неоконченные важные дела.

— О чем ты хотела спросить? — как только я отодвинула тарелку, нарушил молчание Хаглен, давая понять, что не забыл своего обещания.

— Сначала о том, почему вы с маркизом ничего не сказали мне там, возле заброшенной хижины. Ведь мы могли бы договориться, я хотя бы не считала в тот момент, что вы собираетесь меня убить... потому и обняла на прощание Кыша. Еще о том, для чего вы меня выбрали, ну и о ваших странных словах про какого-то мужчину, который разнес трактир.

— Умеешь ты задавать вопросы, — помрачнел лорд дознаватель. — Невольно начинаю чувствовать себя преступником. Но раз обещал, начну с последнего вопроса, он многое тебе объяснит.

— И о том, почему вы упорно нарушаете правила этикета? — сорвалась с моих губ дерзкая усмешка.

Но раз я пока не признана преступницей, то могу позволить себе такую малость?

— И это тоже, — хмуро кивнул Хаглен, — и многое другое. Но сначала я приглашу магистра Доуррена, он еще раз проверит мои предположения и все объяснит тебе лучше меня. Но запомни, о принцессе, Глоэне и последних происшествиях ему ничего говорить не следует. А если спросит, почему ты здесь, — я заинтересовался тобой после суда над твоим дядей, предложил заключить помолвку, и ты согласилась пожить в моем доме, пока не узнаешь меня получше и не примешь окончательного решения.

Он говорил все это, крутя в пальцах десертную ложечку и не глядя мне в лицо, и я бы поверила в полнейшее безразличие лорда к моей особе, если бы кожа на его скулах не натягивалась все туже и не сжимались в безнадежной усмешке тонкие губы.

— Понятно, — очень осторожно согласилась я, хотя понимала еще меньше, чем полчаса назад.

Зато в душе вдруг возникла зыбкая, почти безумная надежда на снисходительность лорда главного дознавателя к моим собственным проступкам, если я помогу ему в его заговоре с принцессой. Хотя я и без того уже знала, что буду делать все, о чем бы она ни попросила, в счет нашей давней дружбы. Да и глупо бросаться предложениями, от которых зависит будущее благоволение императорской семьи. И хотя я пока не знаю, все ли из них участвуют в заговоре или хотя бы догадываются о нем, на деле это ничего не меняет. В случае победы все станет явным. Ну а про поражение лучше не думать, тогда мне придется доживать жизнь в Глоэне или где-нибудь еще подальше.

— Кстати, меня и в самом деле зовут Танрод, но не Хаглен, а Ледхар, и официально я служу во дворце архивариусом, постарайся не забыть, — строго предупредил лорд, пристально глянул мне в лицо, словно собирался разглядеть на нем непонятно какую подсказку, и со вздохом щелкнул пальцами.

Тотчас раздался мелодичный звон, запахнулись ведущие на веранду двери, и я рассмотрела возникшего там мужчину в светлой накидке имперского целителя.

А в следующую секунду позади него раздался тихий, но грозный рык, и на ступеньки одним прыжком взлетел мой питомец.

— Кыш! — закричала я, срываясь со стула. — Нельзя!

— Зря вы так волнуетесь, леди, — с мягкой усмешкой смотрел на меня всем известный целитель императора барон Доур ле Консаго. — Гимдарские медведи никогда не нападают на людей.

— Да? — не совсем правдоподобно удивилась я и тотчас с учтивой улыбкой поправила: — Я об этом слышала.

Ведь и действительно слышала, хотя непонятно, когда мой полуург успел стать гимдарским медведем?

На мой немой вопрос лорд дознаватель ответил короткой улыбкой, но во взгляде ясно светилась досада. А еще он с намеком косил глаза куда-то вправо. Попытавшись разобраться в этих странных сигналах, я невольно глянула туда же и обнаружила большое зеркало.

Непонимающе нахмурилась, потом все же шагнула ближе и заглянула в светлое стекло, рассматривая свою прическу, а заодно и все находящееся за ней.

И вскоре озадаченно замерла, забыв притвориться невозмутимой и равнодушной. Возле стола, на том самом стуле, с которого секунду назад на меня укоризненно смотрел лорд Хаглен, сидел незнакомый мужчина лет на двадцать старше и раза в три малопривлекательнее лорда главного дознавателя. У него было длинное унылое лицо с бакенбардами, ястребиным носом и широкими кустистыми бровями, из-под которых хитро поблескивали черные колючие глаза. Видимо, так и выглядит во дворце архивариус Танрод Ледхар.

А на полу рядом с ним, приоткрыв в ожидании очередной кости рот, сидел темно-серый гимдарский медведь. Эти ленивые и неповоротливые звери, давно не водившиеся на воле и постепенно разучившиеся добывать себе пищу, жили только в различных монастырях и крепостях, где их держали только из-за невероятно тонкого нюха и отвращения к подпорченным продуктам. Никто, кроме этих огромных безобидных меховых игрушек, не мог точно определить, стоит класть в котел солонину из только что открытой бочки или лучше сразу же скормить собакам.

В последние годы эти звери стали довольно модны и у знатных господ, и теперь я наконец поняла, как собирается прятать моего полуурга лорд Танрод.

— Ты не ошибся, — произнес лорд Доур, бывший в зеркале самим собой, и я поспешила обернуться, чтобы рассмотреть его счастливо сияющее лицо, — редчайший случай. Позволь поздравить с такой находкой! Ты решил сам ею заняться?

— Ну у меня же все права, — самодовольно усмехнулся архивариус, вмиг превратившийся в привычного лорда Хаглена. — Но к тебе будет одна просьба. Леди Вельена весьма недоверчива... не можешь ли ты объяснить ей, с чем меня сейчас поздравляешь?

— Разумеется, — охотно согласился целитель, и близко не подозревая, как мало я верю тем мужчинам, которые всегда готовы подтвердить любое заявление своих друзей.

Еще меньше, чем самим этим друзьям. Но самый учтивый вид все же сделаю, выслушаю их доводы с показным вниманием и с готовностью соглашусь с любыми, даже самыми дикими доказательствами.

— Итак, леди Вельена, сколько вам известно о магии и магах?

— Ровно столько, сколько сообщил лорд Ледхар, — скромно опустила я глазки, ведь говорить обо всем, касающемся Глоэна, мне запретили. Вернее, попросили не говорить, но разница невелика.

— Тогда вы уже знаете, что магические способности есть почти у каждого жителя империи, — решительно бросился в море объяснений лорд Доур, и я поспешила устроиться в кресле, ожидая продолжения той истории, которую рассказала Линта. — Но самых одаренных можно выявить в одиннадцать-двенадцать лет, иногда раньше или немного позднее. И до сих пор был известен только один случай, когда способности внезапно проснулись у тридцатилетнего мужчины. Ваш стал вторым, можно с уверенностью сказать, что сейчас ваши способности где-то на уровне ученика.

— А вы уверены? — скептически смотрела я на целителя. — Разве не бывает ошибок и никто до сих пор не принимал за способности действие сильного зелья или амулета? И что значит «меня выбрали»?

— Возможно, кто-то другой и мог бы случайно ошибиться, хотя и на короткое время, — гордо задрал нос лорд Доур, — а у меня основная способность — чувствующего! И я никогда не спутаю даже самый мощный артефакт и живой родничок энергии! И поэтому поздравлял Танрода: найти проявившегося мага очень большая удача, и никто бы на его месте не отказался взять новичка в ученики.

— Вот как, — протянула я, задумчиво покосившись на примолкшего хозяина дома, нахально пичкавшего моего зверя остатками утки. — А разве не положено при этом спрашивать этого самого новичка, хочет он становиться учеником или нет? И чьим именно учеником? Может, я хотела бы учиться у кого-то другого?

— К сожалению, — с живым сочувствием смотрел на меня лорд Доур, и теперь у меня больше не было сомнений в правдивости его слов, — начинать учиться вам нужно, и как можно скорее, иначе не находящая выход энергия будет с каждым днем все сильнее портить ваш характер. Ведь магия пробуждается не от хорошей жизни... того самого воина подло предала невеста, и он разнес несколько строений, прежде чем нам удалось его успокоить. И у вас наверняка скоро начнутся истерики и приступы отчаяния или даже ярости. А первого учителя никто не выбирает сам, но вам повезло, у Танрода уже были ученики, и ни один, получив первый камень в амулет мастерства, не пожелал сменить учителя.

— Вот как, — повторила я, приподняв бровь, но говорить про все крепнущую уверенность в знакомстве с этими самыми учениками не стала.

И о том, как мало мне понравились методы их действий, тоже смолчала. Все это сейчас несущественно по сравнению со свалившейся на меня новостью, в которую я упорно не верила. Просто успела за те дни, пока ношу на руке амулет, не раз обдумать простой, казалось бы, вопрос: зачем было хозяину четок прятать их так хитро? Ведь можно было просто положить в любое дупло или под камень, если он почему-то не хотел надеть на руку. А он искал слюду, заранее готовил особую негорючую шкатулку, прятал рядом с огнем. И если сначала я не обратила на это внимание, то после слов лорда дознавателя о редкости дара, свалившегося на меня вместе с выросшими способностями, почему-то сразу вспомнила.

— Если леди все понятно, — не дождавшись от меня никаких вопросов, с ощутимым разочарованием протянул целитель, — то я бы вернулся во дворец.

— Извините, — кротко улыбнулась я, — но мне нужно немного прийти в себя... потом вопросы, несомненно, появятся.

— Не забудьте только, — сразу посуровев, предупредил лорд Доур, — во дворце запрещено разговаривать про магию и дела цитадели. Мы стараемся не искушать зря тех, кому способностей не досталось. Зависть — страшная и темная сила. Танрод, отправишь меня или пойдем вместе?

— Идем вместе, мне пора на службу, — встал с места мой липовый жених и повел гостя на веранду. — Обживайся пока, Вельена, только не ходи в мой кабинет, это дверь с номером девять. Я вернусь к ужину. Кстати, в твоей комнате возле зеркала тебя ждет подарок.

И растаял, как солнечный лучик.

ГЛАВА 20

Минуты три я растерянно смотрела на залитую солнцем пустую веранду, на остатки обеда и

пыталась понять, почему он так поступил. Ведь, судя по словам целителя, мне положено сейчас закатывать истерики, бить посуду и разваливать дома. Я покосилась на ведущую на веранду дверь, где была очень хорошо видна толщина каменных стен, обитых изнутри помещения панелями орехового дерева, на массивный стул, где недавно сидел Хаглен... нет, уже Ледхар, и скептически хмыкнула.

Ну правильно, чего ему бояться, если у него вся мебель в доме дубовая и неподъемная? Да мы и вдвоем с Кышем один стул за день не сломаем. Хотя мне и не хочется... и настроение понемногу начинает улучшаться. Все-таки лорд Доур известный человек и говорил так убедительно, трудно было не поверить. Даже если в росте моих способностей виновато не путешествие по болотам и не нападение лжеторговца, а найденные четки, то это все равно замечательно, постепенно я начинаю это понимать.

Ведь, чего уж кривить душой, всегда мечтала, особенно после побега из дома, однажды проснуться магией. Такой сильной, как в сказках, чтобы могла молнии из пальца швырять. Прийти домой, посмотреть на змеиную улыбку Коранды и, не слушая ее едких упреков, выпустить из пальца стремительную и кусачую, как змейка, молнию, чтобы гоняла мачеху по всему дому, а та рыдала, просила прощения и обещала стать доброй и тихой.

Светлые боги, как смешны и наивны были те детские мечты! Теперь я точно знаю, как мало стоят раскаяния и обещания таких людей. И как непросто жить, внезапно оказавшись уже не такой, как обычные люди, но еще новенькой неумехой в сложном и таинственном мире магов.

Кыш подошел вплотную, боднул меня лохматой головой, красноречиво косясь на блюдо с остатками утки, и накатившая вместе с воспоминаниями печаль растаяла, как дым.

А через минуту я вдруг поняла, как он прав, мудрый лорд Доур. Магистр Доуррен. Я и в самом деле в последние дни как-то чересчур близко к сердцу принимаю чужие слова и взгляды, первым делом ища в них подвохи и коварные ловушки. И действую слишком необдуманно, нервно, словно куда-то пропала рассудительная и уверенная в себе Эвелина Бенро и осталась только скромная и пугливая монашка Вельена ле Морнье. Значит, это действительно так влияет на меня внезапный дар четок, и в таком случае мне не спорить с лордом дознавателем нужно, а попытаться с его помощью поскорее научиться управлять своими способностями.

Но это вовсе не означает, что я буду молча и покорно повиноваться всем его приказам. И даже если придется отважиться на помолвку, то нужно будет сразу оговорить, что она фиктивная. Мне сейчас не до устройства семейного гнездышка, разом навалилось столько неожиданных проблем и вопросов.

Еще раз оглядев заставленный посудой стол, решительно встала с кресла и отправилась наверх, в свою комнату, где ждал меня подарок. Все равно не смогу заниматься уборкой, пока не увижу сюрприз, приготовленный хитрым лордом.

Плоскую, довольно длинную шкатулку, стоявшую на тумбочке под зеркалом, я узнала сразу и сердито поджала губы. Она уже стояла тут, когда я переодевалась, только у меня не хватило наглости открыть чужой ларчик. Не мог предупредить сразу? Или лорд дознаватель таким способом проверяет меня?

Уверенно щелкнула замочком ларца и замерла в недоумении — внутри лежал кошель из серой замши с золотыми шнурками и пряжками. Очень модная у придворных дам вещица. В последнее время почти у всех прелестниц на поясе висят подобные, и носят в них, как правило, целую кучу нужных вещей, от пудры, платочка и маленького зеркальца до веера и маски.

Не спорю, полезная вещь, но мне-то она зачем?

Я небрежно дернула за шнурок, доставая кошель, и на миг замерла. Он был не пуст. А уже в следующую секунду я торопливо расстегивала пряжки и извлекала роскошное зеркальце в оправе благородного мангрового дерева, украшенной тонкой резьбой и жемчугом. Но и после этого кошель еще не опустел. Бережно отложив в сторону зеркальце, я сунула внутрь руку и снова застыла в ошеломлении, уже догадываясь, что увижу, вытащив на свет мягкую на ощупь овальную вещицу.

И оказалась совершенно права — на моей ладони лежала маленькая шкатулка, обтянутая белоснежным бархатом с неизменной веточкой ландышей из жемчуга на крышке. Именно в такие коробочки ювелиры имели обыкновение упаковывать обручальные кольца.

Открывать я ее не стала, положила назад в шкатулку, а немного посомневавшись, сунула сверху и кошель и захлопнула крышку. А вот зеркальце взяла в руки и задумалась. Как-то не верилось, что хитроумный магистр выбрал этот предмет мне в дар без тайного умысла. Да он ничего случайно не делает, как я убеждаюсь все больше. И объяснять ничего не стал тоже неспроста, ведь ему самому я бы не поверила и задала кучу вопросов, а вот к лорду Доуру испытываю вполне понятное доверие. Личный целитель императора — хорошо известный и уважаемый в стране человек.

А кроме того, совсем недавно зеркало уже помогло мне рассмотреть такие вещи, какие своим собственным зрением я теперь не вижу, и значит, вполне может оказаться полезным и в доме лорда дознавателя. И вот в этот момент я вдруг поняла, на какие обстоятельства прозрачно намекал этим подарком жених-самозванец!

Мне ведь теперь и в самом деле легче легкого попасть впросак. Ведь по столице, а особенно по дворцу, некоторые знатные и незнатные господа, и тем более дамы, предпочитают ходить в различных амулетах, от простых «отводов глаз» до мороков и дорогостоящих личин. И как выяснилось, еще и с полностью измененными лицами, а я всех их буду видеть в самом натуральном облике.

«Пресветлая богиня, вот только такого счастья мне и не хватало», — охнула я, представив, на какую картинку или сценку могу натолкнуться. Просветили некоторые болтливые клиентки, в каком виде иногда убегали со свиданий застигнутые врасплох любовники. Только такие амулеты их и спасали. Спасут и теперь... но не при встрече со мной.

Это что же получается... чтобы случайно не попасть в неловкую или смешную ситуацию и не стать заклятым врагом какому-нибудь довольно могущественному лорду или мстительной леди, я теперь должна ни на миг не выпускать из рук зеркало и постоянно потихоньку рассматривать в него всех и все вокруг?

«Да зачем мне такие сложности!» — мгновенно расстроилась я. Ведь бдительные сплетники немедленно это заметят, и уже через три дня вся столица будет считать меня кокетливой дурочкой, охотящейся за женихами, или неопытной шпионкой! Нет уж, лучше я вернусь в Глоэн, помирюсь с Линтой и буду ловить с Кышем рыбу.

Некоторое время я ходила по комнатам и хмуро рассматривала все вещи. Сначала просто так, потом через зеркало, постепенно начиная понимать, насколько лукав лорд дознаватель. Ведь не зря же он не стал дарить мне эту шкатулку лично, а намекнул на подарок и сбежал. Иначе я непременно начала бы задавать вопросы, на которые он так не любит отвечать сам. Или предпочитает, чтобы я додумалась до ответов самостоятельно? А может, это очередная

проверка лорда Танрода, в этот раз на сообразительность? Ведь выбрал же он меня в ученицы... и в стремлении как можно точнее определить, с кем придется иметь дело, вполне мог устроить небольшой экзамен.

И такое отношение для меня не в новинку, Луизьена точно так же испытывала меня первые полгода, очень мало рассказывая о своих делах, зато внимательно слушая, как я пытаюсь рассудить с высоты своего крошечного житейского опыта сложные перипетии семейных отношений. И тактично поправляла, очень осторожно намекая на незамеченные или непонятные мне детали.

Но я уже не та наивная и запуганная девчонка, давно разбираюсь в придворных интригах и знаю секреты почти половины придворных дам. И потому и сама вполне могу придумать, как проверить, насколько заинтересован во мне лорд дознаватель, и эта мысль почему-то нравится мне все больше.

К этому времени я добралась до двери в комнату с номером девять, она оказалась в самом конце коридора. Разумеется, я туда не пошла. Даже к двери не прикоснулась, чужие секреты мне ни к чему, а у магистра хватит изобретательности устроить какую-нибудь хитрую ловушку.

Рядом была комната семь, и это оказалась спальня лорда дознавателя, я просто заглянула туда, на миг приоткрыв дверь. Последней на первом этаже была просторная комната под номером восемь, совмещавшая гостиную с библиотекой, и я потерялась в ней на добрых полчаса.

Везти в Глоэн книги было весьма неразумно, у меня и так тюки и мешки занимали почти половину телеги. Поэтому теперь я просто не могла уйти, не прогулявшись мимо шкафов и не просмотрев несколько фолиантов из тех, которые любила более всего.

И только после того, как в столовой послышался подозрительный звон, вспомнила про неубранную посуду и оставленного без присмотра Кыша и с досадой побрела на этот шум. Разумеется, белоручкой я не была, по поручению Луизьены пришлось побывать и компаньонкой, и сиделкой, и даже посудомойкой, но ни одно из этих дел не показалось мне настолько привлекательным, чтобы заниматься им добровольно. Да и готовить я не очень люблю, хотя все же пришлось научиться. Иногда во время выполнения заданий мадам Луизы это был единственный способ получить горячий ужин.

Однако обнаруженная мной в столовой немолодая женщина в нарядном переднике, споро составлявшая на поднос посуду, существенно добавила уважения к лорду дознавателю. До этого момента я была почти уверена, что приготовление еды и уборка являются одной из обязанностей ученицы.

— Добрый день, — произнесла я со всей кротостью, на какую была способна, наивно и нахально рассматривая кухарку.

— Ой, здравствуйте, леди Вельена! А я вас не заметила, — огорчилась она, — думала, отдыхаете! Лорд Ледхар особо предупредил, что вы приедете к обеду и будете утомлены с дороги. Потому-то я еще вчера все приготовила и в шкафчик поставила.

— А мне лорд ничего не сказал, — скромно потупилась я, начиная подозревать, что нашла тот самый источник информации, который у сыщиков считаешься огромной удачей. — Быстро поел и убежал.

— Так ведь он в самом дворце служит, — ринулась на защиту магистра преданная служанка. —

Важные документы кому попало не доверят! Лорд Ледхар меня заранее предупредил, сказал, племянница из глуши приезжает, сиротка. Ох, простите меня, леди... я не со зла. Меня все зовут мадам Рина, но вы можете звать просто Рина. А сюда я прихожу каждый день после обеда, убираю и готовлю на завтра. У лорда часто племянники гостят, и все дальние, близкой родни у него нет. И жена померла еще лет пятнадцать назад, но вам про это, наверное, известно.

— Только самая суть, — пришлось притворно вздохнуть мне. — Как вы понимаете, я тогда была ребенком, а потом воспитывалась в монастыре и с родственниками не встречалась. Я вообще мало знаю о семье, но намерена навестить всех, кого найду. А куда вы ставите еду? Я хотела убрать со стола, но побоялась хозяйничать в незнакомом доме.

— Так идем, я покажу, — обрадовалась Рина, и мы пошли на кухню.

Через час я знала, что в шкафу с желтой печатью на дверце блюда сохраняются магией горячими, а за белой печатью — холодными, приправы растут на подоконнике, как у Линты, вазы со сладостями можно найти в буфете, а фрукты и прочие продукты — в кладовой. Утром лорд архивариус ест овсянку, как и положено солидным господам, и варит ее лично, но иногда не успевает и доедает остатки ужина.

Продукты привозит раз в декаду приказчик из ближайшей лавки и сам таскает на кухню, Рина только раскладывает по полкам. А если не хватает каких-то особых приправ — ходит на рынок, лорд архивариус ей полностью доверяет.

Он вообще очень хороший человек, скромный и спокойный, праздников не устраивает, с соседями не ссорится. Жаль только, одинокий.

К тому времени как в стоящих на плите и в духовке кастрюлях и жаровнях начало шипеть и булькать, мы с Риной успели выяснить все интересующие нас детали, счесть друг друга достойными будущих доверительных отношений и устроиться пить чай за кухонным столом.

Там нас и застал вернувшийся домой магистр.

— Добрый вечер, мадам Рина, — бросил он, оглядев горку свежих пончиков и вазу со сладостями. — Налей и мне чашку чая. Вельена, почему я не вижу у тебя на пальце моего подарка?

— А я должна была его надеть? — невольно изумилась я и покосилась на невозмутимую кухарку.

— Обязательно. И привязать к поясу кошель с зеркалом, тебе необходимо привыкать постоянно следить за прической и одеждой. Дней через пять, когда ты подучишь этикет и будешь узнавать на портретах самых знатных лордов и леди, я намерен представить тебя ее величеству. Нечего молодой симпатичной девушке сидеть на кухне, когда по дворцу слоняется толпа вполне достойных женихов.

— Извините, дядюшка, — медовым голосом пролепетала я, начиная понимать, насколько грандиозны у лорда дознавателя планы на мой счет, — но я ведь ничего об этом не знала.

— Перестань шутить, Велья, — строго глянул на меня лорд дознаватель, — и привыкай звать меня просто Танродом. Я не хочу, чтобы кто-то потом распускал сплетни, будто я сначала соблазнил племянницу, а потом ради жалости или сохранения доброго имени соизволил жениться. Ты ведь согласилась пожить здесь, чтобы рассмотреть меня поближе, так не вводи в

заблуждение мадам Рину.

Я мельком глянула в покрасневшее лицо кухарки и пожалела, что еще не умею создавать кусачих молний. Разве можно столь резко обрушивать на любознательных женщин такие известия?

Но раз молний у меня нет, придется объяснять лорду его неправоту старыми, проверенными способами.

— Я не обманываю Рину, — как можно обиженнее надула я губы. — Вы просто еще плохо меня знаете, дядюшка Танрод.

— Просто Танрод, — настойчиво поправил он.

— Я постараюсь запомнить... но не могу обещать, что это будет быстро. Непросто двадцать лет звать вас дядюшкой и вдруг позабыть о вежливости.

— Разве тебе еще не двадцать четыре? — нахмурился лорд.

— Осенью будет двадцать пять, — скорбно подтвердила я. — Но первые четыре года меня не показывали гостям, и видеть вас я не могла.

— Тебя, — укоризненно вздохнул магистр, но я уже поднималась из-за стола.

— Прости меня, Рина, я не нарочно тебя обманула. Просто сама еще ничему не верю и ничего не понимаю... но надеюсь, дядюшка Танрод поступает правильно. И еще, дядюшка... я пойду за кольцом, но мне хотелось бы надеть его при вас, по всем правилам, и чтобы был свидетель. Вот мадам Рина вполне подошла бы. И кстати... а где мне взять кольцо для вас? Я не успела об этом позаботиться.

Ради правдоподобности я говорила все несчастнее, и даже разок тихо всхлипнула, чем несказанно растрогала бедную кухарку.

— Разумеется, я готова, — с энтузиазмом заявила она и опасливо глянула на магистра. — Если лорд Ледхар не против.

— Я не против, — с тонкой усмешкой поднялся он со своего места. — И кольцо принесу. Но не спешите, мне нужно минут десять, чтобы переодеться. День сегодня очень жаркий.

Из кухни лорд сбежал первым, и прежде чем я оказалась возле двери, его уже нигде не было. И почему-то, пока я поднималась по лестнице, во мне все крепло подозрение, что второго кольца у Ледхара нет и в помине, и сейчас он пытается исправить эту оплошность.

В этот раз я доставала из шкатулки белую коробочку безо всякого сомнения, успев оценить изящество и удобство придуманной магистром интриги. Я буду во дворце под его охраной как законная невеста, и он сможет с полным правом в любое время увести меня на обед или на прогулку. Да и придворные дамы не будут так рьяно упражняться на мне в острологии, зная, что перед ними не просто старая дева, еще вчера бывшая нищей монашкой, а будущая жена лорда Танрода Ледхара. Хотя на первый взгляд архивариус вроде и небольшая шишка, но только если не знать, сколько секретных и важных документов сберегается в императорском архиве и с какой тщательностью подбирают туда хранителей.

Ну а его слова про молодых и свободных лордов можно расценивать как свободу выбора. Не зря ведь Танрод тут же добавил, что у меня есть время его рассмотреть и проверить верность решения.

Шкатулка щелкнула беззвучно, и передо мной оказалось очень дорогое кольцо из белого золота с ослепительно синим сапфиром, окруженным более мелкими алмазами. Очень броское украшение и говорит само за себя. В драгоценностях я разбиралась хорошо, хотя и старалась их не носить, чтобы не привыкать, в моей прошлой работе такие мелочи могли оказаться фатальной ошибкой. Значит, Танрод желает продемонстрировать придворным щеголям серьезность своих намерений... и не могу сказать, чтобы это было мне неприятно. Однако пока еще не готова сообщить лорду о том, что считаю его кладом, и надеюсь еще долго не делать этого признания. Ведь кладов и самородков может быть сколько угодно, а полюбить я желаю только одного и ошибаться не намерена.

Я приложила кольцо к руке, провела им вдоль платья и охнула, обнаружив на груди весьма заметное пятнышко от земляничного сока. Ох нет, только не это! Пусть помолвка будет фиктивная, пусть все окажется просто интригой, но стоять перед статуями святых в заляпанном платье я просто не могу.

Кольцо вернулось в коробочку, туфли полетели в одну сторону, платье — в другую, а я уже стояла возле шкафа, торопливо, как страницы интересной книги, перелистывая наряды. Розовое не подойдет к кольцу, зеленое темновато, вечернее синее слишком роскошно. Наконец мне попало бледно-лавандовое платье именно того фасона, какой казался мне подходящим для таких случаев, и я торопливо сорвала его с вешалки. Отнесла на кровать, сняла шиньон, опасаясь растрепать, и нырнула в мягкий шелест пышной юбки.

Несколько минут вертелась перед зеркалом, убеждаясь в правильности выбора, очень редко приходилось мне носить платья, сидевшие и смотревшиеся так безупречно. Хотя, нужно признать, не так-то часто Эвелине Бенро выпадала возможность выглядеть элегантной и нарядной леди.

ГЛАВА 21

В дверь осторожно постучали в тот момент, когда я застегивала перед зеркалом последние крючки, и мне показалось, что это мадам Рина.

— Входите, — бросила я, оборачиваясь, и с досадой поморщилась, сообразив, как сильно ошиблась.

В дверном проеме молча стоял лорд Ледхар.

— Извините... я думала, это пришла кухарка.

— Мадам Рина — экономка, — поправил он, помолчал и сухо осведомился: — Мне уйти?

— Нет, — выставить его из комнаты почему-то показалось мне неучтивым, — подождите одну минутку.

Я поспешно надела приготовленные туфли, схватила гребень и шиньон и снова вернулась к зеркалу. Пусть смотрит, кому собирается предложить свое кольцо, я ведь предупреждала, что ношу накладные локоны.

Несколько раз провести расческой по едва доходящим до плеч волосам, намереваясь собрать

их в пучок и связать шнурком, — обычно это занимало у меня менее минуты. Но в этот раз крепкая мужская рука решительно остановила движение гребня, и в зеркале отразилась чуть смущенная улыбка заглядывающего мне через плечо немолодого лорда архивариуса.

— Можно я сделаю тебе небольшой подарок?

— Кто же отказывается от таких вещей? — попыталась пошутить я, собираясь поинтересоваться, а о чем, собственно, идет речь.

Но Танрод уже пододвинул ногой пуфик и серьезно кивнул на него:

— Присядь на пару минут.

А едва я опустилась на бархатное сиденье, взял гребень и провел им по огрызкам моих былых локонов.

— Лорд... Ледхар... — на миг онемев от его наглости, выдавила я, — вам не кажется...

— Нет, — с уверенной усмешкой глядя на меня в зеркало, отказался он, — не кажется. Я точно знаю, как за две минуты удлинить твои волосы. Но потом тебе придется побольше есть мяса, рыбы, творога и яиц. Впрочем, тебе теперь вообще нужно есть побольше, людям со способностями не грозит ожирение.

— Не заговаривайте мне зубы, — пресекла я его обычай уводить разговор в сторону. — Что вы собираетесь делать с моими волосами?

— Удлинить, — терпеливо повторил он и с наигранной обидой добавил: — Я же обещал подарок!

— Вот теперь понятно, — согласилась я и, ощутив, как рука магистра водит гребнем уже в районе лопаток, забеспокоилась: — Но слишком длинные не нужно! С ними очень много хлопот!

— Зато красиво, — мечтательно улыбнулся лорд и хитро прищурился: — Но если назовешь меня Родом, то я не буду выращивать их до колен.

— Танрод, — категорично отрезала я. — Пока с вас хватит и этого.

— Ты хотела сказать — тебя, — поправил лорд, но я уже отодвинулась, решительно поднялась с места и повернулась к нему лицом, с невольным облегчением обнаружив перед собой уже привычное лицо магистра.

— Сегодня еще не хотела. Отдайте гребень, лорд Танрод, нас ждет мадам Рина.

— Не отдам, раз ты не хочешь называть меня просто Танродом, а не лордом, — спрятал он руки за спину. — И тебе так очень идет.

Я и сама это видела, но точно знала, насколько сильно может смутить экономку такая прическа. Поэтому спокойно собрала волосы в руку, привычно скрутила узел и закрепила шпильками. А затем взяла со стола коробочку и мягко улыбнулась магистру:

— Я готова.

— Судя по скорости, с какой ты решила эту задачку, — задумчиво отметил он, распахивая

передо мной дверь, — короткими твои волосы были не всегда.

— Разумеется, — невинно улыбнулась, проходя мимо лорда. — Я отрезала их, собираясь в Глоэн. Стряпчий забыл сказать про горячую воду, а холодной я не умею мыть длинные волосы.

— Плут он, — сердито рыкнул Танрод. — Воспользовался доверием гильдии. У них принято записывать в общий журнал выставленное на продажу имущество, на случай если к кому-то придет клиент, интересующийся редкими или невыгодными сделками. Твой посредник должен был отправить тебя к стряпчему, выставившему на продажу Глоэн, а не продавать его лично. Хотя у них это не считается особым нарушением, ведь гонорар делится пополам.

— И если бы он меня отправил к законному посреднику, — легко сбегая по лестнице, бросила магистру колкую усмешку, — то Глоэн никогда бы мне не достался. Представляю, как вас это злит.

— Вельена! — сердито рыкнул размеренно шагавший следом лорд дознаватель.

— Да, дядюшка? — наивно махнула я ресницами, изображая одну из тех дам, которые до седых волос обожают строить умиленные глазки и говорить детскими голосочками.

Неизвестно, что сказал бы магистр, — в этот момент распахнулась дверь в гостиную, и показалась мадам Рина в кружевном чепце и свежем фартуке.

Остановилась на пороге, сложила руки на груди и уставилась на нас с почти такой же улыбкой, какую я секунду назад подарила лорду главному дознавателю.

Он сердито засопел, но смолчал, и в таком торжественном молчании мы прошли мимо экономки в комнату. Стоящие на угловом столике статуи святых спасителей уже были украшены свежими цветами, и перед ними в низких серебряных курильницах горели душистые свечи.

— Леди Вельена ле Морнье, — остановившись перед столиком, звучно и строго произнес магистр, и мне сжало спазмом горло, — я, лорд Танрод Ледхар, в присутствии мадам Риналии Гоззи объявляю тебя своей невестой и клянусь через три луны завершить эту помолвку в храме Судеб ритуалом священного союза. В знак добровольного согласия прошу надеть на палец мое обручальное кольцо.

Я молча раскрыла шкатулку, достала кольцо и надела на безымянный палец правой руки. Потом так же серьезно — своенравная судьба не прощает шуток в такие важные моменты — повторила слова неожиданно объявившегося жениха.

Танрод согласно кивнул в ответ на мое предложение надеть кольцо, достал из кармана коробочку, и на его пальце появилось кольцо с таким же камнем, как у меня. Только на вид оно было раза в два массивнее. Потом лорд чопорно взял мою руку и бережно поцеловал пальцы.

Мне пришлось чмокнуть жениха в щеку, и на этом церемония закончилась. Мадам Рина вытерла платочком слезинки и поспешила снять салфетку с подноса, ожидающего этого мгновения на столике у камина.

Все как положено — графин с игристым вином, сладости и фрукты. Даже представить не могу, с какой скоростью пришлось бегать доброй женщине, чтобы ничего не упустить.

— Вы заслужили премию, мадам Рина, — разливая вино, сообщил магистр, и та вдруг вспыхнула:

— Я делала это не ради премии, лорд архивариус!

— Он знает, — успокаивающе погладила я экономку по плечу и просительно заглянула ей в глаза: — Выпейте со мной за удачу, тетушка Рина, везение мне очень пригодится!

— С удовольствием, леди Вельена, — тотчас оттаяла она. — А счастье вас не обойдет, вы славная, и святые это видят.

— А я, значит, злой, — сделал обиженное лицо лорд, — и мне счастья не положено.

— Вам святые его уже в дом привели, теперь главное — не упустить, — не пожелала жалеть хозяина тетушка Рина, допила вино, сунула бокал в карман и поспешила прочь, сообщив на ходу, что ужин скоро будет готов.

— А теперь приступай к изучению портретов и этикета, — проводив взглядом самостоятельную экономку, повернулся к книжным шкафам мой свежее испеченный жених. — Ты должна знать, каких козней и от кого можно ждать во дворце.

Отказываться я и не подумала, очень интересно посмотреть на книги, которыми пользуются маги. Села поудобнее и приготовилась слушать. Однако лорд ничего рассказывать не стал, сложил напротив меня с десятка толстенных фолиантов, строго сообщил, что через три дня устроит мне экзамен, и повернулся к двери.

— Танрод, — не прикасаясь к книгам, очень кротко произнесла я, разгадав его хитрость, — ты забыл сделать одно маленькое дело.

— Какое? — настороженно обернулся он, не дойдя до двери. Но в его светло-серых глазах мелькнула предательская растерянность.

— Ответить на мои вопросы. Я жду целый день, выполнила все твои пожелания и влезла во все интриги, но больше не сделаю ни шага и ничего не буду читать, пока не услышу правды.

— Но я ведь все тебе объяснил? — озадаченно уставился на меня магистр.

— Кроме трех вещей. Почему вы с Вартом смолчали возле хижины, почему мы не занимаемся моими способностями, раз они такие опасные, и зачем я нужна вам во дворце? Ну и можешь еще рассказать, кто из придворных какие способности имеет и кто из этих лордов прибыл в столицу с востока.

— Понятно, — обреченно вздохнул Танрод и выразительно оглянулся на дверь, явно намекая на присутствие экономки. — Сейчас мне некогда, нужно написать несколько деловых писем. Кстати, когда я в кабинете, меня нельзя отвлекать от дел. Поэтому звать и стучать запрещено.

— Понятно, — вернула я жениху кислую улыбку. — Тогда я иду в сад.

Бегло просмотрела названия фолиантов, выбрала незнакомое, прижала книгу к груди и невозмутимо направилась к выходу. Танрод спорить не стал, но взгляд, каким он проводил меня до двери, прожег мне в затылке невидимую дыру. И это я еще очень надеялась, что изучал он только мою прическу.

В сад я прошла через столовую и веранду, спустилась по нагретым солнцем ступеням и побрела по дорожке, рассеянно осматривая деревья, ягодные кусты и маленькую грядку с салатом и зеленью. Все устроено именно так, как бывает в большинстве подобных небольших садов, и мне понемногу становилось ясно, ради чего магистр так старательно поддерживает облик самого обыкновенного и скучного архивариуса, много лет преданного памяти жены. Наверняка вымышленной, ведь, судя по настоящей внешности лорда Ледхара, жениться на ней он должен был совсем зеленым подростком.

Как мне кажется, вовсе не без особого умысла лорд всеми силами старается показать себя во дворце скучным и занудным любителем пыльных шкатулок и сундуков со старыми бумажками. И это не столько прикрытие его основной деятельности, сколько желание не привлекать жадных взглядов придворных дам, мечтающих найти подходящего их требованиям мужчину если не для себя, то хотя бы для сестры, племянницы или подруги, на самый крайний случай.

И в таком случае мне непонятно, ради чего он внезапно решил так резко разрушить уже сложившийся у обитателей дворца образ. Ведь не влюблен же он в меня на самом деле? Хотя иногда бывает весьма убедителен, и лет в семнадцать, да даже в двадцать, я приняла бы эти скупые знаки внимания за искреннюю влюбленность. Но мне скоро исполнится двадцать пять, и вкупе с наукой Луизьены и опытом агента по поиску важных сведений для наших клиентов это довольно солидный щит против наивных и необоснованных девичьих надежд.

Есть какая-то очень важная причина, кроме заговора против герцога Бетдино. Ведь заговор не навсегда, я почти не сомневаюсь, что Танрод с учениками что-нибудь придумает, если уже не изобрел. А вот потом... Если честно, пока будущее видится мне довольно смутно. И это весьма досадное и тревожное состояние тянется с тех пор, как в мой кабинет вошел закутанный в черный плащ мужчина с властными манерами и пронзительно-злым взглядом черных глаз. Но о нем лучше не вспоминать.

Я свернула к маленькой беседке, каких по саду было раскидано три или четыре, устроилась на деревянной скамье и раскрыла книгу, намереваясь ее просто пролистать, но незаметно для себя самой увлеклась. Портреты императора, его семьи, близких друзей и самых важных чиновников, а также всех тех лордов и леди, без кого не обходится ни один бал и ни одно торжество, сопровождалась описаниями, четко выписанными тушью со всеми положенными завитками, и едва заметно начертанными на полях уточнениями, сделанными простым карандашом. Всего по два-три коротких слова: задира и мот, скряга и лжец, честен, но туп — именно ради этих точных характеристик стоило просмотреть фолиант до конца. Тем более что почти во всех случаях, когда я встречала портреты знакомых мне лично лордов или леди, надпись на полях точно совпадала с моим собственным мнением.

Мужской силуэт появился на дорожке сада на закате. К этому моменту я уже захлопнула книгу, но уходить с этого места пока не собиралась. Неподалеку, в тени раскидистого кизилового куста, спал Кыш, пахло яблоками и розами, на виноградных лозах, шатром укрывающих беседку, прозрачно светлели в растрепанных кистях первые спелые ягодки.

Я сорвала несколько виноградин, похожих на бусины из жадеита, и медленно смаковала в ожидании приближения магистра, даже не пытаясь отгадывать, зачем ему понадобилась. Сам скажет, пора идти на ужин или он все же решил ответить на вопросы, ответы на которые я почти нашла, хотела только услышать подтверждение.

Но чем ближе он подходил, тем сильнее росло зародившееся в моей душе недоумение. Когда мужчина еще только появился из-за поворота, я была уверена, что это Танрод, но по мере того,

как он приближался, с каждой секундой сомневалась все сильнее.

Теперь мой гость был похож на лорда Варта, его одежда, его лицо и язвительная ухмылка, его темные волосы, непослушной гривой спадающие на плечи. Но вот той особой, неповторимой грации, с какой всегда двигался маркиз Сангирт, в этом человеке не было. Наоборот, его твердая походка и уверенно расправленные плечи могли принадлежать только магистру, я еще раз проверила себя, постаравшись не смотреть на лицо маркиза.

Значит, он придумал, как делать маски такими, чтобы не могла отличить даже я! Ну так теперь мне втройне интереснее, чем ему самому, ради чего мой жених затратил столько усилий.

— Добрый вечер, мисс Вельена, — приветствовал меня лжемаркиз, присаживаясь на скамью. — Как вам здесь живется?

Голос моего жениха стал очень похожим на голос лорда Варта, и я не обратила бы внимания на мелкие несоответствия вроде интонации, если бы уже не догадывалась об обмане. А теперь сразу припомнила, с какой высокомерной неприязнью цедил слова маркиз, обращаясь ко мне, и эта незначительная в целом деталь стала решающей.

— Неплохо, — сухо ответила я. — Но с каких пор вас волнует моя жизнь?

— Я был неправ, — очень знакомо поджал губы лжец, — и пришел попросить у вас прощения.

— Хорошо, — помолчав, буркнула я, — вы его получили! Больше от меня ничего не требуется! Тогда прощайте.

Он молчал, а я небрежно бросала в рот виноградины, хотя сгорала от любопытства и нетерпения. Ведь не просто же ради того, чтобы выпросить прощение для ученика, задумывалось это лицедейство?

Наконец лорд якобы решился, быстро придвинулся ко мне, словно случайно взял за руку, на которой был амулет, и дернул к себе в объятия:

— Вельена... ты самая непостижимая и необычная девушка, какую я встречал... я никогда раньше не догадывался, что можно сидеть рядом с девушкой и не задохнуться от ее назойливого обожания! Не отталкивай меня, всего один поцелуй...

Он делал вид, будто тянется к моим губам, однако не слишком-то спешил, явно ожидая от меня чего угодно, только не согласия. Я на миг подумала, что неплохо бы посмотреть, до чего он дойдет в своем лицедейском рвении, но тут в моем разуме вспыхнуло новое подозрение. Ведь вполне возможно, что герцогу донесли про увлеченность Сангирта принцессой, и теперь за маркизом следят люди Бетдино. В таком случае сейчас магистр не соблазняет меня, а пытается устроить ученику алиби, и мешать ему в этом было бы сродни предательству.

— Я не знаю... это так неожиданно, — залепетала я, хлопая ресницами так же усиленно, как придворные обольстительницы. — Мне нужно подумать, все слишком запутанно...

— Ну почему же запутанно? — склонившись ко мне и почти касаясь губами щеки, продолжал уговаривать лорд. — Или ты беспокоишься о своем женихе? Ну ведь ты же неглупая девушка и отлично понимаешь, что выбор за тобой. И он никогда не будет настаивать... Ну же, скажи «да», не будь жестокой!

— Я бы сказала... но есть одна проблема, — потихоньку отодвигаясь от магистра, несчастно лепетала я, вдруг заподозрив, как неправильно рассуждала до сих пор.

Судя по всему, мой жених проверяет вовсе не шпионов, иначе уже давно доказывал бы им свою мнимую страсть, а устроил экзамен для меня... только за какие проступки? И значит, мне пора оскорбиться... или все же подшутить?

— Какая?

— Мне трудно сказать такое вслух, но если у вас есть стило, я могла бы написать.

— Случайно есть, — с наигранным огорчением отодвинулся лорд дознаватель и, продолжая держать одной рукой запястье с моим самодельным браслетом, второй полез в карман камзола. — Вот, держи. И листок бумаги тоже... я жду.

— Сейчас. — Раскрыв книгу так, чтобы Танрод ничего не смог прочесть заранее, я написала несколько слов и захлопнула фолиант, оставив записку в нем. — А теперь, так и быть, можете меня поцеловать.

— Но ты как будто хотела что-то объяснить? — щурился сидевший рядом мужчина, точно как Танрод, сметая этой гримасой последние крохи моих сомнений.

— А я написала, — снова наивно похлопала я ресницами. — Теперь все в порядке. Ну, вы не раздумали целоваться?

Лорд с сомнением посмотрел на меня, чему-то усмехнулся и снова склонился к моему лицу:

— Ну раз ты не против... — Несколько секунд он испытующе смотрел в мои глаза, и с каждым из этих мгновений мне становилось все труднее сдерживать смех.

Магистр все же что-то сообразил, нахмурился и, продолжая правой рукой удерживать в плену мою руку, левой сцапал книгу, подтянул к себе и принялся листать, ища записку.

Вот теперь я смеялась открыто и искренне. Этим поступком магистр ясно показал, что вовсе не ради блага принцессы и ученика изображает тут соблазнение довольно состоятельной леди, в которую я превратилась неожиданно для себя самой.

— Так, посмотрим... — найдя бумажку, свирепо рыкнул Танрод, вызвав у меня новый взрыв смеха.

«Танрод, я согласна на твои безнравственные действия только в одном случае — если этим мы пускаем по ложному следу шпионов», — вот что читал сейчас лорд главный дознаватель.

— Вельена! — Разочарованный оклик резко отстранившегося жениха ничуть не умерил моего веселья, наоборот, теперь я хохотала так, как не смеялась уже давно... года два, не меньше, с тех пор как уехала на юг Луизьена.

— Я, конечно, рад, — минуты три понаблюдав за этим весельем, спокойно заметил магистр, и теперь его голос был полон язвительной укоризны, — что у моей ученицы такое прекрасное настроение, но впервые в жизни не знаю, как мне тебя учить.

— Целоваться? — еще веселилась я, но интуиция и жизненный опыт уже лили холодную воду прозрения на мою расшалившуюся душу.

— Ответ абсолютно неправильный, — сухо сообщил лорд. — До тех пор, пока ты не научишься пользоваться своими способностями и уверенно управлять собственными эмоциями и желаниями, тебе категорически запрещено не только целоваться и обниматься, но и просто флиртовать. И даже спорить на темы, которые живо задевают твои увлечения.

— А что мне тогда можно? — заинтересовалась я, и против воли вопрос прозвучал обиженно. — Узнать ответы на заданные вопросы? Или задать новый — почему это ты не сумеешь меня научить? Я такая глупая или злобная? Или ты все же ошибся и никаких способностей у меня как не было, так и нет?

— Начнем по порядку, — разочарованно вздохнул магистр и принялся раздеваться.

Сначала скинул камзол маркиза и кружевной воротник, оставшись в собственной простой рубашке, потом сунул руку себе на затылок, под волосы, и стащил с головы маску, очень точно повторяющую черты маркиза Сангирта. После этого лорд извлек из кармана платок и с видимым наслаждением вытер покрасневшее потное лицо.

— Летом в этой штучке никто не выдерживает больше часа, — сообщил он мимоходом, складывая все на скамью рядом с собой. — Итак, ты хочешь знать, почему я не могу тебя учить... — Он огорченно вздохнул и с досадой произнес: — Ответ прост — я пока не могу определить, какие именно способности в тебе открылись. Не понимаешь? Объясню. Все намного проще, когда дар проявляется у детей, они от испуга или, наоборот, от радости и сами все запоминают и охотно рассказывают учителям или родителям. А у тебя главная способность — не воспринимать созданные из магической энергии предметы как истинные до тех пор, пока не рассеется остаточная магия, — сама по себе уникальна, такой нет ни у кого из магов Саркана. Так еще и сопровождается довольно сильной способностью активно защищаться. И это тоже редкость. Маги обычно защищаются, окружая себя непроницаемым коконом, кто каким умеет, либо нападают. Способы у каждого тоже разные, от порывов ветра до сдвига почвы, и зависят от силы. А чем нападаешь ты — непонятно, хотя когда ты первый раз ударила того торговца, я все видел собственными глазами, и не только ими. Амулеты показали всплеск силы. Второй удар испытал Варт и тоже все описал, как Линта, но все дело в том, что они оба — довольно слабые маги и не могут распознавать стихии, особенно если те смешаны. Поэтому мы до сих пор не определили, какой стихией управляешь ты, хотя уже потратили кучу времени, изучая отчеты и рисуя схемы. А учить человека управлять огнем, если он склонен управлять водой, не только невозможно, но и опасно, причем для самого ученика. Как твой учитель я теперь за тебя отвечаю и не могу такого допустить, но это вовсе не главное. Мне нужно как можно быстрее помочь тебе осознать и приручить свою силу, неопределенность в этот непростой для твоего разума период порождает ложные тревоги и сомнения и весьма ощутимо влияет на характер и эмоции человека. И может вызвать у молодого мага желание совершать самые неожиданные и непоправимые поступки. Вот посуди сама, утром ты рыдала, в обед была подозрительна, сейчас хохочешь. Разве это нормальное для тебя поведение? Кстати, в какой момент ты меня узнала?

— Как только увидела на дорожке, — мстительно сообщила я. — Ты двигаешься совершенно не так, как маркиз. Если сравнивать как животных — он рысь, а ты сторожевой пес.

— Спасибо, — язвительно поклонился лорд. Помолчал и разочарованно вздохнул: — А почему ты не спрашиваешь, для чего я надел его личину?

— Уже сама поняла, — буркнула я, досадуя на саму себя за неверные первоначальные выводы. — Ты надеялся, что его я непременно ударю за наглость.

— Зря, — хмуро усмехнулся он.

— Зря, — подтвердила я. — Я бы и торговца не стала бить, если бы знала, что это твой человек.

— Он не мой человек и никогда им не был, — сухо процедил магистр. — Это негодяй, обобравший уже трех девиц. Причем одна из-за него топиться полезла... рыбаки спасли. Но доказать мы ничего не могли, он напирал, что все было по любви. А потом любовь якобы прошла, он же не виноват? И о том, что он едет в Глоэн, я узнал в деревеньке рыбаков, когда возвращался в замок. Но догнать его не успевал, пришлось потратить приготовленный перенос в этот дом, потом сходить на источник, для магов цитадели они бесплатны, и мчаться в замок. И не начинай думать, будто я собирался ловить его на месте преступления, мне важнее было спасти тебя. А ему для приговора достаточно и того, что под видом торговца ворвался в чужое владение.

Некоторое время я молчала, вспоминая тот случай, подставляя на место домыслов выяснившиеся обстоятельства и начиная понимать, насколько неверно все понимала. Понемногу сложившийся в моем представлении образ коварного и мстительного лорда дознавателя становился все человечнее и понятнее, и в душе постепенно таяла мрачная безысходность, словно рассыпавшаяся на безобидные белые облачка гнетущая грозовая туча. Зато все отчетливее становилось понимание, что никуда мне не деться от упорно откладываемого признания в помощи четок.

Но сначала я хотела выяснить еще парочку деталей.

Однако Танрод меня опередил:

— Извини, что не стал объяснять этого сразу, тогда еще никто из нас не доверял тебе полностью, и допустить, чтобы ты разрушила все наши старания, мы не могли. Вот и проверяли... но старались делать это аккуратно. И теперь уверены, ты не лжешь, просто иногда умалчиваешь о некоторых из своих личных дел, но не более чем и должна девушка, пережившая так много предательств и унижений.

— Я не меньше видела помощи и сочувствия от совершенно незнакомых людей, — мне почему-то вовсе не хотелось превращаться в несчастную сиротку. — И если чего-то не говорю — то всего лишь из опасения причинить им зло. А вот вы лжете ради собственных целей, и мне тоже нужно убедиться, насколько оправдана ваша ложь. И почему вам не помогают магистры Саркана.

— Очень просто, — невесело усмехнулся лорд, потянулся, сорвал кисть винограда, подержал в ладонях и протянул мне. Только теперь на веточке не было ни одной зеленой ягодки. — Совет цитадели приносит клятву верности каждому вступающему на престол императору и не имеет права вмешиваться в дела его семьи и политические вопросы. И действовать разрешено только в случае открытого захвата власти или угрозы жизни императора и его семьи. Но если герцог все же решит напасть на дворец или императора, погибнет немало людей, прежде чем мы успеем его остановить. Вот ради этих невинных жертв и их детей мы и сидим на маленьком островке среди болот и озер, едим рыбу и помогаем принцессе перенести это испытание.

— Ты не зря так откровенно тут разговариваешь? — встревоженно оглянулась я.

— У меня над домом несколько мощных щитов, — открыто улыбнулся Танрод. — Цитадель очень старательно охраняет всех, кто вынужден жить и работать в городах империи. Поэтому я и привез тебя сюда... Ну а остальное ты и сама теперь сообразишь. Кстати, ужинать пора.

Встал, небрежно прихватил свой маскарадный костюм и неторопливо направился к дому.

— Тоже мне жених, — буркнула я с напускной язвительностью, начиная понимать, насколько еще далек этот самородок от того, чтобы считаться моим.

Подождала минутку, поднялась со скамьи и, позвав Кыша, велела ему везти меня в дом.

Сегодня имею право немного себя побаловать.

ГЛАВА 22

На кухню я попала раньше магистра и не стала его дожидаться. Выставила из шкафа с желтой печатью на стоящий у окна стол все понравившиеся мне блюда, добавила чистые тарелки и приборы и принялась за уничтожение своей доли.

Лорд явился только через четверть часа — прошел к столу, посмотрел на приготовленную для него тарелку и сел напротив. Некоторое время мы ели молча, ухаживая каждый за собой, и меня это вполне устраивало. Мы ведь помолвлены фиктивно, и незачем лицедействовать, когда нет зрителей.

Я уже наелась досыта и неторопливо допивала липовый чай, раздумывая, чем заняться после ужина: почитать принесенную из сада книгу или немного поработать над портретом родителей.

— После ужина попытаемся еще раз разобраться в твоём даре, — вдруг заявил Танрод, и я уставилась на него ошеломленно, заподозрив в подслушивании мыслей.

— Я сказал нечто глупое? — сухо осведомился лорд.

— Разумеется, нет, просто я как раз раздумывала, чем заняться, — в свою очередь оскорбилась я. — А про дар как-то забыла.

— У меня было три ученика, один уже мастер третьей ступени, двое других — пока второй, но они постоянно усиливают свои способности, — с легкой укоризной сообщил магистр. — Кроме того, все, кто живет в Саркане, когда-то были учениками или и сейчас учатся. И никто ни на миг не забывает о своём даре!

— Танрод! — с таким же укором уставилась на него я. — Ты все время сравниваешь меня с людьми, которые живут в другом мире! В том мире у всех есть любящие родители и дом, куда можно вернуться в любой момент, взять на кухне без спросу кусок хлеба, сесть на тот стул, который нравится тебе! И мечтать о том, как станешь магом или воином, лицедеем или торговцем, отправишься в дальние страны или будешь управлять герцогством! А в моем мире ходили бледные, запуганные монастырские сироты, и каждая мечтала только об одном — о собственном, пусть даже самом крохотном и захудалом домишке, где можно будет брать в буфете все, чего и когда захочется.

Некоторое время он смотрел на меня странным взглядом, в котором непонятно чего было больше, удивления или недоверия, потом вздохнул и мягко, покладисто сообщил:

— Если бы ты была года на два-три моложе или я немного меньше наблюдал за твоим поведением в Глоэне, то сейчас встал бы и отправился в Саркан отказываться от ученицы. Таких несчастных и запуганных девочек мужчины обычно учить не берутся. Тебе нашли бы добрую и немолодую магиню, которая стала бы кормить тебя пирожками, гладить по головке и

лет через пять научила бы одной из безобидных и надежных профессий. Учительницы, ювелира, алхимика или мастера чудесных вещей. Маги многое умеют.

— Но ты в Саркан не собираешься, — сделала я единственный возможный из этого пояснения вывод и украдкой вздохнула от сожаления.

Мне заранее нравилась женщина, которая будет гладить меня по головке и учить делать зачарованные амулеты.

— Правильно понимаешь. Так как тебе почему-то доверяет Онгильена, а у нее во всем дворце нет ни одной абсолютно надежной подруги или камеристки, и мне приходится сидеть возле нее в платье леди Ванды. Но не везде я могу пойти за ней следом... и в это время ее высочество остается без помощи.

— И ты надеешься за несколько дней сделать из меня умелого телохранителя? — потрясенно уставилась я на учителя. — Не говоря уже о надежности! Да твой Варт подозревает во мне самое малое шпионку Бетдино! И если с Гили на самом деле что-то случится, то убивать он в первую очередь будет меня!

— Не будет, — успокоил меня лорд. — Несмотря ни на что, Варт очень выдержанный и рассудительный мужчина и бросаться на мою ученицу не станет. Но безопасность принцессы для него и в самом деле важнее всего.

— Но разве сам он не может охранять ее в платье леди Ванды? — Я еще искала способ отвертеться от учебы, в успешность которой не верила, но уже понимала, что магистр мне этого не позволит. — А кроме того, у Бетдино наверняка есть во дворце шпионы, и им покажется подозрительным появление новой компаньонки его невесты.

— Вот видишь, еще один веский довод в пользу моего решения обучить тебя как можно скорее, — довольно кивнул Танрод. — Ты очень быстро соображаешь и делаешь правильные выводы. Но самое главное — не поддаешься очарованию Кэрдона и, значит, не начнешь соперничать с принцессой.

— Вот это ты точно заметил, — едко усмехнулась я. — Зато буду жалеть бедняжку Онгильену. Это надо же, как ей не везет, — жениху нужна не она, а большой стул ее папеньки, а за возлюбленным бегают толпа ошалевших от страсти девиц, готовых на любое безумство.

— Вот потому-то через четыре дня, когда она вернется с целебных источников, ты должна сидеть рядом с ней в карете и уметь хотя бы подать тревогу и поставить простейший щит, — категорично объявил Танрод.

— А никого из сопровождающих не заинтересует, — подозрительно уставилась я на магистра, — откуда я вдруг взялась в этой самой карете?

— Еще три дня назад села в нее по приглашению Онгильены, — невозмутимо пояснил лорд. — Принцессе рассказали о процессе над твоим дядюшкой, и она пожелала взять над тобой опеку.

— Значит, сейчас Сангирт в моем любимом платье наслаждается путешествием с ее высочеством, — мгновенно сложились все выяснившиеся обстоятельства в целую картину, и она мне не понравилась. — И как я буду изображать эту ехидину, если даже не знаю, кому и о чем он успел наболтать?

— Он старается помалкивать, — усмехнулся Танрод, — и вообще держаться от сопровождающих дам подальше. Обаяние ведь не спрячешь под иллюзией... поэтому у тебя уже появилась парочка воздыхателей.

— Откуда? — еще изумленно таращила я глаза, а разумом уже понимала откуда. Ведь если за Сангиртом бегают девушки, то под личиной он обязательно привлечет внимание мужчин. — И что мне с ними делать?

— Все, что только пожелаешь. Можешь даже издеваться, как надо мной и Кэрдоном, — ухмыльнулся магистр, но в его глазах на миг мелькнула острая обида, и это меня неожиданно порадовало.

Хотя пока еще не могу даже представить, куда повернет извилистая тропинка моей судьбы и как сложатся отношения с фиктивным женихом, зато давно знаю, насколько сильно ненавижу терять или отдавать найденные ценности.

— Спасибо за разрешение, — произнесла я медовым голосом, каким общалась только с самыми капризными и нервными клиентами. — А если я так ничему и не научусь?

— Научишься, если поверишь, что я не желаю тебя обидеть или наказать за какие-то поступки или слова. Вернее, никогда не желал, иначе не взялся бы за твое обучение. Это главный закон цитадели: ни один маг не имеет права брать в ученики человека, в котором сомневается или на которого злится. А ученик должен доверять учителю, как самому лучшему другу.

— Это очень справедливый и правильный закон, — подумав, согласилась я и подняла на учителя печальный взгляд: — Но ты ведь умный человек и должен понимать, что доверие — очень хрупкая вещь, и его нужно заслужить. А вы все время меня обманывали, проверяли, обижали и испытывали всеми возможными способами! Ну откуда оно возьмется у меня, это доверие? Хотя я стараюсь... очень. Уже столько ради этого сделала! Бросила на произвол судьбы свой замок, сижу вместе с Кышем в чужом доме, изображаю твою невесту, обманываю добрую мадам Рину. Танрод, ты никогда не пробовал ставить себя на место других людей? Назови хоть одну причину, почему я должна тебе доверять?

— Я ведь тебе доверяю, — тихо сообщил он, — хотя и чувствую, как много ты утаиваешь, говоря о своей жизни. Но вижу в тебе стремление к справедливости и неприятие зла... и верю, что все недосказанное тобой — просто очень личные переживания. И кроме того, есть цитадель, которая никогда не оставляет без защиты тех, кого признала своими. А ты уже ученица мага, и это увидит каждый посвященный, взглянув на твое кольцо. Оно несет в себе не только защиту, но и опознавательный знак для своих. И снимать его или давать другим людям нельзя ни при каких обстоятельствах.

— Да? — покосилась я на кольцо. — А почему ты мне это сразу не объяснил?

— Когда? — засмеялся вдруг Танрод. — Ты все время задаешь много вопросов, я просто не успеваю отвечать. А теперь моя очередь спрашивать, и это очень серьезно. Почему ты считаешь, что твой простенький оберег может служить как оружие? Тебя в этом убедил продавец?

Вот он и прозвучал, самый важный вопрос, и теперь мне остается только одно — попытаться уберечь свою находку и не выдать слишком проницательному магистру всей правды.

— Я все расскажу... — безрадостно вздохнула я. — Но пообещай его не отнимать.

— Обещаю, — твердо сказал Танрод. — Так где ты его взяла?

— Нашла. В таком заброшенном месте, где его никто не нашел бы еще лет сто, — призналась я, тщательно подбирая слова. — Но он вовсе не такой, каким ты видишь. Верхний чехол я связала сама, и бусинки тоже я нашла. А потом он перестал сниматься.

— Вельена... если ты не шутишь, то можешь объяснить, на что он был похож?

— Какие уж тут шутки... — Вздохнув еще тяжелее и стараясь не смотреть учителю в глаза, начала объяснять: — Он похож на четки. Очень маленькие, как для ребенка. И на каждом камушке особый знак.

— Погоди, — сорвался с места магистр и ринулся к шкафам, прихватив небольшую лесенку. — У меня есть каталог утерянных артефактов...

Каждое его слово, как удар молота, добавляло трещин в мою недавнюю уверенность в безопасности моих четок. Вот сейчас лорд дознаватель скажет, кто, где и когда потерял этот артефакт, и придется отдавать присвоенную, но так полюбившуюся и столько раз выручившую меня вещицу. Но спорить с магистром я не буду. В этот раз моя гордость и жизненный опыт наконец-то единодушны в намерении не упорствовать.

— Смотри, — торопливо пролистав страницы, Танрод сунул мне под нос огромный фолиант, — это он?

Я впилась взглядом в четкое изображение точно таких же четок, как мои, только намного более длинных.

— Нет. Мои раз в пять меньше.

— Все верно, — указал он на надпись внизу листа, «один к пяти», и пояснил: — Художники специально рисуют крупнее. Вот теперь мне все понятно... это усилитель. Артефакт, служащий для активной защиты своего хозяина. Был найден при раскопках гоблинского поселения свободным копателем и выкуплен учеником магистра Бенгора. Парнишка не увидел в четках никакого запаса магии и нацепил его на руку, но снять не смог. Усилитель привязывается к одаренным и начинает через них собирать энергию, а потом выплескивает ее, помогая носителю исполнить самое сильное желание.

— А как же он оказался... ну, там, где я нашла? — обреченно смотрела я на учителя.

— Это невеселая история, — нахмурился Танрод и отложил фолиант, который до этого стремительно читал. — Вот теперь и я вспомнил. Ученик стал магом и пожелал жить в Тагервелле, здесь у него была невеста. И однажды они отправились отдохнуть на Велейские острова. Корабль попал в шторм, большинству пассажиров и матросов удалось спастись на шлюпке, но мага с женой среди них не оказалось. А лет десять назад артефакт появился в лавке торговца редкими вещами, но купить его мы не успели, опередил какой-то подозрительный тип. Больше никаких сведений об усилителе не было.

— Как вы будете его с меня снимать? — мрачно осведомилась я, не глядя на Танрода.

— Никто не станет снимать усилитель, — заявил маг и довольно добавил: — Он уже привязался к тебе и выполняет, вернее, усиливает твои самые сильные желания. Разумеется, только те, которые относятся к активной защите. Зато теперь ты можешь больше не сомневаться в росте собственных способностей. Раньше тебе ни за что не удалось бы подчинить себе этот артефакт.

— Ну вообще-то за появление этих способностей я должна бы благодарить того лжеторговца, — пробормотала я, пытаюсь припомнить, после какого события браслет перестал сниматься. — Но мне почему-то не хочется. А как ты теперь определишь, какая стихия мне подчиняется?

— Боюсь, никакая, — задумчиво сообщил магистр. — Вернее, постепенно научишься всему понемножку, как и остальные маги, но главная способность у тебя тоже очень редкая, ты менталист. Сейчас объясню, не переживай так сильно. Разумеется, ты никогда не сможешь одним взглядом подчинять себе толпы людей или очаровывать всех подряд, как Кэрдон. Но остановить самоубийцу или устыдить бандита должна суметь.

— Да? — Несколько секунд я смотрела на лорда с сомнением, не зная, стоит ли ему рассказывать, чем именно я занималась десять предыдущих лет и как хорошо умею уговаривать людей не делать заведомых глупостей.

Но, само собой, только тех, кто на самом деле жаждет помощи, переубедить самоуверенных упрямцев не удастся никому и никогда. И как жаль, что теперь, когда такая работа должна получаться у меня еще лучше, я не имею права заниматься ничем подобным. Зато должна еще раз поблагодарить Луизьену, она не ошиблась, уча меня именно тому, к чему у меня были скрытые способности. Или наоборот — мое занятие подтолкнуло мой дар именно в эту сторону? Но как бы то ни было, я все равно навсегда останусь признательна Луизьене, именно ее помощь позволила мне вырасти независимым и уверенным в собственном мнении человеком.

— Вельена? — снова нахмурился лорд, внимательно следивший за моим лицом и явно рассмотревший на нем признаки тревоги. — Тебе не стоит огорчаться, я же говорю, это редкая способность. Я сейчас схожу в Саркан и поищу книги на эту тему, а завтра мы начнем заниматься. Думаю, после обучения у тебя будет много больше возможностей применить свой дар, чем даже я сам могу себе сейчас представить. С магией всегда так, она преподносит сюрпризы там, где их не ждешь.

— Я вовсе не расстраиваюсь, — искренне рассмеялась я и веско добавила: — И никогда не пожелаю управлять толпами или очаровывать всех подряд. Ответственность за судьбы людей — очень тяжелая ноша, и не понимают этого только самоуверенные болваны.

Последняя фраза принадлежала Луизьене, я помнила наизусть любимое высказывание тетушки и полностью поддерживала ее мнение. Но на лорда мое сообщение произвело весьма странное впечатление, он даже рот приоткрыл и вытаращил глаза с таким изумлением, словно увидел меня впервые.

— Доброй ночи! — поспешила я сбежать, мечтая спокойно обдумать все свалившиеся на меня новости.

ГЛАВА 23

Утром меня разбудил настырный, хорошо знакомый звук: кто-то упорно царапал дверь, пытаюсь проникнуть в комнату.

— Кыш! Иди гулять! — прикрикнула я сонно, но скрежет стал еще сильнее.

Я нехотя встала с постели, набросила пеньюар и побрела к двери, пытаюсь по пути немного привести в порядок спутавшиеся волосы.

Кыш сидел в коридоре меховой кучей и укоризненно смотрел на меня зелеными глазами.

— Подожди немного, мне нужно одеться, — попыталась я закрыть дверь перед мохнатым другом, но он уже протиснулся в проем и отправился изучать комнаты.

Пришлось махнуть на него рукой и забыть о намерении понежиться в постели еще с полчаса. «Зато посмотрю на рассвет», — зевая, нашла в появлении питомца светлую сторону. А копаясь в сундуке с одеждой, выяснила, что необходимо ее срочно разобрать и развесить. Теперь, когда самые страшные опасения стали понемногу развеиваться, у меня внезапно начал просыпаться интерес к привезенным Танродом нарядам.

И вскоре мы с полуургом уже входили на кухню, где обнаружилась небранная после вечерней трапезы посуда. Правда, остатки жаркого и соус исчезли самым таинственным образом, и судя по некоторым признакам, завтракал тут вовсе не лорд дознаватель.

— Кыш, у тебя испортились манеры, — объявила я зверю, выглянула в окно и увидела так же тщательно вылизанный трехведерный котел, который мадам Рина поставила для костей.

Отложив на время все остальные заботы, я отправилась проверять кладовку с продуктами и выбирать те, которые, по моему мнению, подходили Кышу. Но кормить зверя в доме не стала, вынесла бараний бок на улицу и бросила в котел, потом вернулась и принялась готовить завтрак себе. Первым делом замесила тесто, потом поставила сковородку на печурку и сунула магический камень в особое гнездо. Поискала зажигалку и, не найдя, направилась к выходу, намереваясь принести свою, как вдруг припомнила вчерашний разговор с магистром.

«А разве голод не может считаться врагом?» — возник у меня закономерный вопрос, и сам собой сложился ответ. Конечно же может, как и холод, и темнота, и все прочие опасные вещи и явления, которые угрожают жизни и здоровью мага. Особенно такого слабого и неумелого, как я. И значит, мой артефакт должен спасти меня от всего этого... а сейчас — зажечь огонек под сковородой с маслом.

Эти мысли казались мне такими верными и логичными, что я, нимало не колеблясь и не волнуясь, протянула руку и подумала властно: «Огонь!»

И только после этого засомневалась в правильности своих действий, некстати припомнив слова магистра, что теперь мне не только целоваться нельзя, но и просто жить следует осмотрительно.

Поздно. Розетка горелки, установленной над камнем, уже светилась веселым солнечным светом, а в кухне запахло нагретым маслом. Я поспешила заняться выпечкой лепешек и не думать о том, чего исправить все равно уже нельзя. Как говорит Луизьена: «В тележке, куда запряжены три лошади — воспоминания о былом, тоска по несбывшемуся и старые обиды, невозможно уехать по дороге, ведущей к счастью». И она, как всегда, права... Но кто бы знал, как часто я теперь вспоминаю хотя и непростую, но понятную и уверенную жизнь, какой жила рядом с ней.

Завтракать я решила не в кухне и не в столовой, а на веранде и вскоре уже сидела в плетеном кресле, макала в мед теплые лепешки и запивала холодным молоком, найденным в шкафу с белой печатью. И пыталась разобраться с магией, так внезапно ворвавшейся в мою жизнь и уже начавшей перекраивать мое будущее на совершенно невозможный, ошеломительно новый лад.

Только теперь до меня начала во всей полноте доходить истина, которую я не могла принять

еще вчера утром. Я больше не подчиняюсь никому из тех, кому обязана была подчиняться ранее. Ни императору, ни его родне, ни его правосудию и порядкам. Отныне меня защищает и судит только Сарканская цитадель, и от ощущения небывалой свободы просто захватывало дух.

Я представила возвращение в свой родной дом, жалостливые взгляды слуг, вздохи тетушек, которые немедленно примчатся меня опекать, и неожиданно поняла, что больше ничего этого не боюсь.

Хотя это неправильное слово, я никого из них и раньше не опасалась. Просто неприятно было представлять поток направленных на меня высокомерно-сочувствующих взглядов, покровительственных улыбок и многословных снисходительных советов, как и где девушка моего возраста должна искать себе достойного мужа.

И ведь даже намекнуть нельзя было наивным родственницам, насколько больше их самих я знаю о жизни и мужском коварстве, а кстати, и о женском тоже. И давно поняла, у лживости и подлости нет пола, они одинаковым дурманом расцветают как в мужских, так и в женских душах.

На веранду прибрел довольный, сытый Кыш, нехотя, из вежливости, сжевал кусок лепешки и развалился на нагретых солнцем досках пола. Некоторое время я чесала ему за ушком, потом, припомнив способность магов отличать напоенные силой вещи от пустых, немного помучилась, пытаюсь с закрытыми глазами увидеть ауру Кыша. Но вскоре вспомнила о собственной способности не замечать сырой силы и разочарованно оставила это занятие. Как я начинаю понимать, увидеть подобное волшебное зрелище мне не удастся никогда. Зато я уже умею зажигать огонь и скоро смогу не таскать повсюду свою зажигалку и покупать к ней напоенные магией камушки.

Тут я вспомнила предупреждение учителя никуда не ходить без зеркала и поспешила в свою комнату исполнять приказ. А когда снова спустилась вниз, обнаружила в столовой худошавую женщину, с удовольствием поглощавшую мои лепешки.

— А это кто такая? — невольно сорвался с моих губ неслышный вопрос, а в следующую секунду я уже поспешно выхватывала из кошелька зеркало и, полуобернувшись, рассматривала в него неожиданную гостью.

Как ни странно, но и в зеркальце тоже отражалась именно она, дама лет тридцати пяти, в неброском сером, но очень элегантно и отлично сшитом платье. И прическа ее казалась простой только на первый взгляд: поднятые волной надо лбом волосы на затылке оказались уложенными строгим и сложным валиком. Мне поневоле пришлось освоить искусство укладки волос, и я точно знаю, насколько непросто свернуть длинные волосы таким вот идеальным кренделем, поднятым к темени строгой заколкой.

Женщина сидела ко мне вполборота и, казалось, не замечала моего появления на скрытой в полумраке лестнице, а я неторопливо спускалась и внимательно наблюдала за нею. Ела она, кстати, тоже очень элегантно, почти манерно. Отламывала лепешку небольшими кусочками, кончиком ножа укладывала тонкий пластик масла и осторожно кусала, не запачкав маслом даже губ.

Последний кусочек она положила в рот, когда я добралась до дверей и приостановилась, раздумывая, сколько правды ей можно сказать и стоит ли вообще хоть что-то говорить.

Леди спокойно дожевала лепешку, запила чаем, аккуратно отставила чашечку, промокнула

салфеткой губы и пальцы, небрежно отложила ее в сторону и вдруг уставилась прямо на меня:

— Я леди Агнесса, твоя учительница изящных манер и этикета. Ну и умения одеваться со вкусом. — Она скептически оглядела мое платье и поджала губы. — Танрод попросил, чтобы мы уложились в три дня, но я ему сразу сказала, что это невыполнимая задача. Поэтому объясню самое основное и дам несколько книг, придется тебе их прочесть. Ты ведь умеешь читать?

К этому моменту я ее уже еле терпела и молчала только по одной причине — не могла пока понять, Танрод всерьез считает, будто мне нужны уроки этой высокомерной леди, или снова устраивает испытание?

— А каким образом вы оказались в доме? — решив прояснить этот вопрос, осведомилась я, проходя к столу и усаживаясь напротив гостьи.

— Ты сделала сейчас две грубейшие ошибки, — и не думая отвечать, поучительно сообщила леди Агнесса. — Не поздоровалась и не представилась. Затем ты должна была попросить разрешения присоединиться к трапезе.

— Да? — изумленно подняла я бровь. — А с каких пор хозяйка должна просить разрешения сесть в своем собственном доме и съесть собственноручно испеченную лепешку?

— Ты здесь не хозяйка, — сухо поджала она губы. — Танрод слишком добр, подбирает всех троюродных племянников.

— А вы уверены, — мой голос мгновенно стал вдвое суше и холоднее, чем у нее, — что Танрод разделяет ваше мнение? И кстати! Вы тоже сделали кучу грубейших ошибок. Ворвались в чужой дом без стука, не поздоровались и не спросили разрешения есть завтрак, который я приготовила для себя. А съев его, не поблагодарили меня за труды и не похвалили мои лепешки, как принято в приличных домах.

— Ты так уверена, что это приличный дом? — в ярости забыла она обо всех правилах этикета, и я тотчас поймала эту оплошку.

— А если он такой неприличный, то что тогда делаете здесь вы, леди Агнесса? Вам к таким и близко подходить не пристало!

— Я не так выразилась, — поджала она губы, с ненавистью глядя на меня.

— А зачем мне учительница, которая не умеет четко выражать свои мысли, не уважает хозяина дома и сама не умеет себя вести? — очень мягко и очень холодно осведомилась я. Поднялась с места и направилась к двери на веранду, а дойдя до нее, повелительно крикнула: — Кыш!

И с чувством выполненного долга направилась к дальней беседке, намереваясь сидеть под охраной мохнатого друга хоть целый день, пока не появится лорд дознаватель.

Однако долго ждать не пришлось, уже через десять минут на дорожке появился мой учитель. Торопливо вошел в беседку, пожелал доброго утра, сел напротив и выжидающе уставился на меня.

— Доброе утро, дорогой, — кротко улыбнулась я и склонилась к цветущей грозди душистого горошка: — Ах!

Несколько минут магистр молча ждал, потом тяжело вздохнул и спросил:

— Что произошло?

— Я нечаянно зажгла огонь под горелкой, — скромно призналась я и виновато потупилась.

— Зачем? — отстраненно буркнул Танрод, рассматривая меня, как нашкодившую кошку. С таким же огорчением и укоризной.

— Кушать захотелось, — подарила я ему еще одну виноватую улыбку.

— А в шкафу нет еды? — упорно не желал понимать меня маг.

— Я люблю по утрам горячие лепешки. Линта мне всегда пекла.

— Скажи мадам Рине, она напечет, — отмахнулся он. — А что было потом?

— Я же говорю, я пошла печь, а зажигалка осталась в комнате, — терпеливо, как маленькому, продолжала объяснять я. — Мне не хотелось идти наверх, и я подумала, голод — это ведь тоже мой враг? И если я не поем, мне будет плохо. А чтобы поесть, нужно поджечь кристалл. И тогда я приказала «огонь!», и он загорелся.

— Вслух приказала? — наконец заинтересовался Танрод.

— Мысленно, — виновато качнула я головой, и в глазах мага вспыхнул огонек исследователя.

— Подожги что-нибудь.

— Мне нужен убедительный повод, — вздохнула я.

— Сейчас будет, — обещающе ухмыльнулся маг и указал на дорожку.

Я перевела туда взгляд и едва не завизжала — прямо к нам ковыляло на шести лапах отвратительнейшее из чудовищ, не то гигантский паук, не то краб, и зубы у него были ничуть не меньше, чем у Кыша.

— Это арх, создание гоблинов, используется для защиты домов. Но этот — дикий и сейчас на тебя нападет.

Словно в ответ на его слова, монстр присел, точно так, как кошка перед прыжком, и все во мне сжалось от страха и омерзения.

— Прочь! — само сорвалось с губ, и по пауку ударило что-то невидимое, похожее на порыв ветра, но не шевельнувшее ни одного куста.

Только чудовище, снесенное этой силой, кувыркаясь и тонко визжа, катилось прямо по траве и цветам, беспомощно дергая всеми лапами.

— Отлично, — довольно пробормотал Танрод. — Впечатляет. Позже займемся тренировкой, сейчас мне некогда. А теперь скажи, почему ты не захотела разговаривать с леди Агнессой?

— А она не сказала? — изумилась я.

— О чем именно? — не поймался на этот раз учитель, и я мысленно его за это похвалила.

Мне даже проще будет объяснять.

— О том, что твой дом неприличный, ты ко мне чрезмерно добр и вообще зря собираешь всяких дальних родичей. А научить меня чему-либо за три дня невозможно, и я вообще невероятно невоспитанная, даже возникают сомнения в моем умении читать.

— И ты выгнала ее прочь.

— Подлая ложь. Я ушла сама и собираюсь сидеть тут, пока она не исчезнет, — твердо сообщила я чистую правду.

— Леди говорит, ты кричала ей «вон!», — не сдавался магистр. — И это не было ложью!

— Она уверена, что слышала именно «вон»? — задумалась я. — Может, это было «кыш»?

— А ты кричала «кыш»? — прищурился жених.

— Да, — уверенно подтвердила я. — На случай, если она побежит следом. Кыш никогда не подпустит ко мне никого чужого.

— Вельена, а ты не забыла, как теперь выглядит твой Кыш? — Танрод так упорно пытался вывести меня на чистую воду, что я не могла не вспомнить о его должности.

— Разумеется, нет, лорд дознаватель. А еще я помню о его зубах и некоторых вредных чертах характера.

— То есть ты сейчас признаешь, что в Глоэне он нарочно гадил мне под ноги? — обличительно уставился на меня жених.

— Признаю. Но только одно — он очень чувствительное животное и обидчиков наказывает сразу. Даже меня саму.

— Ладно, — помолчав, вздохнул наконец магистр. — Мне и в самом деле сейчас некогда. Поэтому я забираю леди Агнессу и ухожу, но где мне теперь найти тебе учителя — даже не представляю.

— Если можешь быстро ответить на два вопроса, тогда подскажу, — решила я помочь ему и, разумеется, самой себе.

— Какие вопросы? — насторожился он.

— Самые простые, — глядя с самой невинной улыбкой, успокоила я жениха. — Откуда ты вообще взял эту высокомерную даму и как она очутилась в доме?

— Она самая известная в Саркане учительница этикета, — немедленно сообщил лорд. — А появилась из перехода в моем кабинете. Там у меня точка возврата... ну нечто типа маяка. А теперь подсказывай, но учти, с этикетом я и сам не в особых ладах. Но мне и не приходится ходить на те обеды и встречи, которые положено посещать принцессе.

— Я так и думала, — не удержалась я от шпильки и огорченно вздохнула: — Иначе ты бы никогда не счел Агнессу хорошей учительницей. Но не будем о ней, надеюсь, она уже в Саркане? А я, между прочим, отлично знаю настоящий этикет, а не вымученные правила высокомерных зазнаек. И даже если случайно в чем-то ошибусь, Онгильена мне простит. Но во всех случаях это будет выглядеть значительно естественнее, чем жеманство и унылые

гримасы, которым собиралась учить меня эта спесивая леди.

Маг размышлял всего секунду, потом вздохнул, сказал:

— Хорошо, — и исчез.

А я немедленно поднялась с места и, весело усмехаясь, направилась в дом искать молоток и гвозди. Как выяснилось, наружный засов на двери кабинета — это сейчас самая необходимая вещь. Не выношу, когда гости являются в дом без стука и предупреждения. И не важно, с парадного крыльца они входят или являются через потайной вход. Хотя, наверное, во втором случае вежливое обращение мне понравится даже более.

ГЛАВА 24

В доме пахло чем-то вкусным, а из кухни доносилось размеренное постукивание, и я, еще не веря себе, немедленно направилась туда. И не ошиблась — мадам Рина уже суетилась возле стола, отбивая молоточком почти прозрачный ломтик мяса.

— Доброе утро. — Едва поздоровавшись, я попыталась развеять собственные сомнения: — Вы сегодня рано.

— Лорд Танрод предупредил, — опасливо оглянувшись в сторону столовой, шепнула экономка, — сегодня будет гостья.

— Неужели леди Агнесса? — чувствуя, как начинает портиться настроение, осведомилась я и поняла, что попала в точку.

Мадам запуганно кивнула и еще яростнее застучала своим орудием, словно пыталась вбить в доску саму учительницу.

— Гости отменяются. — Кратко сообщив кухарке новость, я направилась в сторону лестницы, раз учить меня пока некому, буду сама читать книгу о магических способностях.

— Не может быть, — не поверила мадам Рина. — Я запах ее духов ни с чем не спутаю.

Так, значит, леди магиня появилась тут вовсе не впервые и именно поэтому так свободно себя чувствовала? Мне стало еще досаднее, но я постаралась этого не показывать, скрыв за равнодушной усмешкой:

— Может. У нас с леди оказались очень разные взгляды на правила этикета.

— Вы ее выгнали? — охнула добрая женщина и вдруг радостно захлопала в ладоши, словно я была ярмарочным фокусником, удачно потерявшим в пустом ящике одного из помощников. — Леди Вельена, это нужно отметить! Я сегодня иду на рынок, куплю свежей сметаны и испеку очень вкусный торт! Устроим праздник!

Мне в голову тотчас пришла замечательная идея, и я немедленно поделилась ею с экономкой:

— Вы не представляете, какую хорошую мысль мне подали! Мы идем вместе! Я так давно не была на рынке, да и кое-что из одежды хочу купить.

Судя по вытянувшемуся лицу мадам Рины, особо удачной мою идею она не считала, но спорить все же не стала, лишь неуверенно сообщила, что денег у нее не очень много.

На это заявление я только небрежно отмахнулась: в столице имеется пара мест, где я и раньше могла взять деньги, а теперь еще добавился гномий банк, хранивший отсуженные у дяди капиталы. Разумеется, никаких гномов на нашем континенте давным-давно не было, и до недавнего времени я считала это название просто тонкой шуткой, но лишь теперь начала понимать, насколько глубоко ошибалась.

Больше экономка спорить со мной не пыталась, и уже через четверть часа мы заперли за собой калитку и направились в сторону рынка. Очень скоро я узнала этот район: тут жили люди достаточно зажиточные, чтобы иметь собственные дома с садом, и недостаточно богатые для роскошных особняков неподалеку от императорского дворца или имений с конюшней и парком в восточной части города, на берегу залива.

Именно там круто заворачивающее морское течение занесло пологий берег почти белым песком, сделав это место любимым для прогулок и купаний знати. Самый шумный и бедный портовый район теснился под скалистыми отрогами на противоположном, западном краю бухты.

Мы шли, размахивая глубокими корзинками, и болтали обо всем, что попадалось на глаза. Не желая привлекать ничьего внимания, я нарочно надела выкопанную в глубинах шкафа темную юбку, блузу в цветочек и выданную экономкой простенькую соломенную шляпку, а губы подкрасила самой бледной помадой. Ну и повернула камнем к ладони роскошное кольцо магистра. Не стоит дразнить глазастых воришек, хотя я давно уже могу от них отбиться и знаю несколько простеньких способов надежно отвлечь внимание от своей особы.

Бродить по рядам с зеленью и рыбой мне никогда не нравилось, а таскать полные корзины провизии было обязанностью рыночных носильщиков, и поэтому я без зазрения совести оставила мадам Рину крабам, договорившись встретиться с ней в булочной, расположенной у входа на рыночную площадь.

И почти бегом помчалась в ближайшее из мест, где держала сундуки с теми вещами, которые не отвезла на хранение в монастырь. Две немолодые клиентки Луизьены, спасенные ею от разорения сестры Шамолье, молились на мою «тетушку» и готовы были сделать все, чего она ни попросит. И только они, кроме Луизьены и матушки Мелисанты, знали тайну мисс Эвелины Бенро.

Жили они неподалеку, в старинном домике с садиком, которого едва не лишились, попавшись на хитрость сводной сестры, дочери отчима. Дама вначале выменяла у сестер дом на небольшое имение у самого моря, где ей якобы мешал спать шум волн, а через некоторое время, продав его, вернулась и выгнала доверчивых родственниц, не догадавшихся оформить как положено все документы. Неизвестно, кто посоветовал расстроенным старушкам обратиться к Луизьене, но заниматься этим делом пришлось мне.

Мы с Луизой обе понимали, как мало у нас шансов пристыдить пронырливую даму, сохранившую оправдывающие ее действия письма и дарственную на дом, и решили ее припугнуть. Изменив внешность, я сняла неподалеку от преступницы домик и принялась рассказывать всем соседям, как сильно мне понравилось это местечко. И больше всего я теперь желаю купить там имение, примерно такое, как у сестры клиенток. И никаких денег не пожалею, оно так напоминает дом моей бабушки. Очень скоро жадная леди сообразила, что может разбогатеть, и принялась приглашать меня на полдни и чаепития. Ну а остальное очень просто. Сонное зелье надежно усыпило двух служанок, а влезший в окно «бандит» в сопровождении Кыша, на шее которого зловеще поблескивал шипастый ошейник, на лбу

торчали деревянные, но очень правдоподобные рога, а морда была выпачкана в куриной крови, почти до обморока перепугал мошенницу. Она собственноручно написала чистосердечное признание и отдала все документы угрожающе молчаливому мужчине в черной маске и плаще. Один из клиентов Луизьены изредка подрабатывал моим напарником.

Сама я, якобы возмущенная таким коварством новой «приятельницы», пригрозила ей судом, если она упомянет где-нибудь мое имя, и в тот же вечер уехала из этого райского местечка, снова возвратившись в маленькую комнатку Эвелины Бенро.

Всего пять минут ходу, и передо мной возникла скромная дубовая калитка. С перголы на нее спускались густо переплетенные плети вьющихся роз, пышно усыпанные мелкими, но душистыми темно-вишневыми бархатистыми цветами. Вдохнув их обворожительный аромат, я решительно дернула витой шнурок колокольчика.

— Кто там? — Слегка дрожащий, но безукоризненно вежливый голос вызвал желание пошутить, и я не смогла удержаться:

— Бедная сиротка ищет работу... может стряпать, вязать и изгонять злых духов.

— Вельена! — Дверку словно порыв урагана распахнул, и старшая из сестер, Жанетта, сухонькая, хрустящая крахмальным чепцом и фартуком старушка, стиснула меня в довольно крепких объятиях. — Ты вернулась!

— Тсс! — сделала я страшные глаза и вмиг оказалась в крохотном дворике, заставленном скамеечками и вазонами с цветами.

Звякнула за моей спиной надежным засовом калитка, и на пороге появилась младшая сестра, более высокая, дородная и медлительная Шарлотта.

— За тобой погоня? — осведомилась она, вытирая вышитой салфеткой влажные руки.

— Пока нет, — засмеялась я. — Но если мы будем разговаривать на всю улицу...

— Так заходи в дом. — Шарлотта широко распахнула двери и первая пошла внутрь. — А выглядишь ты замечательно. Загорела, окрепла... деревенский воздух всегда творил чудеса. Ты как раз вовремя, я пеку творожные пончики. Будем есть с клубничным джемом и молодым медом.

— Не могу, — пришлось отказаться с искренним сожалением. — Времени мало. Я прибежала забрать кое-какие вещички и рассказать главную новость. Мою мачеху судили, и дядю вместе с ней. Вернули мне имение и дом. Но пока я туда даже не ездила, мне придется на несколько дней вернуться в свой замок. Уезжаю завтра рано утром... и дел еще очень много. Но скоро вернусь и тогда, обещаю, приду надолго.

Мне очень не хотелось обманывать добрых женщин, но открывать им чужие тайны я не имела никакого права.

Однако они все же сунули мне корзиночку с пончиками, когда я, упаковав в плетеный сундучок шкатулку с драгоценностями, кошель и несколько любимых вещей, которые никогда не видели клиенты Луизьены, выходила из дома.

— Может, тебя проводить? — волновалась Жанетта, открывая передо мной калитку. — Мало ли лиходеев!

— Около рынка меня ждут, — сказала ей чистую правду, — а на улицах полно народа.

Беззаботно помахала милым старушкам и пошагала к булочной, раздумывая на ходу о том, как объясню лорду Танроду появление незнакомых ему украшений. Слукавить, как со старушками, не получится, а выдавать свое убежище пока очень не хочется. Мелькнуло было запоздалое сожаление о собственной излишней поспешности, но его пришлось задвинуть подальше. Как говорит Луизьена, нет ничего глупее, чем жалеть о несделанном. Гораздо полезнее делать выводы из уже совершенных поступков.

Знакомое ощущение чужого взгляда кольнуло спину, когда мне осталось до рынка всего полторы сотни солдатских шагов — самая распространенная народная мера в империи. Мгновенно возник соблазн оглянуться, смерить пренебрежительным взглядом наглеца, осмелившегося в открытую изучать мою фигуру, но я тут же себя одернула. Простые служанки, какой меня сейчас видят прохожие, не имеют привычки одаривать приличных мужчин такими взглядами. А в том, что это мужчина, я убедилась, бросив мимолетный взор в оконце полуподвальной лавчонки, к которой подходила. Жаль, лица разобрать не сумела, зато отлично рассмотрела стройную фигуру и хорошую одежду.

Шагов двадцать двигалась неторопливо, придумывая план действий и не забывая поглядывать в окна и витрины магазинчиков и лавок, которые встречались все чаще. Мой преследователь не отставал, но старался держаться на расстоянии, и я пока не собиралась гадать, шпион это или ждущий удобного случая вор. Бытующему среди далеких от реальной жизни дам представлению, будто все воры — грязные и худые оборванцы, я не верила уже давно. И даже была знакома с одной очень удачливой воровкой, приходившей пару раз к Луизьене пожаловаться на возлюбленных.

— Извини, Гресси, — заявила тогда моя тетушка, — но тебе я ничем помочь не смогу. Так уж устроена наша жизнь, нельзя укусить пирог сразу с двух сторон. И объяснять тебе подробнее ничего не буду, незачем зря время тратить. Просто прими это как издержки профессии и попытайся выбирать не тех мужчин, которым нравится твой особняк и выезд, а ты сама. Но для этого тебе нужно одеться, скажем, служанкой... и погулять вечером по набережной.

Через декаду радостная Гресси принесла тетушке тугой кошелек и объявила, что встретила на набережной очень интересного мужчину, случайно оказавшегося ее собратом по ремеслу, и наконец-то счастлива. Слушать Луизьену, предлагавшую проверить так неожиданно свалившееся «счастье», воровка не пожелала, сообщив, что считает работу выполненной и претензий не имеет. И когда он через год уехал на ее выездной паре, увозя сундучок с самыми ценными вещами, Гресси горько рыдавшая в кабинете тетушки Луизы, и в самом деле ни в чем не обвинила наш салон, по ее мнению, во всем была виновна «драная кошка из Лиусвелла».

Внезапно мое внимание привлекла знакомая вывеска столярного магазинчика мастера Бермуса, и я обрадовалась ему, как встрече со старым другом. Эвелина Бенро частенько заказывала здесь полочки и ящички для картотеки и знала о существовании черного выхода, через который можно попасть во двор, где под навесом хранятся различные бруски и доски. А потом можно выйти на соседнюю улочку, откуда эти доски и подвозят.

Уже через пару минут, выскочив из знакомого дворика через калитку, я стремглав неслась по переулку, решая, куда свернуть. Выбор пал на харчевню, откуда через минуту сбежала

боковым входом, и вскоре уверенно входила в булочную, где меня уже ожидала мадам Рина, неторопливо попивавшая чай с крохотными ломтиками разных тортов, подаваемых сластенам только тут.

— Если вы готовы, — предложила я, кисло оглядывая угощение, — то можем купить любой торт и ехать домой, у меня, кажется, начинается мигрень.

Разумеется, спорить домоправительница не стала, поспешно выбрала лакомство и помахала с крыльца ожидавшему ее извозчику.

За время пути я несколько раз с помощью зеркала оглядывала улицу, но уже знакомого мужского силуэта так и не заметила и постепенно успокоилась. А подъезжая к дому, и вовсе о нем забыла, уйдя в решение вопроса, как объяснить Танроду появление у меня новых вещей. Лгать магистру очень не хотелось, да и не верилось мне, будто его так уж легко обмануть.

Возле ворот мы ненадолго задержались. Экономка не желала впускать повозку во двор, и кучеру пришлось таскать корзины на крыльцо, а я стояла рядом с распахнутой дверцей, следя по просьбе мадам Риной, чтобы он ничего не забыл.

Зловещую фигуру преследовавшего меня мужчины, торопливо шагающего по тротуару на противоположной стороне улочки, я обнаружила нечаянно, совершенно случайно обернувшись лицом к центру города. И сразу обмерла, не зная, как поступить.

Однако в одном была абсолютно уверена — подпускать его ближе никак нельзя. А едва осознала это со всей ясностью, как сразу же принялась действовать.

— Передай мадам, мне стало нехорошо, и я пошла к аптекарю. — Сунув подошедшему кучеру свою корзинку и бросив сверху приметную шляпу, ринулась навстречу шпиону, на ходу изобретая план, как запутать его понадежнее и не позволить выяснить адрес магистра.

Благо он пока еще был довольно далеко, к тому же прохожие и экипажи не давали подробно рассмотреть, рядом с каким именно домом стоит повозка. Хотя, как я начала понимать, пробежав почти половину расстояния, он никак не должен был связать меня с этим извозчиком, ведь нанимала его не я. Значит, на мне стоит какая-то метка, и теперь возвращаться домой мне нельзя до тех пор, пока от нее не избавлюсь. И хорошо, что у меня на пояске привязан тугий кошелек, купить все новое не составит никакого труда.

Дорогу я переходила, едва не поравнявшись с торопливо шагавшим шпионом, и не сомневалась, что он меня заметит, если и в самом деле следит через какой-нибудь амулет. О том, как поступлю, если он не кинется мне вслед, пока думать рано.

Но он все же развернулся, окончательно убедив меня в правоте возникших подозрений. Но прежде чем избавляться от своих вещей, нужно надолго оторваться от шпиона, и способ уже придумался сам собой. Оставалось только найти подходящее место, и такое я давно знала. Поэтому упорно вела туда своего преследователя.

Конюшни Жеграна были известны всему Тагервеллу, здесь можно взять лошадь или коляску на час, на день или на время празднеств, как кому требовалось. С кучером или без, с возвращением на ночь или с правом последующего выкупа — Жегран не гнушался никакими заработками, кроме тех, за которые можно было попасть в руки помощников Танрода.

Имение, где он разводил лошадей, находилось за городом, а вот конюшни — почти в центре столицы, неподалеку от рынка. И входы туда были с трех сторон.

Вот этим обстоятельством я и собиралась воспользоваться, как и полутемными каретными и узкими проходами между сенниками и амбарами с овсом.

К конюшням пришлось почти бежать, время сейчас дороже всего, Танрод может вернуться в любой момент, да и мадам Рина непременно будет тревожиться. Однако проверять, не отстал ли шпион, я не забывала, мимоходом поглядывая то в зеркальце, то в стекла витрин. И потому, свернув во двор заведения Жеграна, пошла не к конторке, где приказчики оформляли договора, а ринулась напрямик к конюшне, и в этом не было ничего необычного. Многие клиенты сначала бродили между денниками, выбирая скакуна, и только потом шли подписывать документы.

Шпион предсказуемо не отставал, видимо, заподозрил неладное, но это было мне на руку. Дойдя до узкого прохода, через который конюхи вывозили навоз, я подобрала юбки и храбро ринулась к небольшой дверке, за которой, насколько мне известно, находились хозяйственные ворота. Мало кто из знатных дам подозревал об их существовании, ну так некоторые из них и о навозе зачастую не слышали, не для нежных ушек такие прозаичные слова.

Сапоги преследователя торопливо застучали по дощатому настилу, едва я оказалась на улице и обнаружила, что навозные ямы недавно чистили. Теперь лишь на самом дне поблескивала отвратительная грязно-зеленая жижа. Четкий план созрел мгновенно, и я стремительно помчалась по заляпанному навозом мостику на противоположную сторону. Пробежала немного и резко обернулась, услышав за спиной чавкающие шаги. Тотчас оказавшись почти лицом к лицу с сердито сопящим мужчиной.

— Ну и долго вы будете меня преследовать, грязный маньяк? — рывнула на него и, не дожидаясь ответа, махнула рукой, мысленно отдавая приказ, как учил магистр: «Прочь!»

Преследователя снесло как ураганом, хлюпнула вонючая жижа, но думать об этом уже не было необходимости. Пусть почувствует на своей шкуре всю безвыходность положения попавшей в ловушку жертвы.

Торопливо перебежала дворик, проскользнула в ворота и вскоре останавливала первого попавшегося извозчика.

— К ипподрому.

На самом деле я ни на какой ипподром идти не собиралась и уже через пять минут, расставшись с серебряной монетой, входила в купальни мадам Ледорро.

— Мне нужно умыться и переодеться, — самым расстроенным голосом сообщила я помощнице хозяйки, встречавшей гостей у порога, и та, с первого взгляда оценив мой наряд и бедственное положение, провела в небольшую умывальню и выдала баночку мыла и чистое полотенце.

А еще через десять минут проворная девица притащила простенькое, но новое ситцевое платьице, такую же шляпку, отделанную атласными лентами, недорогие туфельки и все прочее, в чем нуждается каждая порядочная девушка, намеревающаяся выйти на улицу.

— Что делать с вашими вещами?

— Выстирать и упаковать. Надпишите «Мари Тосино», я приду за ними сама или пришлю кого-нибудь.

В этом узелке были все мои вещи, до нитки, кроме старинных четок, обручального кольца, зеркальца магистра и потертого кошелька. Этот кошель я только сегодня забрала у сестер Шамолье, и никакого маячка на нем просто не могло быть.

И теперь мне предстояло выяснить, какие из моих вещей помечены и кто именно это сделал, превратив меня в вынужденную убегать дичь.

ГЛАВА 25

Вскоре, пару раз сменив извозчиков и потеряв еще несколько монет, я наконец оказалась возле входа во дворик жилища лорда архивариуса.

— Вам кого? — сухо осведомилась мадам Рина, подойдя к воротам на мой стук, и по ее хмурому взгляду и поджатым губам я начала догадываться, что опоздала и лорд дознаватель уже дома.

— Ты меня уже не узнаешь? — виновато спросила домоправительницу и сжалась, ожидая ее ответа.

А привычный к различным задачкам и неожиданным препятствиям разум уже обдумывал, куда идти, если лорд рассвирепел и велел не пускать меня в дом. Разумеется, я найду где переночевать, могу вернуться к добрым старушкам. Но здесь у меня остались Кыш и начатый портрет родителей, и это единственные из моих ценностей, которые я никогда никому не оставлю и буду драться за них из последних сил.

— Леди Вельена? — неуверенно произнесла экономка и приблизила лицо, изучая меня неверящим взглядом. — Это в самом деле вы?

— Чем мне это доказать? Рассказать, ради какого события мы купили торт? — обреченно выдохнула я и тяжело вздохнула, внезапно ощутив, насколько устала.

Даже колени дрожат и подгибаются.

— Ох, пресветлые силы, — что-то рассмотрела на моем лице мадам Рина и торопливо зазвенела ключами. А когда я, едва не пошатнувшись, протиснулась мимо нее, шепнула жалостливо: — Лорд Танрод дома. И Олаф тоже.

Мне с каждой секундой становилось все хуже, и уже не было дела ни до Танрода, ни до его друзей, я мечтала только добраться до своей комнаты. И потому, ухватившись за ветку сирени, тихо свистнула, точно зная: этот сигнал Кыш никогда не оставит без внимания.

Так и вышло. Питомец примчался черной молнией, лизнул мне руку и послушно подставил спину. Обняв мохнатую шею, я вздохнула свободнее, уверившись, что валяться на дорожке мне не придется, шепнула команду и закрыла глаза, закачавшись на мягких волнах несуществующего моря.

Откуда-то издали донесся холодный голос моего учителя и жениха, виноватый лепет экономки и еще чье-то желчное бурчание, но у меня не оставалось никаких сил, чтобы вникнуть в ускользающий смысл.

Сейчас у меня была только одна цель — добраться до своей комнаты и до кровати.

И первую часть плана я все же выполнила, потому что хорошо помню, как нажимала ручку и направляла Кыша к постели. А потом стало темно.

— Леди Вельена вернулась, — виновато доложила прятая хмурый взгляд женщина и смолкла, всем своим видом показывая, что больше ничего говорить не намерена.

— Мадам Рина, вы передали ей мое распоряжение? — Хозяин смотрел непривычно строго, но обиженно поджав губы экономка предпочитала упорно молчать. — Ну, в чем дело? Вы же понимаете, как легкомысленно поступила Вельена? Она не привыкла к жизни в большом городе, плохо знает городские порядки, и с ней могло произойти все что угодно.

— Ничего с ней не случилось, — ядовито прошипел Олаф, с ненавистью провожая взглядом легко взбирающегося по лестнице медведя, на спине которого, как на диване, устроилась девица в новеньком платьице. — Сама объявилась и даже принарядиться успела.

— Не думала я, — горько пробормотала мадам Рина, — что вы такой бесчувственный и злой человек, иначе никогда не стала бы свидетелем на вашей помолвке. Ищите себе другую прислугу, господин Ледхар... а я беру расчет. Помогу только сначала бедной девочке... боюсь, у нее не хватит сил доползти до кровати.

Швырнула на пол фартук, гордо задрала нос и решительно направилась к лестнице.

Олаф пренебрежительно фыркнул, явно считая, что экономка погорячилась и завтра будет как шелковая, но Танрод, смерив его хмурый взглядом, двинулся следом за служанкой. А дойдя почти до верхних ступеней, решительно отстранил с дороги упорно не замечающую его мадам и, старательно сдерживаясь, чтобы не слишком спешить, размеренным шагом прошел к приоткрытой двери в комнату ученицы.

И замер на пороге, разглядывая далеко не добродушно скалящего зубы медведя, сидящего на ковре рядом с телом своей хозяйки. Лежащей так неудобно и некрасиво, с задранными до колен подолом, как никогда не будет лежать женщина, упавшая в притворный обморок.

— Р-р-р! — раздался предупреждающий рык, едва магистр шагнул к ученице, но тот только повелительно отмахнулся, посылая зверю мысленный приказ не мешать.

Кыш недовольно отошел в сторону, не спуская недоверчивого взгляда прищуренных желто-зеленых глаз с человека, поднимающего на руки его хозяйку.

Танрод положил ученицу на кровать, передвинул подальше, потянулся к подушке, намереваясь устроить Велью поудобнее, и с досадой скрипнул зубами, рассмотрев у нее на лице, возле носа, размазанную капельку крови.

— Рина! Переодень ее и положи на переносицу холод, девушка перегрелась, — приказал лорд на ходу и помчался в свой кабинет, вызвать целителя и прихватить шкатулку с зельями.

Разумеется, он и сам мог ей помочь, но чувствовал себя виноватым перед экономкой, утверждавшей, что Вельена почувствовала себя плохо и пошла в аптеку.

Хотя из доклада Олафа вырисовывалась совершенно другая картина, и теперь нужно дождаться, пока Велья придет в чувство, чтобы выяснить правду. Солгать ему она не сможет... да и никогда еще до сих пор не пыталась.

Я пришла в себя от знакомого запаха нашатыря, тотчас сморщилась и решительно отодвинула чью-то руку с платочком.

— Никогда не суйте мне под нос эту гадость, меня от него тошнит.

— Запомню, — добродушно сообщил сидящий рядом человек знакомым голосом, и я поспешила распахнуть глаза:

— Лорд Доур? Как я рада вас видеть!

— Я вас тоже, милая леди, но лучше бы мы встретились в столовой, — лукаво улыбнулся он.

— Я сейчас... — оглядев себя и рассмотрев рукава ночной рубашки, на миг задумалась, — переоденусь и приду в столовую. Мы с Риной купили огромный торт.

— В честь чего? — продолжил допрашивать меня целитель, наивно считая, что делает это незаметно.

— О, причина очень важная — победа правды над ложью и доводов разума над замшелыми предубеждениями, — важно объявила я и беспечно улыбнулась, словно удачно пошутила. А затем, сочтя правила гостеприимства выполненными, невинно осведомилась: — А вы уже выяснили, что со мной случилось?

— Пока не могу сказать уверенно... мне нужно знать, когда начался приступ и с чего?

— Какой приступ? — зацепилась я за неудачно оброненное им слово. — У меня какая-то болезнь?

— Ваша болезнь видна всем магам, — сердито произнес от окна лорд дознаватель, и я скосила туда глаза, желая рассмотреть, сколько еще мужчин в моей спальне и не похоже ли это собрание на консилиум?

— Это внезапная вспышка способностей, причем ментальных, — продолжил жених так же холодно, сверля меня осуждающим взглядом, — и ваше безобразное отношение к собственному здоровью. Ну зачем вы отправились сегодня на рынок, неужели мадам Рина сама не купила бы этот торт?

— Мне хотелось немного погулять, посмотреть на людей, — виновато надула я губы. — Сидеть в четырех стенах за десять лет опостылело.

— В следующий раз будете гулять только со мной или с Олафом, это мой племянник, он сегодня приехал погостить, — заявил лорд дознаватель и направился к двери. — Ждем вас в столовой, будем пробовать ваш торт.

Лорд Доур подмигнул мне по-свойски и ушел следом за ним, так и не ответив на вопрос, но я уже раздумала его спрашивать. Танрод довольно ясно намекнул, на какие темы можно говорить с целителем, а о чем лучше смолчать, и сердить его еще сильнее вовсе не входило в мои планы.

Проводив мужчин взглядом, я поднялась с постели, сделала несколько шагов, настороженно прислушиваясь к собственным ощущениям, и с облегчением признала, что странная болезнь исчезла, не оставив никаких следов. Чувствовала я себя хорошо, вернее, как обычно, и потому поспешила переодеться и причесаться. А потом выпустила в окно следившего за мной Кыша и направилась в столовую, мечтая не столько о торте, сколько о чашке супа или куске жареного мяса.

Однако, войдя в столовую и рассмотрев сидящих за столом гостей, внезапно поняла, что больше ничего уже не хочу. Рядом с Танродом сидел, уверенно откинувшись на спинку стула, тот самый мужчина, который преследовал меня сегодня целый день. Мне даже ядреный запах конского навоза почудился, и в висках тотчас заломило.

— Извините, — едва сдерживаясь, чтобы не зашвырнуть его куда подальше вместе с лордом дознавателем, прошипела я, не узнавая собственный голос. — Похоже, я переоценила свои силы.

Развернулась и ринулась наверх, спеша оказаться под защитой крепкой двери и надежного засова.

— Леди Вельена? — Изумленный голос лорда Доура догнал меня на середине лестницы, и я помчалась еще быстрее.

Влетела в свою комнату, защелкнула засов, потом, в панике оглядевшись, придвинула к двери тяжелый стул, уже догадываясь, как бесполезны эти приготовления против моего учителя.

А едва развернувшись, с досадой зашипела сквозь зубы, обнаружив мгновенно исполнившиеся подозрения. Посреди моей спальни стоял лорд дознаватель и, скрестив на груди руки, с укоризной смотрел на меня.

Ну что же, этим поступком он только ускорил принятие мной решения, и не придется долго сомневаться, как именно преподнести ему неприятную новость.

— Сейчас я соберу свои вещи, заберу Кыша и уйду отсюда навсегда, — протянув к нему руку с кольцом, холодно отчеканила я, но в последний миг голос предательски дрогнул. — Снимите свое кольцо.

— Велья, — устало вздохнул магистр, сделал странный жест рукой и спокойно сел на диван, — как, по-твоему, назначили бы меня главным дознавателем, если бы я судил о поступках людей, не выяснив предварительно все обстоятельства дела, а также мотивы или чувства, руководившие ими в момент нарушения закона?

— Я теперь нарушитель закона? — саркастично приподняла я бровь и сильнее поджала губы, чувствуя, как вскипает в душе горькая обида.

— Для меня ты прежде всего моя ученица, — рассудительно сообщил лорд, — лишь недавно пережившая всплеск силы и пока еще очень неуравновешенная и подозрительная. И потому нуждающаяся в постоянном присмотре.

— А в доверии, — начиная снова закипать, с обидой зашипела я, — в обычном человеческом доверии я, по-вашему, не нуждаюсь? Абсолютно? Со мной нельзя поговорить, объяснить, подсказать? Ко мне нужно приставить грубо работающего шпиона, который ходит буквально по пятам? За кого я могла его принять, как по-вашему? За человека герцога или убийцу, нанятого каким-нибудь племянником дяди? Или, еще хуже, за одного из маньяков, после встречи с которыми молодые девушки исчезают навсегда?

— Мы вроде договорились разговаривать без излишней церемонности? — огорченно взглянул на меня Танрод и потер пальцами виски. — А с Олафом моя оплошность. Я вызвал его из Саркана и поселил в доме напротив, но даже не мог предположить, что тебе внезапно вздумается отправиться на прогулку. Парню пришлось принимать решение самому, когда он обнаружил, что охраняемый объект начал удаляться.

— На чем стоит ваша метка? — пристально уставилась я на лорда дознавателя. — На кольце?

— Ну разумеется, — и не подумал отказываться он. — И не только она. Я вложил туда несколько полезных заклинаний, ведь ты должна была отправиться к Онгильене. Но теперь про этот план можно забыть... и сейчас я должен уйти, предупредить Кэрдона.

— Стой, — ринулась я к поднимающемуся с дивана учителю, ухватила его за рукав. — Почему это забыть?

— Потому что ты не можешь быть одновременно в двух местах, — отрезал он неожиданно жестко. — Ехать в карете с принцессой и гулять по рынку.

— Но Танрод, — возмутилась я, еще крепче вцепляясь в руку жениха, — ты снова ошибаешься! Или недооцениваешь мои умственные способности! В таком виде, в каком я ходила сегодня по рынку, Вельена Глоэн ле Морнье никогда не выйдет из дома!

— А в каком она выйдет? — внезапно всерьез заинтересовался он.

— Я могу показать. Если ты дашь честное слово не оставлять Гили без моей помощи.

— Хорошо... я его дам. Но поясни мне сначала, почему ты иногда называешь ее Гили?

— Помажь мне язык горчицей, — расстроено глянула на учителя. — Если я ее так назвала, значит, начала доверять тебе, как проверенным друзьям.

— Спасибо, — помолчав, вздохнул он. — Стало быть, рассказа о том, как познакомилась юная принцесса с не менее юной монашкой, я не услышу никогда?

— Услышишь, — мрачней, пробормотала я, понимая, при каких обстоятельствах может открыться магистру мое прошлое. — Но, надеюсь, очень нескоро.

К тому времени, как я стану настоящим магом и побываю в Саркане, не раньше. Ну и, разумеется, после того, как герцог Бетдино получит вместо Гили щелчок по носу.

— Надеюсь на обратное, — съязвил он и деловито сообщил: — Хорошо, я не стану менять планов... если Олаф тебя не узнает.

— Танрод, — не удержалась я от смешка, — ты меня точно дурочкой считаешь. Ну как он сможет меня не узнать, если на моем пальце твое кольцо? И если я приду вместе с тобой из своей комнаты?

— Маячок я на время уберу, — судя по загоревшимся азартом глазам магистра, идея устроить эксперимент ему понравилась, — а придешь ты из моего кабинета. Сколько времени тебе нужно — час, два?

— Двадцать минут, — уверенно сообщила я и сама себе отвесила мысленную оплеуху за эту выдавшую меня с головой убежденность.

— Полчаса, — объявил Танрод. — Мы как раз успеем выпить чаю и проводить магистра Доура. И еще мне нужно уговорить Рину... она потребовала расчет.

— Скажи мадам, что я сама ее нанимаю, — буркнула, уже уйдя в мысли о перевоплощении в саму себя. — Мне она не откажет.

— Попробую обойтись без этого, — насупился лорд дознаватель и направился к двери. — Жду тебя в комнате с номером три.

Как пушинку поставил на место стул, отпер засов и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

ГЛАВА 26

Дочери внезапно разбогатевших золотоискателей и купцов непоколебимо считают основным признаком знатной леди роскошное платье, увешанное драгоценностями. Величайшее заблуждение. Истинная знатность и безупречное воспитание проявляются совсем в ином.

Тонкий вкус и элегантность, деликатность и скромность, естественные и одновременно изящные манеры, а особенно — улыбка. Доброжелательная и учтивая, но в то же время слегка отстраненная и прохладная, как безмолвное предупреждение о запрете на фамильярность и бесцеремонные шутки. Рядом с такими дамами глотают свои пошловатые остроты самые языкастые придворные ловеласы и зеленеют от зависти увешанные бриллиантами юные любовницы и жены стареющих лордов.

Но самое главное — искреннее внимание к собеседникам и обостренное чувство меры, проявляющееся абсолютно во всем. От выбора цвета платья до темы разговора и количества съеденных за чаем пирожных. Истинная леди никогда и ни в чем не делает себе поблажек.

Именно поэтому я хотела бы остаться в Глоэне, купаться нагишом в озере и есть на кухне свежие лепешки, макая кусочки прямо в вазочку с вареньем, а не сопровождать Онгильену. Но я перестану себя уважать, если буду думать о себе, когда в помощи нуждается девушка, однажды совершенно бескорыстно предложившая свою дружбу простой помощнице хозяйки модного салона.

Серебристо-серое платье из шелкового репса я заметила в шкафу еще раньше, перебирая приготовленные Танродом наряды, и уже примерила к нему прическу и различные дополнения вроде шарфика, броши, перчаток и прочих мелочей, поэтому не раздумывала ни минуты. Торопливо умылась, убирая облик невзрачной горничной, надела новое белье и чулки. Вроде незаметные постороннему взгляду атрибуты дамского туалета, но только женщины знают, как сильно может отравить им самый замечательный праздник незаметная крохотная дырочка на чулке или слишком тугое бюстье.

Платье оказалось чуть свободновато, но меня это не смутило. В сундучке, который я принесла от старушек, были различные пояски, заколки, шнурки и прочие мелочи, которые помогают справиться с разными пустячными неурядицами. Но едва я о нем вспомнила, как меня облило ледяным подозрением. Неужели Танрод уже видел мои вещи и смолчал, желая проверить мою честность?

Ох, упасите светлые боги! Похоже, отправляясь на рынок, я была неправа намного более, чем считала несколько минут назад. Ведь он же главный дознаватель, самая мрачная и недоверчивая личность в империи, если верить всезнающей молве! Да ему и по долгу службы положено быть подозрительным и осторожным, а тут еще этот заговор против герцога. Который, если раскроется, легко можно будет представить заговором против воли императора и нарушением договора с Сарканской цитаделью.

Настроение мгновенно испортилось, я очень не люблю оказываться виновной и ненавижу извиняться. А сегодня, похоже, все-таки придется.

Просто так, на всякий случай, я обыскала спальню и, заглянув в то отделение шкафа, где

хранила саквояжи, внезапно обнаружила скромно задвинутые к стенке мои сундучок и корзинку. И судя по прикрывающей пончики салфетке — мадам Рина даже не заглянула в нее. Святая женщина! Немногие из слуг, да и не только, устоят, когда есть возможность сунуть нос в чужие вещи. И спрятала их экономка очень своевременно... Похоже, придется просить прощения и у нее за все перенесенные волнения.

Отпущенного магистром времени мне как раз хватило, чтобы переодеться. Серый бархатный пояс, дополненный брошью черного серебра, удачно подчеркнул талию, осталось лишь подобрать туфли чуть темнее платья и летнюю кружевную накидку, наоборот, на полтона светлее. Затем я подняла волосы в строгую прическу, оставив на висках по шаловливому пушистому завитку, и чуть наискосок, кокетливо прикрыв часть лба, надела маленькую жемчужно-серую шляпку.

Лицо припудрила почти незаметно, губы едва тронула нежно-розовой помадой, зато контур глаз оттенила синим, точно зная — теперь они будут казаться почти сапфировыми.

Осталось невесомо мазнуть духами за ушами, украшенными крохотными бриллиантовыми серьгами, натянуть на руки серебристые перчатки, повесить на локоть сумочку, а на губы — уверенную, но деликатную полуулыбку. Последний бдительный взгляд в зеркало, слегка поправить локон, сильнее откинуть голову — и графиня Вельена ле Морнье готова к выходу.

Лорд дознаватель, как и обещал, уже ждал меня, стоя у окна и задумчиво смотря куда-то вдаль. Обернулся он не сразу, а лишь после того, как я сделала несколько шагов.

— Лорд Танрод? — слегка склонив голову, обворожительно и в то же время чуть свысока улыбнулась я учителю и величественно протянула руку: — Я леди Вельена Глоэн ле Морнье.

— Очень приятно... — на миг смешавшись, произнес лорд дознаватель, почтительно взял протянутые пальчики и поцеловал точно так, как предписывали правила этикета.

Только отпустил не сразу, на несколько секунд задержал в ладони, изучая меня все мрачнейшим взглядом.

Наконец отступил на шаг, суховато кашлянул и сообщил:

— Ты меня убедила. Сейчас отправлю Олафа домой и научу тебя ставить щит. А после заката отправлю к Онгильене. Маркиз Сангирт нужен мне здесь.

Отвернулся и ушел так стремительно, что я окончательно растерялась. Больше всего этот уход походил на бегство, ведь мы же вроде собирались проверить, узнает ли меня злополучный Олаф?

Можно было окликнуть учителя или ринуться следом и попытаться выяснить, отчего он так резко поменял свои намерения, но мне никогда не придет в голову поступить таким образом. Бесплезно. Насколько я уже успела его изучить, Танрод из тех мужчин, которые действуют, не рассчитывая ни на кого. Но не из-за излишней самонадеянности, просто привыкли всегда брать на свои плечи самое тяжелое.

С тех пор как работа на Луизьену поневоле заставила меня изучить причины и следствия людских поступков, мужчины именно с такими чертами характера неизменно вызывали у меня симпатию и уважение. Но до сих пор я даже не подозревала, как, оказывается, непросто с ними договариваться!

Прежде чем идти вниз, немного посомневавшись, вернулась в спальню и переоделась. Мне не настолько могли помешать платье и шляпка, как ввевшаяся в мозг обязанность в этом образе при любых обстоятельствах оставаться истинной леди. И еще, совсем чуточку, необходимость присматривать за учителем, как-то необычно встретившим мое очередное изменение образа.

А ведь он еще не догадывается, что оно далеко не последнее.

Однако вскоре я осознала, что зря опасалась. За четверть часа магистр успел вернуть себе прежнее, сосредоточенно-невозмутимое выражение лица и объяснял правила построения щитов, как обычно, доходчиво и образно.

— Магия едина, — повторял он в который раз, — различны лишь люди. И если для одного страшнее огонь, а для другого ветер, то и защиту они будут стремиться строить из самых надежных, на их взгляд, стихий.

— А если я ментал... то из чего мне делать щит?

— Ну это же ясно — из чувств. Только помни, тут те же правила, что и со стихиями. Кэрдон в случае опасности очарует всех вокруг, и никто не сможет причинить ему вреда, я, если сочту нужным воспользоваться именно этой стороной магии, постараюсь вызвать у врагов раскаяние во всех старых проступках и ошибках. А Олаф, который использует ту часть ментальной магии, которую мы называем иллюзией, постарается вызвать сострадание, представ перед противником в образе именно того существа, которое они привыкли жалеть.

— Так почему же сегодня он не пользовался своими способностями? — немедленно нашла я лазейку для волновавшего меня вопроса. — Он и вживую, и в отражениях витрин был самым собой.

— Для тебя, — с досадой фыркнул маг. — Но если бы ты спросила у мадам Рины, кто идет за вами, она бы увидела благообразного старичка или чинную монахиню. Он ведь не личину на себя надевает, ее не так быстро сменить, а пользуется отводом глаз или иллюзорными обликами. При необходимости Олаф может каждую минуту создавать новые, в его арсенале сотни образцов. Он является непревзойденным мастером слезки... до сих пор был таким. А ты увидела его настоящим, да еще и в навоз сбросила... он, между прочим, сильно ударился плечом и еле вылез. Хоть там и по колено, но стенки скользкие, пришлось звать на помощь.

— А магия? — попыталась увести учителя от обсуждения моей оплошки.

— Открыть переход он не мог, не настолько силен, а все остальное опасался показать случайным зрителям. Да и магии оставалось маловато, Олаф ведь понял, что где-то прокололся, и менял образы почти каждую минуту. А на это сил тратится более обычного.

— Сочувствую, — подумав, буркнула я. — Но извиняться не стану. Мне было еще хуже, обегала полгорода, уводя его от твоего дома. Кстати, нужно забрать мои вещи в купальнях мадам Ледорро. Они записаны на имя Мари Тосино.

— Кто это такая, ты, конечно, не скажешь? — пытливо глянул на меня Танрод.

— Почему, могу и сказать. Это имя моей троюродной сестры, но она живет в Донетии и сюда никогда не приезжает. Так из чего мне делать щит?

— Попытайся придумать сама. А сначала припомни, чего ты боишься более всего и

подействует ли твой страх на других?

— Я боюсь? — Несколько минут я сомневалась, потом неуверенно сообщила: — Наверное, остаться без дома. А еще оказаться в зависимости от воли злых или неприятных мне людей.

— Никогда бы не подумал, — нахмурившись, несколько секунд смотрел на меня Танрод. — Ну тогда попытайся представить, что ты оказалась на скользком льду или в клетке, и передать этот ужас мне.

— А вдруг на тебя подействует?

— Это будет просто замечательно, — уверенно ухмыльнулся лорд. — Но не очень-то надейся. У меня ведь тоже есть щиты.

— Ты меня успокоил, — огрызнулась я.

На пару секунд зажмурилась и представила себя стоящей почти посреди внезапно разбушевавшейся речки на крохотном заснеженном островке. Том самом, куда я успела добежать, когда потемневший лед, по которому пыталась добраться до синевших на проталинке подснежников, вдруг затрещал и начал ломаться прямо под ногами. Мне было тогда десять лет... но этот ужас запомнился навсегда.

— Темная сила, — сдавленно прошипел магистр, и я поспешила открыть глаза.

Лорд с напряженным лицом, стиснув зубы и широко расставив ноги, стоял, вцепившись в стул, и странно покачивался, словно боролся с невидимым ураганом.

— Прекращай!

— Как? Я не умею, — не на шутку перепугалась я, и он тотчас расслабился, полез за платком и с минуту сосредоточенно вытирал лицо и руки.

А потом подошел ко мне и, взяв за запястье, некоторое время всматривался в никуда.

— Твой запас истрачен наполовину... а браслет по-прежнему полон. Мощная вещица. Ну, считай, способ повергнуть в панику разом пять-шесть врагов мы нашли, запомни это ощущение.

— Его нельзя забыть, — мрачно усмехнулась в ответ, и лорд тотчас оказался рядом, заглянул мне в глаза встревоженным взглядом:

— Так это воспоминание? О чем?

— Ледоход. Я была еще девчонкой... ходила за подснежниками. — Рассказывать, как почти час сидела посреди речки, не хотелось.

Мне тогда еще очень повезло: островок, как объяснили после селяне, был верхушкой примыкающей к правому берегу длинной песчаной отмели. На ней лед пока не подтаял, и по этой узкой полоске относительного спокойствия сумели пробраться трое нанятых отцом мужиков с баграми, вытащившие меня из ледяного плена.

— Значит, оставь его на самый крайний случай, — твердо приказал Танрод. — И попытайся придумать еще парочку защит.

Следующие щиты получились у меня не так быстро и были слабее, но магистр остался доволен. Заставив повторить найденные способы по нескольку раз, велел идти отдыхать и собираться. Обменять меня на маркиза он решил во время ужина.

ГЛАВА 27

Светлый кабинет лорда дознавателя сменился на мягкий сумрак незнакомой комнаты почти мгновенно, и первым делом я ощутила аромат жареного мяса и свежего укропа. Затем увидела накрытый к ужину стол, стоящий у распахнутого окна, и лишь после этого рассмотрела парочку, сидящую у стены на резной старинной лавке каштанового дерева.

Бледная, печальная Онгильена и маркиз Сангирт в точно таком же платье, как и я. Только размером оно было побольше и не подходило мне совершенно. Потому-то стоявший рядом со мной лорд дознаватель держал в руках ворох моей одежды, небрежно связанной шарфиком, и мешок со всякими мелочами вроде шляпок и обуви. Все это мне предстояло уложить в сундук, с которым маркиз под моей личиной сел в карету принцессы несколько дней назад.

Очень значимых для них с Гили дней, судя по мрачному огню, горевшему в черных глазах Кэрдона и дрожащим от горя губам принцессы.

Явно нуждающейся в срочном утешении и поддержке.

И едва осознав это, я ринулась к ней по давно ставшей традицией привычке подставлять слезам подруги свое плечо.

— Вели? — наконец обнаружила она меня, ринулась навстречу, обхватила за пояс и разразилась рыданиями.

— Я уже тут, — бормотала я, глядя ее шелковые льняные локоны, — и никому не дам тебя в обиду, ты же знаешь? Лучше сама выйду замуж за этого проклятого козла... как думаешь, пойдет мне наряд вдовы?

— И ты больше не пропадешь так внезапно?

— Тсс! — остановила я признание, готовое сорваться с губ расстроенной принцессы. — Я никуда не пропадала, а уехала обживать собственный замок... и теперь могу открыть тебе свои планы, все равно они уже не сбудутся. Представь, как замечательно было бы через годик вернуться в столицу леди Глоэн? Дядюшка больше не имел бы на меня никаких прав.

— Ну почему... — Она подняла на меня расстроенный взгляд заплаканных глаз, прикусила губу и тихо выдохнула: — Ты, как всегда, все решила правильно.

Если бы она еще знала насколько. Хотя когда-нибудь я обязательно все расскажу Онгильене. Она умеет хранить тайны.

Еще с минуту мы стояли молча, Гили старалась взять себя в руки, а я пыталась понять, не слишком ли много наших девичьих тайн сейчас узнали тихо, как мышки, молчавшие лорды?

— Давайте ужинать? — наконец опомнилась ее высочество, позволила мне вытереть платком и чуть припудрить ее прелестное личико и первой шагнула к столу.

Ожили и мужчины, подвинули нам стулья, разрезали жаркое и принялись подкладывать закуски так настойчиво, словно до этого мы голодали декады две, не менее.

А потом пожелали спокойной ночи и, забрав с собой все вещи Кэрдона, ушли, улыбаясь преувеличенно бодро и беспечно.

— Вели... — несчастно глянула на меня сразу погрузневшая принцесса, — я должна рассказать тебе про всех моих спутников, сейчас займемся или утром?

— Не будем мы этим заниматься, — решительно отказалась я. — Скажи только, кто-то из них относился к... ко мне с особой неприязнью?

— Леди Евгелия. Ей очень нравится граф Тафро, а он последние два дня вертится около... ну, ты понимаешь.

— Пустяки, завтра будет снова вертеться возле нее, — пообещала я, укладывая в опустевший сундук принесенные платья. — Мне интереснее другое. Кто из них, как ты считаешь, шпионит для Бетдино?

— Половина, — с презрением фыркнула Онгильена, не боясь разговаривать так открыто. Как сообщил магистр, ее высочество носила амулет, искажающий до непонятного бурчания все беседы, которые она желала держать в секрете. — За пять лет он успел подкупить или принудить кучу народу.

— Тогда не будем делать исключения ни для кого, — постановила я. — Незачем мне пытаться с ними подружиться. Меньше забот. А сейчас поясни, чем вы... то есть мы обычно занимаемся вечерами? Читаем, гуляем или пораньше укладываемся спать?

— Ну... — протянула принцесса и внезапно покраснела. — Сегодня я бы просто немного побеседовала перед сном. Завтра мы сядем на шхуну и переправимся через залив, а послезавтра к обеду будем в Тагервелле.

— То есть... сейчас мы находимся... — это известие меня насторожило, — где?

— В Гарлее. В императорском доме форта Тор-Ханьо. Тут всегда останавливается отец, когда ездит в Гарлей.

— И спуск к морю есть?

— Ну конечно, здесь прекрасный песчаный берег и удобные, защищенные от любой опасности купальни, — гордо сообщила ее высочество.

— Тогда почему мы до сих пор сидим в комнате?

— Но уже стемнело, — потрясенно уставилась на меня Онгильена.

— Тем более. Никто нас не увидит, а море в это время самое теплое и ласковое. Я никогда себе не прощу, если немедленно туда не отправлюсь.

— А безопасность...

— Нет ничего опаснее заранее распланированных занятий и встреч, к которым враги могут спокойно подготовить любую пакость, — убежденно сообщила я. — А вот вечерней прогулки к морю от нас никак не могут ждать. Поэтому берем служанок и пару гвардейцев, поставим в охрану, и немедленно идем к морю.

И мы до него дошли, хотя командир охраны, лорд Грензи, пытался заслонить от нас дорожку своей широкой грудью. Но Онгильена только выглядела нежной куколкой, за пять лет необходимость сражаться против отца и его льстивых советников сделала из нее стойкого солдата. А я, разумеется, помогала как могла и во время наших коротких встреч сумела доказать Гили свою точку зрения на законные права принцессы. Вместе с Луизьеной, конечно, но мудрая тетушка предусмотрительно старалась оставаться в тени. Многочисленные наставницы принцессы, гордые доверенной им императором миссией, как одна были ровесницами хозяйки «Женских тайн», и постепенно ее высочество стала подозрительно относиться ко всем женщинам такого возраста. Независимо от их положения.

Онгильена была неправа, но тогда я не пыталась ей это объяснить, у меня была иная забота. Когда Гили, в очередной раз сбежав от сопровождающих ее наставниц во время прогулки по городу с помощью преданной горничной и амулета иллюзий, прибежала в салон Луизьены, я уводила ее наверх, в безопасность и свободу моей маленькой комнатки, и старалась помочь ей стать принцессой не только по званию.

— Ты очень смелая, — жалобно смотрела на меня Онгильена. — В пятнадцать лет я и подумать не могла бы о побеге.

— Это не смелость, а желание жить... просто жить, — вздыхала я, мысленно снова благодаря Луизьену за помощь. — А тебе никуда бежать не нужно. Помни лишь, ты принцесса, а твои наставницы — просто немолодые графини, не сумевшие накопить за жизнь на надежные замки и сохранить свое наследство и мужей. И потому зарабатывают свой хлеб, воспитывая тебя. Разве может леди, не сумевшая правильно распорядиться своей собственной жизнью, давать кому-либо советы и указания, как правильно жить? А если ты слушаешь ее и ошибешься, она потом вернет тебе все потерянное? Или хотя бы попросит прощения за неправильный совет?

— Но я ничего не понимаю, — всхлипывала ее высочество. — И кроме того, они такие настойчивые.

— Забудь о них, — вспоминая собственный опыт, советовала я. — Старайся делать только то, чего хочешь тебе. Я не говорю о всяких глупостях, ты на такие не способна. Лишь о важных решениях, и пусть кто-то назовет тебя капризной. Зато не послушной куклой в руках неудачливых придворных интриганок.

И теперь я радовалась, слушая, как Гили ледяным тоном сообщает лорду Грензи, что его задача — поставить вдоль дорожки к купальням надежную охрану, а не рассказывать принцессам, можно им гулять по вечерам на совершенно пустом берегу или нет.

Он поупорствовал еще немного, лишился обещанной ранее премии и сдался. Вызвал охрану, и нас наконец проводили к выложенной из каменных плит широкой лестнице, ведущей к морю.

А едва мы, свернув за угол, оказались на верхней, шершавой, вылизанной бризом ступени, я зачарованно замерла, не в силах ни взглядом, ни разумом охватить открывшуюся перед нами невероятную по красоте и размаху картину. И совершенно ясно осознавая, как безмерно много потеряла бы, если бы не проявила сегодня настойчивости.

Темнота осталась позади, за мощной стеной старинной крепости и густыми кустами небольшого садика, а здесь, под волшебным сиянием всех трех лун, отражающихся в застывшей серебряным зеркалом бесконечной глади моря, властвовал зыбкий, но столь торжественный и загадочный свет, что у меня от восторга перехватило горло.

В этот миг я до боли в сердце и сладких слез раз и навсегда влюбилась в это место и в это море.

Мой Глоэн был замечательным, тихим и уютным, но там мне не хватало вот этого, ошеломительно величественного простора.

— Светлые боги, — потрясенно выдохнула рядом Онгильена, — Вели, ты просто волшебница. Отныне я никогда не скажу и слова, если тебе вздумается куда-нибудь пойти, клянусь.

— Мне тоже не всегда так везет, — честно призналась я, взяла ее за руку, и мы, как в сказку, пошли туда, в это мягкое серебристое сияние.

Не знаю, будут ли у меня еще в жизни праздники и хорошие события, и насколько сильно они затронут мою душу, уверена лишь в одном: этот вечер останется в памяти как один из самых прекрасных.

Море казалось мягкими материнскими объятиями, добрыми и теплыми настолько, что трудно было понять, где кончаются мои руки и начинается темная вода, стекающая с поднятых пальцев прозрачными каплями цвета старинного серебра. Звезды и луны были везде, над нами, под нами, вокруг нас, и звонкий голосок Онгильены летел в этом бескрайнем, таинственно сияющем звездном хороводе серебристым путеводным колокольчиком.

Мы были лишь вдвоем в этом великолепии, и ее высочество в шутку заявила, будто мы открыли новый мир, Звездное море, и раз тут никого больше нет, то, следовательно, мы его королевы, названные звездные сестры.

И уходить оттуда никак не хотелось... но я уже вспомнила лорда дознавателя и начала подозревать, что именно мне придется проявить силу воли, иначе мы будем изображать русалок до самого рассвета. Или пока не уснем прямо в воде.

— Вели... — виновато шепнула вдруг принцесса, выплывая из тени купальни, — наверное, нам пора идти спать. Кэрд сейчас сердился бы.

— Уходить нам пора, — тотчас согласилась я, — а вот сердиться на тебя он пока не имеет никакого права. И даже если оно у него когда-нибудь будет, пусть и не пытается. Раз с сегодняшнего вечера я тебе звездная сестра, то как старшая прослежу, чтобы этот оболъститель не слишком-то тобой командовал.

Лорд Грензи не произнес ни слова, когда мы, замотанные в шелковые вышитые халаты и чуть покачивающиеся от навалившейся вдруг усталости, брели к императорскому дому и поднимались на второй этаж, но осуждения в его взгляде я не заметила. А чуть позже, уже лежа в мягкой постели и падая в сон, припомнила мелькнувшую на губах мужчины едва заметную усмешку, но так и не успела сообразить, что она могла бы означать.

Утро началось с топота служанок и позвякивания расчесок и щипцов. Спальню мне Онгильена выделила рядом со своей, и у нас был общий будуар, откуда и доносились эти звуки. Судя по моим ощущениям, засуетились горничные подозрительно рано, но возмущаться я и не подумала, еще с вечера предвкушая всю прелесть встречи с утренним морем и путешествия на шхуне.

Поэтому спокойно поднялась, набросила пеньюар и отправилась на разведку. Как выяснилось, я была совершенно права. Гили уже с несчастным видом сидела перед зеркалом, а ее старшая камеристка, леди Боленси, дама с солидным стажем придворной жизни и не меньшим багажом самомнения, уже махала веером над жаровенкой, грея щипцы.

— Доброе утро, — махнула я полами пеньюара, изображая реверанс, и задумчиво уставилась на щипцы: — Разрешите задать вопрос, ваше высочество?

— Вельена, мое высочество даровало вам позволение называть меня просто леди Онгильена, — тотчас окончательно проснулась Гили и милостиво кивнула: — Ну, спрашивайте.

— Мне непонятно... — замялась я, изображая наивную пастушку, — а разве мы не отправляемся сейчас на шхуну?

— Разумеется, отправляемся, — заинтересовалась моими маневрами принцесса. — А в чем дело?

— Я слышала... — шепчу почти виновато, — что на море утром туман...

Вот про коварство тумана Гили было давно известно, она сама мне как-то жаловалась на компаньонку, не предупредивших ее, что на охоте бывает сыро, и тщательно завитые локоны очень скоро повисают жалкими сосульками.

— Как вы правы, — нахмурилась Гили и сурово уставилась на камеристку: — Идите, леди Боленси, и унесите это дымное приспособление, леди Вельена сама заплетет мне косу.

Зло стиснув губы камеристка и горничные исчезли, подчиняясь повелительному взмаху руки, и не видели, какие веселые рожицы корчила вслед им ее высочество.

— Во сколько мы отплываем? — первым делом осведомилась я и на целую минуту онемела, услышав, что через два часа.

— И ты согласилась два часа ходить в платье и с локонами? — потрясенно смотрела я на подругу, впервые в жизни прочувствовав, как несладко ей живется. А потом вспомнила про маркиза и начала свирепеть: — А что же тогда делала эти два часа я?

— Тоже одевалась, — порозовела Онгильена, — или писала письма.

— Кому? — изумилась я. — У меня столько родственников не наберется, даже если написать всем троюродным бабушкам и их внукам.

— Я не знаю, но ты была довольна, — попыталась она защитить меня вчерашнюю от меня сегодняшней, но я уже догадалась, что лорд Кэрдон просто боялся ходить поблизости от камеристок в такой важный для девушек момент.

— Еще бы, — взялась я за расческу и мстительно усмехнулась. — А сегодня мы устроим твоим мучительницам проверку. Все ли они успели приготовить, прежде чем будить принцессу?

— Ты думаешь? — засомневалась Онгильена, но я только загадочно усмехнулась.

Вот чего она так боится? Ведь всего через пару декад ее высочество должна выйти замуж и уехать из родного дома, а армия ее камеристок останется, и хорошо еще, если во дворце. Лишних слуг наш экономный император время от времени увольняет табунами.

Оделись мы очень быстро, особенно после того как дружно припомнили, как трудно справляться на всяких кораблях с улетающими шляпками, развевающимися оборками и юбками, шлейфами, шарфиками, шальями и прочими красивыми и женственными, но непрактичными и неудобными вещицами. И уже через полчаса Онгильена важно шествовала в

сторону столовой, одетая в строгий дорожный костюм, а следом за ней скромно шла я в самом простеньком платье, ботиночках на низком каблуке и с зонтом на локте.

— Ее высочество... — ахнул кто-то из горничных, дружно сидевших за столом, уставленным очень аппетитными блюдами: горячими пирожками, обжаренными ломтиками мяса, ветчины и колбасками, а также разнообразными холодными закусками.

— Я не опоздала? — учтиво осведомилась Онгильена, но все завтракавшие дружно побледнели.

Особенно леди Боленси, сидевшая на том самом месте, где по всем законам должна была сидеть принцесса. А ее высочество, словно ничего не замечая, продолжала рассуждать самым легкомысленным тоном:

— Какой у нас сегодня замечательный завтрак, вы не находите, леди Вельена? Мясо, колбаски, рыба... похоже, мы вовремя пришли. Сядем вот здесь, возле этого блюда, подвинетесь, Сиана.

И Онгильена решительно уселась напротив огромной сковороды, властно указав мне на стул рядом с собой.

Горничную как ветром смело, а я, продолжая помалкивать, взяла тарелки из составленных на краю стопок чистой посуды и решительно подступилась к столу:

— Чего вам положить, леди Онгильена? Вот это мясо? Сыр?

— Я хочу вон тот салат.

— Не советую, мы ведь идем в море... попробуйте лучше вот эту ветчину...

Вскоре тарелка ее высочества была полна, и я, поставив ее перед Онгильеной, выбрала для себя то же самое.

Горничные к этому времени уже опомнились и попытались потихоньку выскользнуть из-за стола, но ее высочество была начеку:

— Завтрак не окончен, Бриана, Сиана! Сядьте на свои места и ешьте.

Продолжали трапезу мы в полном молчании, и бедные горничные едва не рыдали, запихивая в себя злополучное мясо. Помалкивала и я, отлично понимая, какое обидное открытие сделала сегодня для себя Гили. До этого момента она по своей наивности считала, будто по утрам все во дворце едят овсянку с творогом, взбитым с ягодами или фруктами.

Позавтракав, мы отослали камеристок и горничных собирать багаж и отправились к морю. Над миром разгорался ясный, погожий денек, и сидеть в такую погоду в доме было просто преступлением.

ГЛАВА 28

Длинный пирс, к которому тянулись сходни двух шхун, нарядной бело-алой императорской и синей, известной торговой компании, заканчивался небольшой площадкой, с каких обычно любят ловить рыбу старички и нырять отчаянные мальчишки.

Но сейчас этот пятачок был пустынен, и именно туда неторопливо брели мы с Онгильеной мимо привязанных по обе стороны прогулочных лодок и рыбацких шаланд.

— Вели... — осторожно проговорила принцесса, когда мы отошли довольно далеко от готовившегося к отплытию судна, — я не поняла...

— Я знаю. Сейчас дойдем до скамьи, и поясню, — мягко пообещала ей, раздумывая, как бы поделикатнее приоткрыть перед подругой занавес над тем миром, который был для нее так же неизведан, как дальние гоблинские острова.

— Мне заранее стыдно, — уныло пробормотала она, и это признание задело меня очень живо.

— Гили! — стараясь говорить как можно тише, расстроено произнесла я, едва мы добрались до конца пирса, и оглядела неказистые скамьи. Как оказалось, посидеть на них нам не суждено, захватить плед или подушечки я не догадалась. — Тебе совершенно нечего стыдиться! Ну откуда ты можешь знать, какие порядки завела на кухне ваша экономка или мажордом? А есть еще главный повар и казначей. И кроме того, обязательно найдется какая-нибудь старая придворная дама, которая считает себя обязанной проверять, правильно ли, по ее мнению, ведется кухонное хозяйство.

— Никогда даже не подозревала... — задумалась Онгильена, потом внимательно меня оглядела и все-таки задала вопрос, которого я ждала: — А при чем тут салат и жареное мясо?

— Все просто, — вздохнула я, стараясь не очень расстроить принцессу. — Слуги завтракают очень рано. И поэтому едят не горячую кашу и не взбитый свежий творог, их еще никто не успел сварить, а доедают те продукты, которые остались от ужина. Мясо, разумеется, на всякий случай обжаривают, а в салаты еще с вечера добавляют соли и уксуса.

— Светлые боги, Вели! — потрясенно смотрела на меня ее высочество. — Значит, мы ели... обеды?

— Нет, не беспокойся. То, что не доели на своих тарелках гости, поварята сортируют. Что-то собакам, что-то пороссятам. А мы ели кушанья, остававшиеся на общих блюдах. Ну и еще из приготовленного впрок, зависит от щедрости здешнего главного повара. Некоторые кухарки отправляют нарезанное мясо и ветчину в суп для солдат и дворовой прислуги. Вот поэтому я не дала тебе никаких салатов, а только сыр и то мясо, в котором была уверена.

— Больше никогда не приду в столовую так рано, — убежденно сообщила принцесса.

— И зря, — не согласилась я. — Повар должен знать, что ты можешь захотеть кушать в любой момент, пусть его кухарки по очереди приходят на кухню пораньше. И самое главное — это блюда, которые тебе подают. У меня, например, на полдня портится настроение, если мне приходится есть за завтраком овсянку. Поэтому в Глоэне я запретила варить эту кашу и даже крупу привозить. И ты можешь отдать любой приказ, ведь в императорском дворце всего четыре настоящих хозяина — император, твой брат и вы с Наэльсиной. А все остальные должны делать так, как хочется и удобно вам. Но они нарочно придумывают разные правила и причины, чтобы делать так, как лучше им. И всеми силами стараются заставить вас исполнять эти правила. Но твой брат, насколько я знаю, давно уже приучил своих лакеев, и они бегом приносят с кухни все, чего захочется ему. Его высочество Анвилер уже лет десять не ест овсянки, хотя и моложе на три года. А тебя стараются держать в повиновении всякие леди Боленси... хотя сама она, как я сегодня убедилась, с удовольствием нарушает собственные правила.

Некоторое время ее высочество молчала, раздумывая над моими словами, потом вдруг спросила:

— А если кто-то любит овсянку?

— Может быть, — пожала я плечами. — И вполне возможно, она даже полезна. Но в мире много другой полезной еды, которую я могу есть по утрам. Так ради чего портить себе жизнь? Пусть кашу едят те, кто ее любит. Или не умеет готовить ничего другого.

— Значит, и я больше не буду, — постановила Онгильена и обиженно вздохнула: — Ну почему мы не поговорили об этом раньше? Я всегда считала себя обязанной быть образцовой принцессой... та же леди Боленси только и говорит — принцесса должна то, должна это... И я думала, будто Анви избалованный мальчишка, а отец слишком много ему позволяет. Выходит, я была неправа?

— Он и в самом деле избалован, — пришлось признать мне. — Но именно он будет императором. И сможет написать любые законы и поступать так, как ему захочется. А вот из тебя делали послушную куклу, и если бы не Кэрдон, ты покорно вышла бы замуж за то чудовище. И за это я бесконечно благодарна маркизу, хотя он и доставил мне своими проверками несколько неприятных минут. Мне хочется видеть тебя счастливой.

— Спасибо, Вели. Я это знаю, — очень серьезно призналась она и вдруг лукаво засмеялась: — Если бы ты знала, сколько раз они пытались выведать нашу тайну! Но за пять лет я научилась держать язык за зубами, хотя иногда это было очень непросто.

— И все же пока нужно молчать. — Сейчас я понимала ее, как никто другой. — Думаешь, мне легко приходится? Танрод ведь мастер допросов и чувствует ложь. Но ты ведь и сама это знаешь?

— Да. Но не думала, что он тебе рассказал. — Голубые глаза Онгильены смотрели недоверчиво и настороженно.

— И не только это. — Похоже, раз у меня нет намерения позже выслушивать упреки, придется признаваться во всех остальных секретах. Ну, пока кроме самого главного. — Я теперь живу в его доме как племянница, но мы заключили помолвку.

— Ого! — Вот теперь глаза принцессы стали огромными от изумления. — И ритуалом заверили?

— Да. — Коротко кивнув, я повернула кольцо камнем вверх: — Вот оно, и не снимается. Свадьба через три месяца... если мы не рассоримся и он не найдет себе другую невесту.

— Ты шутишь? — почему-то возмутилась Гили, но договорить я ей не дала:

— Тсс. Сюда идут.

— Это за нами, — оглянувшись, сообщила Гили. — Лорд Грензи и лорд Тафро. Видимо, пора отплывать.

Отвечать я не стала, мужчины подходили все ближе и могли услышать наш разговор. Просто стояла и любовалась золотящимися под взошедшим солнцем мелкими барашками волн, мечтая о том времени, когда закончатся все заговоры и тайны, а я смогу жить свободно. Приехать к морю не на один день, а на луну или две и вдоволь насмотреться на его невероятную, каждый день разную красоту.

— Ваше высочество, — лорд Грензи, имевший чин капитана личной гвардии императора,

смотрел на принцессу почтительно, но с уверенностью убежденного в своей правоте человека, — все готово к отплытию.

— Ну так проводите нас на корабль, — величественно подала ему руку Гили, мгновенно превращаясь в ее высочество.

Офицер склонился еще любезнее, подставил принцессе локоть и неторопливо повел ее к шхуне.

— Леди Вельена, вы позволите отвести вас на шхуну? — Безукоризненно выбритый и модно одетый лорд Николо Тафро, известный всему Тагервеллу заядлый волокита, искатель любовных приключений и одновременно весомого приданого, нахально изучал мое лицо неправдоподобно восхищенным взглядом.

— Благодарю вас, — с ледяной вежливостью отказалась я и, не снисходя до объяснений, направилась вслед за Онгильеной.

— За что вы так жестоки со мной? — с преувеличенной скорбью вздыхал, не отставая ни на шаг, лорд Николо. — А я, между прочим, из-за вас всю ночь не спал!

— С кем? — не удержалась я, очень уж подходящий был момент.

— Вам кто-то наплел про меня небылиц, — мгновенно насторожился поклонник. — И я даже догадываюсь кто.

— На дуэль вызовете или отравите? — деловито поинтересовалась, разглядывая шхуну, где вдоль бортов выстроились сопровождавшие Онгильену в поездке придворные дамы и благородные кавалеры. Внимательно изучавшие не морские дали, а наше шествие по пирсу.

— Кого?

— Ну это же вы догадались, а не я, — пожала плечами и шагнула на трап.

— Леди Вельена, следуйте за мной, — взяла меня на поводок ее высочество, и я покорно, как сквозь строй, прошла мимо спутников к лесенке, ведущей на верхнюю палубу.

Шхуна была очень немаленькой, но наверху помещались только императорские каюты. И все сопровождающие принцессу дамы сейчас тайно ненавидели меня за возможность спать в одной из трех роскошных кают с собственной умывальней и выходом на отдельную палубную площадку, куда не допускается никто из спутников, живущих в нижних каютах.

Леди Боленси смотрела особенно напряженно, даже губы побелели, так сильно она их сжимала, но Онгильена прошла мимо, словно ничего не заметив. Значит, не простила ей занятого стула, сообразила я, но заступаться за камеристку не стала, вовремя осознав простую истину. Если я это сделаю, то настойчивая дама непременно испортит нам все удовольствие от прогулки и не даст словечком спокойно переброситься.

Но лишних кают на судне нет, это я слышала еще за завтраком, следовательно, оставаться свободной императорская каюта не может. И теперь я с волнением ожидала, как решит эту задачу Гили.

Она решила просто — приказала перебраться туда лорду Грензи, и, к чести офицера, отказываться или пытаться спорить он не стал, взглянув на суровое лицо ее высочества.

Наверняка уже был в курсе утреннего происшествия в столовой. Вежливо сказал спасибо и ушел за багажом.

— Я поселюсь в центральной, отцовской, — сообщила Гили, едва мы оказались в общей гостиной, куда выходили двери трех кают. — А ты выбирай, мою или Анви.

— Конечно, твою, не люблю мужской вкус, — немедленно решила я и села на диванчик, гадая, чем мы будем занимать свободное время.

Дамы обычно гуляли по палубе, играли в лото или изображали из себя умирающих, хотя на каждом хорошем судне обязательно имелось зелье от морской болезни. Усиленное магами, разумеется.

Но гулять вдоль бортов мне теперь не хотелось, да и кому бы понравилось любоваться природой под прицелом недружелюбных и завистливых взглядов? А в лото я не играю, да и вообще не люблю доверять свою судьбу слепой случайности. Помня о том, куда она меня едва не завела десять лет назад. Да и жаль тратить время на игры, когда со всех сторон такая красота.

Тут мне вспомнился Танрод, особенно его наказ почаще смотреть в зеркальце, и я почувствовала невольную досаду. Если бы он сейчас снова уставился на меня укоризненным взглядом, я не нашла бы и слова в оправдание. Веду себя как юная монашка, сбежавшая на денек из-под бдительного ока наставниц, купаюсь по ночам, злю придворных прихлебателей, вместо того чтобы заботиться о защите Гили. И первым делом проверить, как выглядят наши спутники в моем зеркале.

Шхуна дрогнула, покачнулась, и появился легкий крен, следовательно, мы уже отходим от причала. Я поднялась и направилась в свою каюту снять жакет, судя по всему, день будет жарким.

Роскошь и удобство выделенного помещения поразили меня и смутили, и я не в первый момент вспомнила, зачем сюда шла. А потом, не заметив нигде своих сундуков и баулов, заглянула в шкаф и почувствовала не то чтобы тревогу, а небольшое, но неприятное волнение. Пару секунд помедлила, огорченно вздохнула и решительно направилась в каюту Онгильены.

Стучать мне не пришлось, ее высочество шла навстречу, свежая и довольная собой. И, наверное, поэтому не сразу поняла, о чем я говорю.

— Не беспокойся, наверняка слуги поставили твои вещи в той каюте, которую я вначале выделила леди Боленси, и их сейчас принесут.

— А можно позвать горничных и узнать? — чувствуя, как все сильнее портится настроение, продолжала настаивать я. — Видишь ли, там книга... и другие вещицы, которые дал мне Танрод.

Вот теперь заволновалась и она, лорд Ледхар, похоже, был для принцессы непререкаемым авторитетом.

Онгильена шагнула к шнуру и задергала его с такой яростью, какой я еще никогда за ней не наблюдала.

И уже через несколько секунд в дверях гостиной появился настороженный лорд Грензи.

— Капитан, нужно срочно выяснить, где багаж моей гостыи, кстати, леди Вельена, я назначаю вас компаньонкой. И поспешите, лорд, если вещей не найдется на судне, мы вернемся назад.

— Из-за сундука? — поднял бровь капитан.

— Из-за невнимания к моим гостям, которое показывает истинное отношение ко мне самой, — метнула в офицера ледяную молнию взгляда ее высочество.

В этот момент Онгильена была той самой, настоящей принцессой, которую мне так хотелось в ней видеть.

И командир охраны тоже это осознал, исчезнув со скоростью нашкодившего кота, и у меня на миг закралось подозрение, а не знает ли Грензи, куда делся мой сундук? Но сведений, чтобы делать подобные выводы, пока было маловато, и я направилась к выходу.

— Не ходи, — приказала Онгильена. — Пусть сами придут и доложат.

— Я хотела посидеть на палубе, пока не жарко. И еще у меня есть дело. — Последние слова я произнесла очень тихо, но судя по любопытству, зажегшемуся в голубых глазах, Гили обязательно постарается выпытать у меня эту тайну.

— Тогда идем вдвоем, — догнала меня принцесса, когда я уже ступила за порог, и вдруг засомневалась: — Или... я помешаю?

— Никоим образом, — распахнула я перед ней дверь. — И интересно бы узнать, когда тут пьют чай?

— Теперь я пью тогда, когда захочу, — кровожадно прищурилась Гили, доставая маленький колокольчик.

На его звон примчалась бледная горничная, выслушала указания и вихрем унеслась прочь, а я устроилась в плетеном кресле у перил и достала из чехла зеркальце. Хотя и очень сомневалась, что мне может повезти. Ведь если здесь и есть шпионы, то они давно срослись со своими личинами, и ничего нового увидеть я не смогу.

Несколько минут я делала вид, что изучаю собственную прическу, по разному перекалывая отращенные Танродом локоны, но по палубе легкой в дрейф шхуны время от времени пробежал только парнишка-юнга, довольно смазливый и нахальный, как чертенок. Можно даже не заглядывая к оракулам сказать, сколько красавиц лет через пять будет вздыхать по нему в портовых городках. А потом появился лорд Грензи, и почти сразу заскрипели мачты поворачивающей к берегу шхуны.

— Ну? — приподняла бровь, завидев командира охраны, Онгильена, и я притихла, жалея, что не могу прямо сейчас сбежать в свою каюту.

— Они просто забыли сундуки. Все дамы сами проследили за своими вещами, а за вашими присмотрела старшая камеристка, — мрачно пояснил лорд, стараясь не смотреть принцессе в глаза.

— Но я припоминаю, — задумалась Гили, — как сама послала горничных собрать все вещи. Леди Вельена, вы не вспомните, кому я отдавала распоряжение?

— Я еще плохо их знаю и все время путаю, — сказала я чистую правду.

— Тогда поступим по-другому, — яростно затрясла колокольчиком Онгильена.

Бледная горничная примчалась, как на пожар, и солдатиком вытянулась перед принцессой:

— Чай уже несут.

— Сначала пригласи сюда всех горничных, камеристок и леди Боленси. И молнией!

Семь служанок замерли перед нами буквально через минуту, леди Боленси заявила еще через одну, задрав голову с самым оскорбленным видом.

Четыре девушки были в темно-голубых платьях горничных, камеристки одевались в соответствии с собственным вкусом и состоянием кошелька.

— Кто точно повторит приказ, который я вам выдала, уходя из столовой? — В манерах Онгильены явно чувствовалось влияние лорда главного дознавателя.

— Ваше высочество сказали... — решилась одна из горничных, — чтобы собрали ваш багаж.

— У тебя плохая память, — огорченно поджала губы Гили, — с такой памятью нельзя работать горничной. Ты ведь ни одного указания точно не исполнишь, перепутаешь и письма, и поручения. Я очень хорошо помню свои слова и сейчас вас просто проверяю. На преданность, на честность, на пригодность к службе в знатных домах. Вы надеетесь, что через несколько дней я выйду замуж и уеду, а вы по-прежнему останетесь работать во дворце? Так вот, этого не будет. Сейчас вы все до единой соберете свои вещи и сойдете на пирс, с этой минуты вы уволены. Без выходного пособия, без рекомендательных писем и без выплаты жалованья за последнюю декаду, это наказание за ложь, злобу и подлость. Можете идти. Лорд Грензи, проследите, чтобы их высадили с судна.

— Ваше высочество... — рухнула на колени одна из горничных, — пощадите! Меня там не было... я пришла на завтрак позже и не осмелилась войти... поэтому ела на кухне.

— Зато именно ты собирала вещи ее высочества! — едва сдерживая злые слезы, бросила Сиана, та самая горничная, которую утром мы с Гили потеснили за столом.

— Но мне приказала леди Боленси! Она так и сказала — ты соберешь все мелочи, а я уложу платья принцессы. А потом она ушла собирать свой багаж, пока я ждала лакея... — обливалась слезами девушка. — Если бы мне сказали, разве я бы не собрала вещи леди Вельены? Помилуйте, ваше высочество... меня же отец за это убьет!

— Кто твой отец?

— Беннер, камердинер его императорского величества.

— Действительно, — вздохнула Онгильена, — преданный человек, еще его отец служил старому императору. Хорошо, Эвика, ты остаешься с испытательным сроком. А леди Боленси за грязные интриги против дочери императора будет наказана по всей строгости. И вы тоже, — холодно сообщила она дружно упавшим на колени служанкам. — За сговор с интриганкой. И за молчание, которым поддерживали ее саботаж. Уведите их, лорд Грензи, забота о правосудии ваша обязанность. И отдайте кому-нибудь приказ сходить за вещами, Эвика тоже пойдет, уложит сундуки. Леди Вельена, идите за мной... у меня голова разболелась.

Я молча прошла в гостиную и так же молча уселась на диванчик, начиная понимать, как

чувствуют себя люди, оказавшиеся на внезапно проснувшемся вулкане.

ГЛАВА 29

— Я что-то сделала не так? — усевшись напротив меня, через некоторое время хмуро осведомилась принцесса.

Ее вопрос совпал с легким толчком, означавшим, что мы вернулись к пирсу. Я встала, подошла к окну, выходящему в сторону форта, и с минуту смотрела на берег, пытаюсь понять, что именно мне не понравилось в произошедшем на палубе, потом ответила:

— Мне не в чем тебя упрекнуть, да я и не имею на это права. А сейчас пытаюсь понять, похвалил бы нас за это лорд... ну, ты знаешь, о ком я. И еще мне очень хочется посмотреть, как они будут сходить на берег... ты не против?

— Иди, — мрачно позволила ее высочество и добавила мне в спину: — Я и сама уже ругаю себя за горячность, но простить их не могу. Они ведь чувствовали себя очень хитрыми и безнаказанными, совершая эту подлость. Хотя даже не подозревают, что я с удовольствием поделилась бы с тобой и нарядами, и украшениями.

Далеко я не пошла, встала у самой стенки в тени навеса и, небрежно крутя в руке зеркальце, смотрела на матросов, вытаскивающих на пирс скромные сундучки служанок и кучу багажа, который ставили возле леди Боленси, отвернувшейся от шхуны с таким видом, словно это она сама нас покинула как недостойных ее внимания. Вдаль по пирсу торопливо уходила Эвика в сопровождении трех крепких воинов, а из форта им навстречу уже бежали встревоженные слуги.

Я думала о том, как скоро слух о внезапно расвирепевшей принцессе достигнет столицы, и все яснее понимала, что усиленное внимание к моей персоне со стороны всех придворных интриганов и блюдолизов леди Боленси обеспечила. Поэтому избежать всяческих укусов исподтишка, проверок и сомнительных шуточек теперь вряд ли удастся. Следовательно, странная помолвка с лордом дознавателем становится едва ли не единственным спасительным щитом, за которым я смогу хоть немного переводить дух.

По пирсу, опустив плечи и не оглядываясь, побрела толпа горничных, подхватили свои сундучки и потащили в сторону форта, и сердце кольнула непрошенная жалость. Разумеется, они виноваты и поступили не просто непорядочно, но еще и глупо, не решившись выдать старшую камеристку. Но до сегодняшнего дня она была для них самой главной во всем дворце, ведь от того, похвалит или обсмеет перед ее высочеством приближенная к принцессе дама какую-нибудь из служанок, зависит очень многое.

Наконец на пирсе появилась Эвика в сопровождении двух слуг с тележкой, на которой стояли мои сундуки, а за ними следовал лорд Грензи с отрядом воинов. Командир охранников проследил за тем, как двое его людей бережно внесли на шхуну мое имущество, как почти бегом взлетела по сходням единственная оставшаяся у нас горничная, и решительно поднялся на борт.

А воины форта окружили бывшую старшую камеристку и повели к берегу, не дожидаясь слуг, грузивших на тележку ее многочисленное имущество.

Сверху мне было прекрасно видно, как все наши спутницы и спутники, стоя или прогуливаясь вдоль бортов, так же, как и я, наблюдали за этой сценой. Вряд ли кто-то из этих прожженных

интриганов понял происходящее неверно и не запомнил, что у нежной и робкой принцессы внезапно начали резаться острые зубки. И больше она не спустит ни малейшего посягательства на свою и без того невеликую власть.

Ждать на палубе, пока принесут багаж, показалось мне нетактичным, и я поспешила вернуться в каюту. Онгильены в гостиной уже не было, и чай нам до сих пор так и не принесли, поэтому я прошла в свою комнату и присела в кресло, обдумывая произошедшее. И с каждой секундой убеждалась все сильнее, что нет худа без добра. Ведь если среди уволенных были действительно честные, только запуганные девушки, то лорд дознаватель обязательно это выяснит и поможет им устроиться куда-нибудь в более скромное место. Зато мы с Гили теперь разом лишились всех шпионок, и у Танрода будет возможность приставить к ее высочеству преданных охранников под видом новых служанок.

Мое настроение начало улучшаться, и появление Эвики с багажом я встретила радостной улыбкой.

— Не нужно разбирать мои вещи, я и сама это умею, — остановила я необычайно горячее рвение горничной. — Лучше сходи на кухню и узнай, где там чай, который просила принести ее высочество.

А едва она исчезла за дверью, защелкнула засов и полезла в баул, где у меня хранилась почтовая шкатулка. Лорд дознаватель выдал мне золотую, через которую я имею право посылать столько писем в день, сколько мне захочется, и мельком намекнул, что надеется на мою любовь к эпистолярному искусству.

В тот момент я только усмехнулась, не веря, что, сидя в карете с подругой, вдруг соберусь писать письма. Да и не представляла, о чем мне ему сообщать. Ведь те глупости про цветочки, закаты и милых коровок, какие обожают писать в письмах скупающие дамочки, вряд ли заинтересуют лорда дознавателя.

А вот меня теперь волновал другой важный вопрос — как именно писать? И я искренне злилась на Танрода, не выдавшего мне на этот случай никаких указаний. Ведь мне неизвестно, где он получит мое послание и не окажутся ли рядом в это время посторонние люди. Да и меня могут отвлечь в любую минуту... или заглянет через плечо Онгильена и непременно поинтересуется, почему это я обращаюсь к жениху без должной нежности?

Судя по реакции на мое сообщение о помолвке, принцессе оно очень понравилось. Она явно надеется увидеть, как через три месяца мы с Танродом рука об руку стоим перед жрецами храма Судеб.

И в таком случае мне лучше пока не разочаровывать свою царственную подругу и не рассказывать о собственных планах на будущее. Хотя, если честно признаться, я была бы не против оказаться для лорда дознавателя самой желанной из женщин, вот только жизнь приучила меня трезво оценивать свои шансы.

Да и сама я пока не испытываю к учителю особо нежного чувства, хотя и не могу не признавать, что он и есть тот самый драгоценный дар, который советовала искать Луизьена. Но ведь просто найти его, как выяснилось, лишь полдела. Нужно еще, и чтобы где-то в неизмеримой высоте мироздания пересеклись и связались воедино нити наших судеб.

Письмо мне придется написать, постаравшись не сказать магистру ни одного опрометчивого слова, и чтобы никто слишком подозрительный или любопытный не смог заподозрить наших подлинных отношений.

«Доброе утро, мой дорогой дядюшка! Мы уже плывем по утреннему морю на борту императорской шхуны, и погода просто восхитительная. Мне даже не испортил настроение досадный случай, камеристка ее высочества забыла в форте мой багаж. Но принцесса проявила ко мне необычайную доброту и велела за ним вернуться. А нерадивых служанок выгнала прочь, мне даже жаль бедняжек. Вот и все мои новости, жду встречи, твоя невеста».

Сунула листок в шкатулку и отправила Танроду. Он сообщил, что постоянно носит свою шкатулку с собой и получает письма почти сразу.

И действительно, не прошло и пары минут, как шкатулка издала мелодичный звон, и я поспешила прижать к замку кольцо-ключ.

Внутри лежал листок дорогой бумаги, на котором было написано четким, решительным почерком.

«Доброе утро, моя дорогая невеста! Я счастлив, что путешествие тебе нравится и никаких нерадивых слуг возле тебя больше нет. Постарайся не увлекаться солнцем, на море оно особенно коварное, и не купайся по ночам, в тех местах водятся ядовитые медузы. Целую тебя, моя дорогая невеста».

Некоторое время я раздумывала, отчего это вдруг стала для Танрода такой дорогой, что он подчеркнул это особо, и снова читала записку, все отчетливее ощущая сквозившую в ней ехидную нотку.

Особенно она чувствовалась, стоило мне прикрыть глаза и представить, как Танрод лично произносит эти слова. Темные силы, как я в этот момент корила саму себя за то, что, увлекшись изучением щитов, забыла о тщательной подготовке к поездке с принцессой.

Сгоряча я и Танрода упрекнула в непредусмотрительности, но, немного остыв и подумав, забрала все упреки назад.

На самом деле виновата во всем я сама.

Ведь кого он видит перед собой? Запуганную монашку, только благодаря свободолюбивому характеру избежавшую грязного замужества и сумевшую освоиться в обычной жизни. Далеко не всем бывшим воспитанницам монастырей удастся, выйдя в двадцать один год из обители, научиться жить за ее воротами. Слишком многое, да почти все, в свободном мире оказывается не так, как они привыкли, намного разнообразнее, сложнее и безжалостнее. Вот и возвращаются они в монастырь через год или даже раньше, чтобы снова надеть серое монашеское одеяние, теперь уже навсегда.

И такой девушке бесполезно говорить про конспирацию и шпионов, условные слова и сигналы, просто необходимые, когда берешься за сложное задание. А еще о необходимости следить за всеми сталкивающимися с тобой людьми, их взглядами и действиями и о многом другом. Бывшая монашенка придет в неимоверное смятение при одной мысли о подобных сложностях.

В дверь робко постучали, и я отправилась отпирать, спрятав по пути шкатулку в баул и сунув за корсаж записку. Всего Гили знать не нужно, но держать от нее в тайне осведомленность лорда дознавателя не стоит.

— Ваша светлость, ее императорское высочество приглашают вас на чай. — Эвике удалось потрепать меня вежливостью и безупречным знанием этикета.

— Уже иду, — прошла я в гостиную и чуть присела перед принцессой: — Ваше высочество.

— Не нужно лишних церемоний, леди Вельена, — учтиво проговорила Гили, явно для чутких ушек горничной. — Компаньонкам позволено быть более свободными в обращении, чем придворным дамам. Вам ведь придется находиться при мне почти неотлучно. А теперь садитесь к столу и не обижайтесь, если я назову вас просто по имени.

— Я польщена и тронута... — опускаясь на стул напротив ее высочества, нарочито взволнованно выдохнула я, — и надеюсь никогда вас не разочаровать.

— Я тоже на это надеюсь, — с неожиданной горечью произнесла Гили. — Сегодня люди, которым я доверяла, преподнесли мне жестокий урок. Иди, Эвика, чаю мне нальет леди Вельена. А тебе придется теперь прислуживать всем сопровождающим меня дамам. Но не старайся делать все за предавших меня слуг, пусть высокородные леди сегодня считают себя попавшими на необитаемый остров.

Горничная исчезла, как фантом, а я изумленно уставилась на подругу, не узнавая мою робкую и наивную Гили.

— Да, я попыталась представить, какие обвинения предъявят мне высокородные дамы, когда мы окажемся за одним столом. Обедать и ужинать на шхуне положено в столовой, — хмуро буркнула она.

— Мне кажется, она называется здесь как-то иначе, — делано задумалась я, но принцесса беззаботно отмахнулась.

— Я никогда и ни с кем не разговариваю на чужих языках... кроме учителей этих самых языков. Его императорское величество Сибириус Третий всегда говорит, что это дипломаты и послы должны в совершенстве знать мой язык.

— Тогда пусть это будет столовая, — согласилась я с железным доводом, понимая, как прав император. Любая его попытка заговорить на редких диалектах будет расценена как заигрывание, если не признание превосходства языка и культуры собеседника. — А дамы все равно надуют губы, как бы ты ни поступила. Сегодня пошатнулась их убежденность в собственной ловкости и умении исподтишка руководить твоими действиями, и они всеми силами будут стараться вернуть свою тайную власть. Ведь это было так удобно — скорчишь недовольную или укоризненную гримасу, и принцесса делает так, как хочется ее свите.

Ее высочество огорченно засопела, а я понаблюдала, как она пытается сама налить себе чай, и решительно отобрала чайник:

— Не отбирай заработок у бедной компаньонки. Кстати, я написала про горничных своему жениху, и он прислал ответ.

— Ну? — затаила дыхание сгоравшая от любопытства Гили, вмиг забыв про свои разочарования.

— Вот он... — заветный листок словно нечаянно упал на стол, — но я его никому не давала и читать не позволяла. Вы случайно нашли мою потерю.

— Разумеется, — разворачивая послание, сговорчиво буркнула Онгильена и уткнулась носом в письмо.

Читала она его значительно дольше, чем я сама, и к исходу пятой минуты мне уже хотелось отобрать послание и прочесть еще раз, чтобы понять, что же я там такое важное пропустила?

— Вели, — произнесла наконец принцесса и опустила листок, открывая мне вид на свое лицо, залитое слезами, — это так прекрасно, Вели! Я так рада за тебя, он замечательный человек.

— Но...

— Ничего не говори... я все понимаю. Из-за меня вы не можете сейчас быть вместе... но это же не навсегда? Кэрд обещал придумать надежный план, и я ему верю. И тогда мы все будем счастливы... а пока он даже не может писать мне писем. Они ведь идут через почтовый портал Сарканской цитадели... — Она шмыгнула носом, отерла платочком глаза и нахмурилась, глядя в мое ошеломленное лицо: — Вели? Неужели ты этого не знала?

— Лорд архивариус... — медленно пробормотала я, тщательно подбирая слова, — не стал забивать мне голову всякими сложными вещами и ненужными подробностями... мне ведь после монастыря и так нелегко привыкнуть к вашей жизни. Столько всего нового, необычного... весь мир выглядит вовсе не так, как оттуда, из-за монастырской ограды. Там спокойно, тихо и безопасно, никому не позволено кричать, хохотать и ругаться. Бегать по дорожкам и плавать в открытом море, особенно по ночам, тоже нельзя. Видимо, поэтому мой жених так волнуется за меня. — Посмотрела на слегка растерянно слушающую меня принцессу и едва слышно шепнула: — А тебе неизвестно, кто мог ему доложить о купании?

— Действительно, — опомнилась Гили, по всей вероятности, рассмотревшая в письме только слова «дорогая невеста». — Похоже, он об этом уже знал. Но нас мог видеть только лорд Грензи.

— А разве ни одно окно императорского дома форта Тор-Ханью не выходит на море? — вздохнула я и перевела разговор на другое: — Вчера я сделала ошибку, отказавшись знакомиться с твоими сопровождающими, но жизнь показала, как я была права. Тебе нетрудно будет перечислить всех и не забыть про слуг и компаньонов?

— Все слуги были мои, — сразу полила мою душу бальзамом Гили, — это правило лорда Грензи. Он никому не разрешает брать с собой горничных, камеристок, чтиц и поваров, объясняя это тем, что его гвардейцы могут защитить небольшой отряд, а для защиты целой деревни нужна рота солдат и интендантский обоз в придачу. Поэтому дам всего шесть, и едут они в трех каретах, хотя и обижались поначалу на тесноту. Ведь камеристки едут с ними, а горничные — в отдельной повозке.

— Но ведь вы ехали не спеша?

— Разумеется, — пожала плечами принцесса. — Два-три часа до обеда, потом отдыхали, а после чаепития до ужина обычно ехали еще часа два.

— Завидую, — честно вздохнула я, припомнив обоз, двигавшийся тремя проходами в день, и первый начинался еще до рассвета, едва бледнело на востоке небо.

Потом две стоянки по два часа, на завтрак и обед, и снова движение до самой темноты. Двигаться медленнее, как пояснили опытные путники, обозникам было невыгодно.

— Я сама себе теперь завидую, — горько всхлипнула Онгильена и сразу спохватилась: — Прости, Вели, это не из-за тебя...

— Я понимаю. И очень тебе сочувствую. Но он же обещал что-то придумать? Давай будем надеяться на наших мужчин... они ведь такие умные и особенные. А теперь расскажи про наших спутников.

Как выяснилось, свита принцессы действительно была очень невелика, шесть знатных дам, все значительно старше Гили, и с десятков лордов. Причем из той категории, которые ищут выгодных невест, а не развлечения. И все это очень хорошо показывало отношение придворных блюдолизов к своей принцессе.

Почти все уже считали ее отрезанным ломтем, даже не предполагая, как круто может поменять судьба их низменные расчеты.

Так же, как поменяла планы лорда главного дознавателя и всей его команды. Да и мои собственные тоже.

Первый сюрприз ожидал нас на причале, куда подгоняемая попутным ветерком шхуна причалила на рассвете следующего дня.

Все плавание Гили провела затворницей, лишь изредка выходя погулять на верхнюю палубу и ни разу не соизволив спуститься до общей столовой или призвать к себе кого-нибудь из спутников. А без приглашения никого не пропускали наверх бдительно стоящие на страже гвардейцы лорда Грензи.

Они же сопровождали нас к уже поджидавшей у пристани кареты с императорскими гербами.

Но еще не успели мы к ней подойти, как из узкой улочки вылетели два всадника и помчались нам наперерез.

Воины мгновенно окружили нас и выхватили оружие, но скакавший первым мужчина отстегнул ремешок шляпы и широким жестом отбросил ее в сторону:

— Кто вами командует?

Этот голос и резкое, хищное лицо я не смогла бы спутать ни с каким другим, как и взгляд колючих, безжалостных глаз. И все же на всякий случай торопливо выхватила зеркальце и, полукротвернувшись, сделала вид, будто подправляю на губах помаду.

Напрасный трюк, герцог Альгас Бетдино был абсолютно подлинным и считал себя победителем, судя по скользившей по узким губам торжествующей ухмылке.

— Я, — холодно отозвался лорд Грензи, демонстративно не опуская меч. — Чем могу быть полезен, милорд?

— Я желаю поприветствовать свою невесту, — обезоруживающе широко улыбнулся его светлость, показывая безупречно белые зубы. — Или вам приказано препятствовать нашим встречам?

— Меня просто никто не предупредил о возможности таких свиданий, — не попался на удочку наш капитан. — Вы не можете не знать, как строги мои инструкции.

— Я готов присягнуть на чем угодно, что не замышляю никаких действий, которые могли бы как-либо опорочить либо скомпрометировать ее высочество. — В голосе герцога появились

слишком пафосная гордость и высокомерие.

— Не нужно спорить, лорд Грензи, — спокойно и величественно остановила капитана принцесса. — Пропустите лорда Бетдино, я приму его приветствия.

— Благодарю вас, моя дорогая. — Мгновенно забыв про офицера, герцог легко, как юноша, прыгнул с лошади и, стягивая перчатки, двинулся к Онгильене.

Охранники чуть отступили, освобождая ему дорогу, но оружия так и не убрали.

— Как ваше здоровье, моя драгоценная невеста? — целуя Онгильене руку, ворковал Бетдино. — Помогли вам источники? Вы позволите проводить вас к карете?

Гили молча кивнула и пошла рядом с ним к ожидавшей нас веренице легких экипажей, обязанных доставить ее высочество и свиту в дом градоначальника, заранее получившего положительный ответ на свое довольно смелое приглашение на завтрак. Ему подыграло отсутствие поблизости принадлежащего императору особняка, замка или дворца. А завтракать на обочине или в харчевнях принцессам не позволяло положение.

Я, не отставая, брела следом за ними, точно зная — мое место как компаньонки по всем правилам рядом с принцессой. Однако, как вскоре выяснилось, у его светлости были свои взгляды на эти порядки.

И едва Онгильена, заброшенная уверенной рукой жениха на бархатное сиденье, оказалась в самой нарядной коляске, крытой пышным шелковым балдахинном, герцог коршуном влетел следом и резко захлопнул за собой короткую дверцу, не выпуская ее из крепко вцепившихся пальцев.

Я растерялась только на миг, мотом, сообразив, как подозрительно будет выглядеть, если я помчусь вокруг коляски и попытаюсь втиснуться в экипаж с другой стороны, начала искать какой-нибудь особый способ не оказаться разлученной с принцессой.

Сейчас самым главным было не бросить Гили наедине с герцогом и не отстать от ее высочества, оказавшись в другой карете.

Понимание, насколько куцей, всего из двух вариантов, выпал мне выбор действий, пришло мгновенно, и я сразу отмела самый простой — запятки. Не каждый мужчина сможет там удержаться без привычки, а уж если лошади невзначай понесут, то и у опытных лакеев, бывает, отказывают руки. А я в таком случае, скорее всего, уже через пару минут окажусь на дороге с переломанными ребрами, и не спасут меня никакие способности и чудесные четки. Значит, остался только один, последний способ, и пока мой разум еще пытался представить, как здорово сегодня повеселятся надо мной надменные придворные дамы, ноги уже принесли меня к довольно высоким ступенькам, ведущим на кучерскую скамью.

Я вскарабкалась на облучок со скоростью белки, за которой мчится рассвирепевшая рысь. По счастью, сиденье оказалось широким, а надетый мной дорожный костюм был довольно простым и темным, иначе кучер изумился бы еще сильнее.

— Ну чего так смотришь? — сердито зашипела я, предупреждая его вопросы. — Не видишь, герцог занял мое место? А принцесса велела дальше чем на три шага не отходить... не на запятках же мне ехать?

Он немного подумал, согласно кивнул и захлопнул рот.

— Леди Вельена, вам удобно? — внезапно возник рядом лорд Грензи, уже сидевший на лоснящемся жеребце, и тихо осведомился: — Может, поедете в следующей коляске?

— Потерплю, — так же тихо буркнула я и пояснила скорее для кучера: — Не хочу терять место компаньонки. Тут ведь недалеко?

— Десять минут, — успокоил он, глядя на меня как-то очень уж бдительно. — Ну, вам виднее. Трогай!

Последнее относилось к кучеру, и тот немедленно дернул вожжами:

— Н-но!

Лошади немедленно рванули с места в галоп, и так резко, что меня вжало в спинку скамьи. Пальцы сами нашли, за что уцепиться, и разжать их по собственному желанию я сейчас вряд ли сумела бы.

Кучер, вмиг преобразившийся из унылой меланхоличной личности в дерзкого, отчаянного жокея, крутил над головой кнут как-то особенно ловко и, привстав, покрикивал на неудержимо несущихся коней. Где-то позади, там, где осталась вереница остальных карет, раздавались крики и звяканье оружия, впрочем, стихавшие с каждой секундой.

Мы стремительно пронеслись резво пустеющей улицей, задели на одном из перекрестков тележку зеленщика, но помчались дальше, словно не заметив этого, провожаемые быстро удаляющейся бранью. Вскоре городок закончился, кучер резко свернул с дороги на боковую тропу, уходящую в густую рощу, и я краем глаза рассмотрела пытающихся догнать нас всадников.

И вдруг отчетливо поняла, как бесполезны их старания. Мы уже слишком сильно оторвались от погони и все так же бешено мчались между берез и орешников по полузаросшей тропке, то и дело сплетающейся и расходящейся с другими такими же непонятно куда ведущими дорожками. Судя по всему, лорд Бетдино очень хорошо подготовился, прежде чем решился похитить строптивую невесту.

И отлично знает, что особого наказания ему за это не будет. Луны через две-три император простит горячо влюбленному зятю этот безумный поступок. Если еще будет к тому времени сидеть на троне.

Но во всех случаях Онгильену это сломает... и у меня больше не будет звездной сестры.

Колокольчик звякнул, казалось, в самое ухо, и кучер поспешил остановить коляску. А потом согнулся, как от приступа морской болезни, и захрипел так отчаянно, словно это не он еще минуту назад залихватски крутил кнутом.

— Идем, моя дорогая, — слышался приторный голос герцога, и коляска качнулась.

Я тотчас опустила голову к собственным коленям, подчиняясь давно заученному правилу никогда не смотреть в лицо злодеям и стараться вообще не попадать им на глаза.

Лишь когда заметила удаляющийся светлый подол Онгильены, отважилась медленно повернуть голову и проводить принцессу взглядом. Она стояла, прислонившись спиной к

березке, и казалась такой же белой, как молодая кора. Но больше всего меня поразила ее вздымающаяся грудь, Гили дышала так тяжело, словно не приехала, а прибежала на собственных ногах.

Только потом я осознала, чем занимался в этот момент его светлость. Оказывается, он устанавливал на ровной полянке баснословно дорогую штуку — магический портал. Их изготавливали маги Саркана и продавали только самым знатным и богатым людям на случай нападения, пожара или прочей беды. Увести с его помощью можно не более трех человек, и значит, кого-то из двоих, меня или кучера, герцог вынужден будет оставить тут. Хотя я ему во всех случаях не нужна, как, впрочем, и задыхающийся конюх.

Чтобы попытаться спасти принцессу, у меня оставалось не больше минуты.

А Танрод, как назло, научил только ставить щиты и не рассказал ни одного способа избавления от дерзких герцогов.

Хотя... один у меня все же есть, причем проверенный.

Поспешно подхватила юбки и, почти кубарем скатившись с облучка, вихрем помчалась к Онгильене.

— А это еще кто такая? — оглянувшись, свирепо рявкнул Бетдино. — А ну, пошла прочь!

В этот миг туманный овал, поднявшийся перед ним, заискрился краями, прогнулся внутрь радужной пленкой, и герцог, забыв про меня, оглянулся на невесту:

— Быстро ко мне, дорогая!

И Гили, качнувшись, отклеилась от березы, явно собираясь сделать те три шага, которые отделяли ее от свободы.

— Прочь! — отчаянно заорала я, и принцесса испуганно отшатнулась назад.

На лице Бетдино проступило откровенное изумление, он резко протянул к невесте руку, но ничего больше не успел ни сказать, ни сделать.

Порыв поднятого моим криком ветра наконец достиг его, ударил в грудь и опрокинул в посветлевшее окно, ведущее неизвестно куда. А через несколько секунд оно захлебнулось влетающим в него песком, травой и листьями и угасло, оставив запах грозы.

Гили застонала, покачнулась и вдруг упала на колени, и я, позабыв обо всем, ринулась к ней. Несколько секунд торопливо ощупывала и слушала рваные удары сердца, потом сбегала за подушкой и покрывалом. Попутно нашла в багажном ящике свой баул и достала почтовую шкатулку, решив отныне везде носить ее с собой.

А потом, уложив Гили под деревом и устроившись рядом с подругой, для которой пока не могла больше ничего сделать, торопливо набросала Танроду записку и приготовилась ждать ответ. Даже на миг не сомневаясь, с какой скоростью лорд дознаватель ответит или даже сам примчится сюда.

Однако сначала на полянку вылетели двое всадников в форме гвардейского императорского полка и остановились возле кареты. Крутнулись на лошадях, оглядываясь по сторонам, заметили под деревом нас с принцессой, и первым делом один протрубил в серебряный рожок,

а второй бросил на траву глухо хрустнувший сигнальный шарик.

Густо-черная змейка магического дыма мгновенно устремилась к нежным утренним облакам, и вскоре послышался конский топот. А потом из кустов выскочило несколько всадников, и на маленькой полянке стало очень тесно. Они подъехали ближе и взяли нас в кольцо, однако слезать с лошадей не спешили, так и гарцевали вокруг, и вскоре меня начало подташнивать. От мелькания лошадиных хвостов и ног, от запаха конского пота и навоза, которым добрые животные не преминули осчастливить скудную почву спускающегося к морю лесистого холма.

— А вы не могли бы отъехать подальше? — не выдержала я. — Насколько мне известно, конские яблоки не считаются ценным лекарством для ее императорского высочества.

— Мы вас охраняем, — хмуро бросил один из гвардейцев. — И пока не знаем, настоящая это принцесса или нет.

— А когда выяснится, что она настоящая, — начала свирепеть я, — то лично ты съешь эти яблоки. За жестокость. Отвратительно заставлять ее высочество нюхать такую вонь, когда у нее и без того голова болит.

Отвечать воины не стали, но круг немного расширили и с той секунды смотрели на меня, как на особо вредную букашку.

Лорд Грензи прискакал через несколько минут, и вот он не стал осторожничать. Соскочил с коня, в несколько широких шагов оказался рядом с нами и, присев, взгляделся в бледное лицо Онгильены:

— Не знаете, что с ней?

— Похоже на морскую болезнь, — проворчала я непримиримо. — А ваши люди еще и коней тут выгуляли.

— У них приказ, — огрызнулся лорд и оглянулся: — А где лорд Бетдино?

— Прыгнул в странное серое облако, — с нарочитым испугом прошептала я, успев за последние минуты обдумать произошедшее и сообразить, что монашка Вельена никак не могла до этого видеть магические пути.

— Один? — не поверил лорд.

— Он звал и ее высочество, — пришлось признаться в наблюдении за женихом Онгильены и слегка слукавить, — но она еле стояла... а потом упала. У вас нет воды? Я попробую ее напоить.

Лорд Грензи тотчас снял с пояса фляжку и протянул мне, а потом оглядел примятую траву и задумался, наблюдая, как я пытаюсь влить в рот ее высочества несколько капель похожей на вино жидкости, оказавшейся в его фляжке.

— Довольно, — отобрал он наконец свой сосуд и снова пристально уставился на меня. — Леди Вельена, а вы не помните, где находилось это облако и где вы сами были в это время?

— Помню. Теперь эта картина всегда будет стоять в моих глазах, — вздохнула я. — Облако было в трех шагах отсюда, вон там. А я сидела на облучке... боялась, если слезу, они уедут без меня.

Разумеется, я немного недоговаривала, но рассказывать всю правду изначально не собиралась никому, кроме Танрода.

ГЛАВА 30

К тому времени как из кустов вырвался крупный черный конь, на котором сидел лорд главный дознаватель, облаченный в черное одеяние и непроницаемую маску, офицер Грензи успел многое. Отыскал среди травы усыпанное камнями украшение, похожее одновременно на ободок круглого зеркала и замысловатую пряжку, и, завернув в платок, спрятал во внутренний карман форменного кителя. Затем лично проветрил коляску, и без того продуваемую всеми ветрами, уложил под кустом вцепившегося в собственные волосы конюха и заставил одного из воинов отбросить за кусты лошадиные подарки.

Да и остальных гвардейцев отправил подальше, и они больше не кружили воронами по полянке, а разъехались по окрестным зарослям, наблюдая оттуда за всеми входящими сюда тропками. Излишняя мера, по моему мнению, вряд ли герцог решится сейчас вернуться сюда, даже если у него и имеется такая возможность. Хотя я сама в этом сильно сомневалась.

Я во все глаза следила за Танродом, которому что-то тихо докладывал ринувшийся к дознавателю лорд Грензи, и чувствовала неясное волнение. И даже не столь смутное, сколько странное или подозрительное. Почему-то оно ничуть не было похоже на внимание девушки к мужчине, кольцо которого она носит, или ожидание помощи, какое я должна бы ощущать как сообщница.

В душе, наоборот, темной стеной поднималась непонятная досада, почти враждебность, и она не унималась по мере того, как к нам подходил дознаватель. У меня мелькнуло подозрение, что это растет обида на его невнимание: на нас напали, я едва сумела спасти Гили и сию минуту теперь голодная, обиженная и переживающая за утонувшую в странном сне принцессу, а он даже не подошел, ни слова не бросил, ни взгляда. Странное отношение к ученице, да и к невесте.

И только тут я осознала, что не вижу на его пальцах, которыми он перебирает порталный амулет, кольца с синим камнем, так похожего на мое собственное.

Несколько секунд я размышляла, бдительно изучая движения и жесты скрывающегося под маской мужчины и все меньше находя в них сходства с лордом Ледхаром. А когда дознаватель двинулся к нам, по вальяжной, но совершенно незнакомой мне походке и манерам поняла, как права была моя профессиональная наблюдательность. Нет ничего общего между ожидаемым мной лордом дознавателем и прибывшим вместо него господином.

Всего секунду сомневалась, нужно ли выдавать свое открытие, но тут же сделала выбор. Пока Танрод сам не скажет мне прямо, что можно доверять этому человеку, никаких намеков делать я не стану. Но и скрывать «родство» с Ледхаром тоже не буду, тем более что мы уже к обеду должны добраться до дворца.

С нарочитой суетливостью провела руками по сборкам юбки, будто оправляя ее на коленях, одернула жакетку, незаметно повернув кольцо Танрода камнем вверх. Насколько мне известно, девушки моего возраста никогда не прячут таких украшений, мгновенно переносящих их из разряда завистливых старых дев в мир благополучных женщин, имеющих своего собственного мужчину.

Стало быть, и мне положено гордиться званием невесты лорда архивариуса и вести себя соответственно. И я постараюсь всем показать эту гордость... но прежде проверю лорда

дознателя. Мне почему-то думается, что не так-то просты подобные моему кольца.

Но сначала все же прикрыла заветное украшение второй ладонью, делая вид, будто сжимаю руки в тревоге или страхе.

— Леди Вельена Глоэн ле Морнье, — то ли позвал меня, то ли представил дознавателю лорд Грензи, и я немедленно подняла измученный взгляд на уставившегося на меня лорда, изображавшего главного дознавателя.

В тени узких прорезей безлико равнодушной серебряной маски видны были лишь зрачки, но радужка у них была карей, а не серой, и это меня неожиданно обрадовало. Почти до слез, я и сама от себя такого не ожидала.

— Вы хотели о чем-то спросить? — Подняв к губам руку с зажатым в ней платочком, я дала лордам возможность рассмотреть надетое на палец кольцо.

— Вы обручены? — так и впился в него взглядом главный дознаватель, и я скромно потупилась в ответ:

— Да, всего несколько дней.

— И кто... — запнулся он, но немедленно спохватился и строго закончил, — ваш жених?

— Лорд Танрод Ледхар, ваша светлость.

— Поздравляю... — снова поперхнулся он и оглянулся на офицера: — Лорд Грензи, я немедленно забираю ее высочество и ухажу во дворец. Леди Глоэн и конюха тоже увожу с собой как важных свидетелей. Выделите мне неболтливому гвардейца, конюх идти не сможет.

— Я сам с вами пойду, — тотчас решил лорд Грензи, — а вместо себя оставлю сержанта Кирби. Подождите несколько секунд.

И он ринулся к кусту, где лежал конюх, попутно призывая свистком своих подчиненных и на ходу выдавая им указания.

А лорд дознаватель помог подняться мне, подхватил на руки Онгильену и, дождавшись почти бегом прибежавшего капитана, открыл туманное око магического пути.

Я шагнула в него с нелегким сердцем, отлично осознавая, насколько непредсказуемо в этот миг мое будущее и как круто может повернуть судьба. Но и отказаться не могла, и даже не приказ лорда дознавателя был этому главной причиной. Мне казалось непростительным предательством оставить лежащую в полудреме-полубессознании Онгильену в руках незнакомого мага.

И потому, едва оказавшись после залитой солнцем полянки в полутемной комнатке, я ринулась следом за дознавателем, торопливо уносящим куда-то Гили.

— Вы можете посидеть здесь, — оглянулся маг спустя несколько секунд, обнаружив меня рядом с собой, но я ответила непреклонным взглядом:

— Ее высочество назначила меня компаньонкой, и поэтому я не оставлю ее наедине с мужчиной.

— Разве незамужние леди могут получать должность компаньонки? — скептически огрызнулся

он, но тут же пояснил более миролюбиво: — Мы в императорском дворце, в целительском крыле.

— Тем более, — сухо отозвалась я и снизошла до пояснений: — А воспитанницы монастыря Святой Матери, имеющие полный диплом, имеют право занимать любую должность в любой знатной семье.

— Так вы монахиня, — одарил он меня более заинтересованным взглядом и тотчас отвернулся к распахнувшейся перед ним двери.

— Ваша светлость... — донеслось из глубины помещения вместе с ароматом сухих трав и мазей, и тут же кто-то, пока невидимый, знакомо охнул: — Ее высочество!

Я на миг приостановилась у входа, рассматривая светлый кабинет целителя, застекленные шкафы и мрамор операционного стола, кресла и кушетки в белоснежных крахмальных чехлах. И не сразу рассмотрела такого же белого и крахмального лорда Доура ле Консаго.

А узнав его, невольно облегченно выдохнула, и не моя вина, что выдох получился более похожим на стон. Маг тотчас оглянулся, нахмурившись, строго уставился на меня и явно намеревался сказать, что посторонним барышням делать тут нечего, как вдруг узнал меня и как-то по-детски растерялся:

— Леди Вельена? Вы тоже ко мне?

— Я с ее высочеством, она назначила меня компаньонкой, — пришлось снова прикрываться свежеполученной должностью, — и могу помочь... если потребуется.

Главный лорд дознаватель опустил Гили на кушетку и направился к выходу.

— А вы знаете, что с ней случилось? — задумчиво осведомился присевший рядом с Онгильеной лорд Доур и взял ее за запястье.

Маг внезапно раздумал уходить и уселся в хрустящее кресло.

— Лорд Бетдино, — коротко сообщила я.

— Откуда... — Доур оглянулся на дознавателя и спросил иначе: — И где это было?

— В порту, — дала такой же краткий ответ, начиная сомневаться, верно ли поступаю, рассказывая им такие подробности, и как объяснил это происшествие лорд Грензи?

И самое главное, кому из них нельзя доверять? Доуру доверял сам Танрод, но всего ему не сказал, а этот ходит в маске моего жениха, и только теперь я начинаю подозревать, что эта маска у них такая же переходящая, как капюшон у палача.

Лорд Доур смотрел на меня ожидающе, но я молчала, сделав вид, будто не понимаю его надежд. Ведь на самом деле я ничего не видела и не поняла, как и лорд Грензи. И только сейчас начинала подозревать, что волноваться нужно было еще в тот момент, когда Гили вдруг приказала пропустить к ней герцога, хотя еще за полчаса до этого не просто не желала видеть его, но и отчаянно боялась.

— Можно? — внезапно ворвался в кабинет целителя Танрод, неся с собой запах хвои, рыбы и дыма костра.

Перед моим мысленным взглядом как наяву встал Глоэн, его обшарпанные, но надежные стены, бескрайние леса и спелая земляника на пригорках сада. И так захотелось вдруг туда, подальше от этих интриг, опасностей и нескончаемых тайн, заставляющих все время держаться настороже.

— Ты вовремя, — буркнул Доур, но магистр и сам уже увидел меня и в несколько шагов оказался рядом, стиснул в медвежьих объятиях.

На душе сразу стало спокойно и хорошо, как бывало только очень давно, лет пятнадцать назад, когда еще жива была моя матушка, умевшая утешить все печали простым прикосновением теплой ладони.

— Идем домой, — решил он через секунду. — Тебе нужно отдохнуть и умыться. Ее высочеству моя помощь пока не нужна, ей достаточно хорошо выспаться, она просто эмоционально выпита.

— Откуда он взял такой амулет? — еще недоверчиво бурчал лорд Доур, а мы уже стояли в кабинете учителя, откуда уходили в портал всего полсуток назад.

— Рассказывай. — Танрод усадил меня на диванчик и сел напротив, и теперь его лицо было усталым, серьезным и сосредоточенным.

Я рассказала все до мельчайших подробностей, повторила те моменты, которые заинтересовали магистра особо, и уже начала понемногу злиться на проверки Танрода, когда он решительно прервал допрос:

— Иди купайся, переодевайся и завтракай. Как только Онгильена начнет приходить в себя, я перенесу тебя к ней. Нельзя оставлять ее со всякими камеристками и сиделками... и, кроме того, она будет за тебя волноваться.

— Танрод, — мне нелегко было решиться на это объяснение, но другого выхода не находилось, — я хотела тебе об этом рассказать...

— Позже... сейчас нет ни минуты лишней, — остановил он меня и исчез стремительно, словно растаял.

Я немного посидела на диванчике, саркастически усмехаясь над своими опасениями, и побрела к выходу. Но едва оказалась в широком коридоре первого этажа и рассмотрела спящую на ковре черную мохнатую тушу, как разом забыла про все тревоги и сомнения.

— Кыш!

Он вмиг оказался рядом, облизал шершавым языком лицо, тщательно обнюхал руки и подол и потащил меня на кухню, намекая на положенное после разлуки угощение.

До возвращения Танрода я успела умыться и причесаться, позавтракать и переодеться в другое платье, нарочно подобрав такого же цвета. На всякий случай, вдруг кареты свиты успеют прибыть во дворец, каким тогда чудом объяснять, откуда я взяла новый наряд, если мои сундуки едут в обозе?

Хотя вполне возможно, никто никаких объяснений и не потребует, но это не значит, что я не должна предусмотреть любую случайность.

В этот раз магистр прибыл в одежде главного дознавателя, со своей знаменитой звездой на груди и с маской в руке.

Осмотрел меня придиричивым взглядом, кивнул и надел маску:

— Пора идти. Тебе придется немного посидеть в камере для свидетелей, потом вызовем на допрос. Говори только то, о чем рассказала мне, не добавляй никаких догадок или выводов. И не забудь — сейчас я тебе не жених.

Его голос звучал из-под маски глуховато, с каким-то металлическим эхом, но ни страха, ни особой тревоги пока не вызывал, хотя последняя фраза неприятно царапнула сердце равнодушной деловитостью.

Однако ничего спросить я не успела, вокруг на миг потемнело, и мы оказались в небольшой комнатке с решетками на окне и двери.

Лорд главный дознаватель сухо кивнул мне и, не сказав ни слова, вышел, не забыв запереть решетку, за которой виднелся сумрачный коридор с покрытым простыми циновками каменным полом. Таким, какой бывает только в подвалах и тюрьмах.

Мне оставалось лишь ехидно усмехнуться ему вслед и от нечего делать отправиться изучать свое новое пристанище. Скучное, нужно сказать, жилье, похоже, тут всех свидетелей либо заранее подозревают в соучастии, либо нарочно запугивают, чтобы у них и мысли не появилось попытаться солгать.

А вот ко мне это не относится ни в коей мере, хотя знает мою тайну только Танрод. И пока непонятно, решится ли он выступить в мою защиту. Ведь неспроста же мой фиктивный жених напомнил, что лорд главный дознаватель и императорский архивариус — это два разных человека.

Как-то я начинаю в этом путаться, особенно когда думаю о тех тайнах Эвелины Бенро, которые едва не открыла своему учителю. Или он все же был в тот момент только дознавателем?

Темные силы, как у них все запутано!

Вот не зря мне пока не верится, что я больше не отношусь к простым людям, а подчиняюсь только Сарканской цитадели и ее законам. Иначе сейчас обижалась бы на магов, посадивших меня за решетку. Ведь все они, в отличие от меня, прекрасно помнят эти правила? И были бы должны защищать меня от имперского правосудия... а в случае если и вынуждены привлекать в качестве свидетеля, то обращаться с почтением и не сажать ни за какие решетки.

Я неспешно прошла к лежанке, заправленной солдатским одеялом, села и задумалась. Вопиющие несоответствия, обнаруженные мной в правилах магов и обращении со мной, были, как говорится, налицо, и теперь меня волновало лишь одно: как мне отвечать, если это заметит еще кто-нибудь, кроме лорда Доура?

И почему целитель, отлично знавший, что я теперь тоже маг, не стал сообщать об этом дознавателям и так обрадовался приходу Танрода? Ох, чует мое сердце, дело тут нечисто, и мне теперь смешны страхи, мучившие меня при воспоминании о моих шпионских проделках в пользу «Женских тайн».

Маги, как выясняется, намного большие хитрецы и мошенники, и мне до их выходов пока еще очень далеко.